

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

4(26) 2008
м а й

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№4'2008

Общество

■ РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

И. Шмерлина

Отъезд за границу сегодня:
трудности интерпретации5

■ КОСМОС

Е. Васильева

Космос в жизни человечества и в жизни человека:
достижения и поражения, мечты и страхи 18

■ ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Е. Вовк

Эмоции в нашей жизни:
отношение к эмоциональности и правила
эмоционального поведения26

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Г. Кертман

Ульяновск навсегда?34

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев53

■ ЮБИЛЕЙ

У нас в гостях

Андрей Григорьевич Здравомыслов43

■ БЕСЕДА

Б. Докторов, В. Ядов

Разговоры через океан:

о поколениях отечественных социологов

на протяжении полувека47

■ ПРОЕКТЫ

Представляем проект ФОМа “Люди-XXI”82

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

Ч. Миллс

Об интеллектуальном мастерстве

(и социологическом воображении)85

А. Мавлетова

Казино: территория эмоциональности

или расчета?96

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...41

С. Кишова

Школьники на каникулах18

П. Бавин

Российские суды в жизни и на телеэкране27

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский

“Мастерская”

Иван Климов
Олег Оберемко

“Цифры”

Елена Вовк

“Между прочим”

Анатолий Черняков

Арт-директор

Анна Данилова

Ответственный секретарь

Мария Каневская

Маркет-менеджер

Светлана Басманова

Редакторы выпуска

Анастасия Егорова

Мария Каневская

Светлана Королькова

Корректор

Наталья Шарова

Оригинал-макет

Любовь Софейчук

Рисунки

Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель

Фонд “Общественное мнение”

Президент

Александр Ослон

Директор по исследованиям

Елена Петренко

Директор по технологиям

Алексей Чуриков

Финансовый директор

Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

Журнал выходит 10 раз в год

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать

23.06.2008 г.

Адрес редакции журнала:

121552, Москва,

ул. Островная, вл. 2

тел.: (495) 745-87-65

факс: (495) 745-89-03

e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:

<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии

ООО “Группа Море”

101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

CO B T C E E L E P O

И. Шмерлина

Отъезд за границу сегодня: трудности интерпретации

В сознании любого общества существует набор тем, особенно “сензитивных” в ценностном отношении. Их переосмысление всегда идет трудно, неровно, сопровождается конфликтами и искажением привычной картины мира.

Тема межгосударственной мобильности, расширения “ареала обитания” российского человека в этом плане достаточно показательна. Она высвечивает те идеологические наслоения, которые приходится преодолевать либерализующемуся массовому сознанию, выводит на поверхность плохо стыкующиеся между собой установки из числа тех, что определяют отношение людей к происходящим вокруг них процессам.

“Простые русские ищут, где им лучше”

Во времена не столь давние несанкционированный переезд советского человека за границу квалифицировался обществом как непростительное преступление против Родины. Сегодня отъезд на временное или постоянное жительство за границу воспринимается как весьма распространенный тип жизненных траекторий, которые обычно прокладываются через работу, брак, учебу.

“Раньше там... а сейчас к этому стали как-то просто, проще относиться, более лояльно, уехал – уехал...” (ДФГ, Москва)¹.

“Кто едет продолжать учебу либо реализовывать... как-то продвигаться по карьерной лестнице – тоже обычные люди...” (ДФГ, Воронеж).

По мнению респондентов, участвовавших в массовом опросе на эту тему², российские граждане чаще всего едут за границу “за богатством”, “на заработки”, “за долларами” или “длинным рублем” – подобные ответы дали 46% респондентов, когда их спросили “Как Вы думаете, зачем сегодня люди уезжают за границу на длительный срок?” (вопрос задавался в открытой форме). По мнению каждого четвертого (27%), люди отправляются за рубеж “не от хорошей жизни”,

¹ Дискуссионные фокус-группы проведены 26 июня 2007 года в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

² Опрос населения от 30 июня – 1 июля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

“чтобы жить по-человечески”, “пожить в свое удовольствие, как нормальные люди”.

Кто-то думает, что люди уезжают из страны, в которой “жить невозможно: преступность, коррупция”; они “боятся здесь оставаться” и едут туда, “где более стабильная обстановка”, где “живут по законам” (3% участников массового опроса).

“Да, немало людей, которые хотят безопасной жизни. Это тоже один из стимулов переезда за границу. Вот из разговоров моих друзей и знакомых. Есть какой-то хутор, который можно купить и поселиться там жить. Но они приходят к выводу, что именно криминогенная обстановка не позволит там нормально жить. Вот это яркий пример, как мне кажется... То есть о хуторах речь не идет. Только там, где общежитие, где побольше людей, – там еще может быть побезопасней. А за границей – пожалуйста” (ДФГ, Санкт-Петербург).

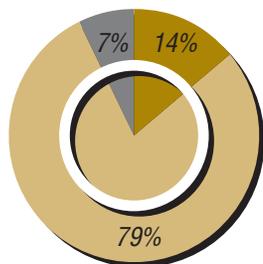
Каждый десятый участник массового опроса считает, что россияне обычно уезжают за рубеж “в поисках работы”, а каждый двадцатый – что они “хотят мир посмотреть”, “познать другую жизнь”; “посмотреть, как люди живут в других странах”. Некоторые респонденты говорят, что люди едут в другие страны “за образованием”, “для повышения знаний”; “квалификации” (3%); другие полагают, что туда стремятся те, кто уже обладает высоким уровнем знаний и профессиональных возможностей, чтобы “реализовать себя в жизни по-крупному” (3%). Некоторые (3%), интегрируя в той или иной степени доводы, приведенные выше, говорили, что россияне уезжают за границу, чтобы остаться там навсегда.

Отвечая на прямо поставленный вопрос “Как Вы думаете, большинство россиян, уезжающих за границу на длительный срок, собираются остаться за рубежом навсегда или собираются вернуться обратно?”, 33% респондентов выбрали первый вариант ответа, а 38% – второй. Последнее мнение (“собираются вернуться обратно”) чаще других высказывали граждане, имеющие высшее образование (46%). Не смогли или не захотели ответить на этот вопрос 29% респондентов.

“Уезжают на заработки, а там уже как сложатся обстоятельства. Они смотрят, если им лучше там, чем здесь, они могут остаться” (ДФГ, Воронеж).

Людей, уезжающих за границу навсегда, сегодня осуждают немногие – судя по полученным данным, 14% наших сограждан (чаще остальных – люди пожилые

Одни люди осуждают россиян, которые навсегда уезжают за границу. Другие не видят в этом ничего дурного. Скажите, пожалуйста, а Вы лично осуждаете или не осуждаете россиян, которые навсегда уезжают за границу?

- осуждаю
- не осуждаю
- затрудняюсь ответить

Начало истории русской эмиграции принято возводить к XVI веку – ко времени Ивана Грозного: первым политическим эмигрантом в таком случае был князь Курбский. Век XVII ознаменовался и первыми “невозвращенцами”: ими, судя по всему, стали те молодые дворяне, кого Борис Годунов послал в Европу учиться, но в Россию они не вернулись. Самые известные российские эмигранты дореволюционного времени – это, пожалуй, Гоголь, Герцен, Тургенев (Франция и Германия, 1847–1883), Мечников (Париж, 1888–1916), Пирогов, Ленин и Горький, а самый известный “командировочный” – скорее всего Тютчев.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

и малообразованные: 26% и 24% соответственно), в то время как порядка 80% опрошенных сказали, что ничего предвзятого в этом не видят (7% не имеют определенной точки зрения). Распределение ответов среди тех, у кого есть родные или знакомые за границей, еще более смещено в сторону толерантного отношения: в этой группе осуждают уехавших навсегда 9%, а 89% их не осуждают³.

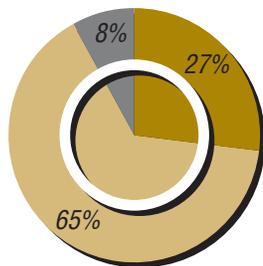
Конечно, и сегодня иногда звучат высказывания, квалифицирующие смену страны обитания как предательство Родины, в высшей степени безнравственный поступок.

“Измена России”; “я считаю их предателями”; “бросают Россию, Родину”; “их не считаю за россиян”; “не патриоты”; “не любят Родину”; “на Родине надо оставаться”; “русский должен жить на Родине”; “где родился – там и живи”; “никакого патриотизма”; “им не нравятся русские люди”; “предатели России, которая их вырастила и воспитала”; “здесь родились и надо дальше жить” (7%; ответы на открытый вопрос “Почему Вы осуждаете россиян, навсегда уезжающих за границу?”).

Чаще, однако, это явление воспринимается как оправданный (в той или иной мере) поиск человеком своего места в жизни, своей ниши в глобализирующейся внешней среде.

³ Родные и / или близкие, уехавшие за границу, есть примерно у трети (36%) россиян (чаще других об этом говорили жители Москвы – 56%, высокообразованные граждане – 52%, относительно обеспеченные респонденты – 50%); у 62% никто в близком окружении из страны не уехал. Большинство из тех, кто имеет родных или знакомых, осевших за рубежом, поддерживают с ними отношения (59%, или 21% по выборке в целом); не поддерживают – 40% этой группы (14% от общего числа опрошенных).

Скажите, пожалуйста, Вы осуждаете или не осуждаете ученых, которые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?

- осуждаю
- не осуждаю
- затрудняюсь ответить

В ходе обсуждения темы миграции на фокус-группах звучали, конечно, и осуждающие высказывания (мы приведем их ниже), однако в большинстве случаев участники придерживались либерального взгляда на проблему – в диапазоне от отстраненно-толерантного (“Мне параллельно просто. У всех своя жизнь – кто как хочет, так и решает...”) – заявил участник московской фокус-группы) до одобрительного отношения.

“Люди ищут свой путь в жизни, ищут, как себя выразить наиболее максимально, скажем так, как получить со своих знаний, со своих умений максимальный доход, который мог бы обеспечить их, их семью” (ДФГ, Воронеж).

“В принципе это их право... Кто как, кому как удобней, кому как выгодней в конце концов. Кому как больше нравится – то есть здесь или там” (ДФГ, Москва).

“Я считаю, что у каждого человека есть право выбора и его надо уважать. Люди едут зачем-то, значит, им нужно это... Нет, мое отношение однозначное – что я уважаю любое мнение чужого человека, и каждый считает... живет так, как считает нужным, и надо уважать это решение” (ДФГ, Москва).

В восприятии значительной части россиян отъезд за границу превратился в привычное, едва ли не рядовое событие. Неслучайно при обсуждении этой темы участники воронежской фокус-группы незаметно перешли к внутрироссийским миграционным процессам.

1-я участница: У нас знакомые жили в Польше и вернулись в Россию. Сказали, что сейчас в Польше обстановка намного хуже и с работой, и с качеством жизни, поэтому вернулись сюда, хотя прожили там долгое время... Сначала им очень там понравилось, а потом как-то... И они уехали в Москву. В Москве больше перспектив.

2-я участница: Да, сейчас в Москву едут многие. <...>

3-я участница: В Москве работы больше стало появляться, люди едут на заработки туда в основном. Платят нормально. <...>

4-я участник: Москва – это Россия” (ДФГ, Воронеж).

Двойной стандарт

Если “простых людей”, переселяющихся в другие страны, наши сограждане порицают редко, то по отношению к представителям интеллектуальной элиты, уезжающим из страны даже на время, они настроены более жестко. Доля осуждающих крупных российских ученых, которые отбывают на работу в зарубежные исследовательские центры, составляет 27% – то есть вдвое превышает число тех, кто осуждает “простых граждан”, покидающих Россию навсегда. Чаще всего неодобрительно в адрес таких ученых высказываются люди с невысоким уровнем образования (40%), пожилые (39%), малообеспеченные граждане (35%) и жители сел (36%).

Подобный “двойной стандарт” проявился и во время групповых дискуссий. Как только речь заходила об отъезде за границу не “простых людей”, а ученых, оценки и тональность разговора сильно менялись.

“Модератор: Я поняла, что большинство относится положительно.

Участник ДФГ: Что касается простых людей, то да. А вот если это спортсмены, тренеры, ученые...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

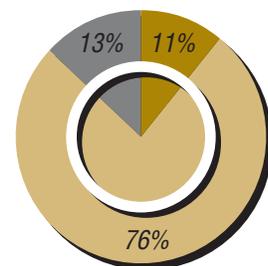
“По-моему, они (обычные, «простые люди» – И. Ш.) только уважения заслуживают. Это рациональные люди, которые умеют устраивать свои планы. Планы их опираются на вполне реальную почву. И они эти планы реализуют за границей. Реализуют самих себя... Я лично с уважением отношусь. Потому что они очень рационально поступают. Конечно, если не брать большой пласт людей, что называется утечкой мозгов. Вот там несколько иначе все обстоит” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“К ученым – конечно, отрицательно” (ДФГ, Воронеж).

Противоположную – толерантную – позицию в отношении ученых, уезжающих за границу, занимают две трети респондентов (65%). Особенно характерна эта позиция для жителей Москвы и других мегаполисов (78% и 76%), людей, получивших высшее образование (77%), относительно обеспеченных (73%) и молодых (72%). Ответы тех, кто имеет родных и знакомых, уехавших за рубеж навсегда, также несколько отличаются от общего распределения по выборке: в этой группе осуждают ученых 17%, не осуждают – 77%.

При этом три четверти россиян (76%) воспринимают переезд крупных российских ученых на работу в зарубежные исследовательские центры как негативное явление. К позитивной оценке данного явления склоняются 11% опрошенных; 13% затруднились сказать что-либо определенное на этот счет. Показательно, что практически такое же распределение ответов получено в группе респондентов, у которых есть родные или знакомые, уехавшие за рубеж навсегда. В то же время в Москве негативно оценивают переезд крупных ученых за рубеж 81% (при том, напомним, именно москвичи реже всех в принципе осуждали ученых, поступающих таким образом).

Особая категория людей, уезжающих за границу на длительный срок или навсегда, – это крупные ученые, которых персонально приглашают зарубежные исследовательские центры. Как Вы считаете, это хорошо или плохо, что крупные российские ученые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?

- хорошо
- плохо
- затрудняюсь ответить

Как правовое понятие эмиграция в дореволюционном российском законодательстве отсутствовало. Переход россиян в иное гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего нужно было ходатайствовать о продлении срока. В противном случае человек утрачивал гражданство и подлежал, в случае возвращения, аресту и вечной ссылке; имущество же его автоматически переходило в Опекунский совет. Начиная с 1892 года, эмиграция допускалась лишь применительно к евреям: но им в таком случае категорически воспрещалась любая форма репатриации.

До середины XIX столетия и сами по себе случаи эмиграции были едва ли не единичными. Потом они несколько участились (главным образом по политическим мотивам), но число прибывающих в Россию неизменно превышало число ее покидающих. И только накануне и, в особенности, после крепостной реформы 1861 года положение серьезно изменилось: выезд за рубежи России, а стало быть и эмиграция, стал поистине массовым явлением.

Эмиграцию дореволюционную обычно делят не на хронологические волны, а на четыре типологические группы со смешанными основаниями деления: трудовая (или экономическая), религиозная, еврейская и политическая (или революционная). В первых трех группах безоговорочно преобладала межконтинентальная эмиграция (главным образом в США и Канаду), а в случае политической эмиграции – от Герцена и до Ленина – всегда доминировало европейское направление

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

Отвечая на открытый вопрос «Почему Вы считаете, что это плохо, когда крупные российские ученые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?», респонденты чаще всего говорили об «утечке мозгов», пагубно сказывающейся на развитии нашей науки (30%).

Впрочем, в аргументации респондентов не всегда разделялась оценка самого явления научной эмиграции и отношение к людям, эту эмиграцию олицетворяющим, в силу чего при ответе на открытый вопрос часто звучали аргументы морального плана («так как мы рождены в России и должны дышать российским воздухом и жить здесь», «должны работать на благо Родины», «страна их выучила, а они на дядю работают» – 22%).

Многие (13%) видят в факте отъезда ученых за рубеж свидетельство того, что «страна о них плохо заботится». В результате такой миграции, как подчеркивали 7% участников опроса, «страна приходит в убыток», «подрывается наша экономика, наш фундамент страны». На том, что Россия теряет научные идеи и разработки, в том числе секретные, акцентировали внимание 3% респондентов.

«Патриотизм»: индивидуальные версии прочтения

Как известно, открытые вопросы эксплицируют существующий репертуар доводов и оценок в «выпаренном виде» (расклассифицированные ответы на открытый вопрос – это своего рода «гербарий» обыденной аргументации). Групповые дискуссии имеют здесь то очевидное преимущество, что позволяют проследить за развитием соответствующих аргументов, суждений, оценок в их живой, «естест-

венной среде”. Подобное “натурное наблюдение” за обыденной аргументацией показывает, что в отношении кученым, отъезжающим за границу, стягиваются основные болевые моменты восприятия российской эмиграции как таковой. В зоне этой проблемы либеральные импульсы массового сознания сталкиваются с культурно-ценностными установками, “настоянными” на идеологии советских времен, и это приводит к фрагментарному, расколотому видению проблемы миграции.

Подчеркнем, что в данном случае есть основания говорить не просто о дифференцированном состоянии массового сознания (что является его естественным состоянием, если понимать под дифференцированностью наличие разных точек зрения на одну и ту же проблему, воплощающих установки различных социальных субъектов). Раскол – это одновременное сосуществование в сознании субъекта противоречивых, конфликтующих точек зрения. В нашем случае подобный раскол имеет крайнее, индивидуализированное воплощение. Показательным в этом отношении персонажем будет участник воронежской фокус-группы – А, мужчина 28 лет, с высшим образованием, оператор ПК, принимавший активное, заинтересованное участие в обсуждении. Приведем три фрагмента его включений в групповую дискуссию.

“1-й участник: Уезжают на заработки, а там уже – как сложатся обстоятельства. Они смотрят: если им лучше там, чем здесь, они могут остаться.

2-й участник – А: Все зависит еще от патриотизма, начнем с этого. То есть даже если там лучше, но у человека есть желание вернуться...” (1)

“Модератор: А как вы вообще относитесь к тем людям, которые уезжают за границу?”

1-й участник: Я положительно отношусь.

2-й участник: Спокойно абсолютно.

3-й участник – А: Абсолютно. Люди ищут свой путь в жизни, ищут, как себя выразить наиболее максимально, скажем так, как получить со своих

Доля осуждающих крупных российских ученых, отбывающих на работу в зарубежные исследовательские центры, составляет 27% – то есть вдвое превышает число тех, кто осуждает “простых граждан”, покидающих страну навсегда

После революции на повестке дня оказался вопрос о создании нового пограничного режима, призванного охранять молодую республику до тех пор, пока мировая революция не покончит с самой необходимостью границ. Новое законодательство резко ужесточило порядки, существовавшие при царе.

Созданная 28 мая 1918 года пограничная служба должна была взять на себя функции надзора, включая и такие, как пресечение попыток тайных перевозок товаров и тайного перехода сухопутных и морских границ РСФСР. Вскоре были созданы таможи и пограничные заставы. Согласно декрету от апреля 1919 года заграничные паспорта, до того времени выдававшиеся подотделом НКВД, некоторыми местными советами и другими организациями, теперь мог выдавать только НКВД, которому вменялось в обязанность выдавать паспорта только тем лицам, отъезд которых “не вызывал возражений” со стороны народных комиссариатов военных и внутренних дел. Были разработаны меры по предотвращению проникновения в пределы РСФСР граждан враждебных государств и выдворению тех, которым это все же удавалось сделать.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

знаний, со своих умений максимальный доход, который мог бы обеспечить их, их семью. Совершенно нормально.

Модератор: А патриотизм как же?

3-й участник – А: А при чем тут патриотизм? Если страна в данном случае не совсем в состоянии, скажем так, обеспечить, удержать этих людей на своей территории, удержать именно своих родных людей, ну, тут, извините, это вопрос уже больше к власти, нежели к этим людям, которые уезжают отсюда” (2).

“1-й участник – А: ...если это... действительно человек науки, и он занимает достойное положение, достойное его знаниям, все-таки его эта страна выучила, дала ему то положение, которое у него есть, и он после этого пытается перебраться за границу, пытается работать и на другое государство, используя эти знания, тут отношение уже в принципе отрицательное.

2-й участник: А если реализовать эти знания ему тут не дают, тогда что ему делать?

1-й участник – А: Это понятно. Но я, скажем, будь на месте этого человека, в любом случае этого я не сделал бы. Ради даже престижа страны” (3) (ДФГ, Воронеж).

В отношении к миграции явно просматривается зона “когнитивного диссонанса”, образованного конфликтом между рационально-прагматическим и ценностно-идеологическим компонентами обыденного сознания. Первый компонент, как правило, задает ракурс восприятия “обыденной”, второй – научной эмиграции.

Обратимся еще раз к типичным доводам против отъезда ученых.

“...Я тогда не очень, вот я лично. Я считаю, лучшие вот так обмениваться опытом, а ученые должны быть здесь, здесь они получили образование, здесь их выучили, здесь их учителя – живы или умерли – и так далее, и тому подобное, я считаю, что здесь должна быть...” (ДФГ, Москва).

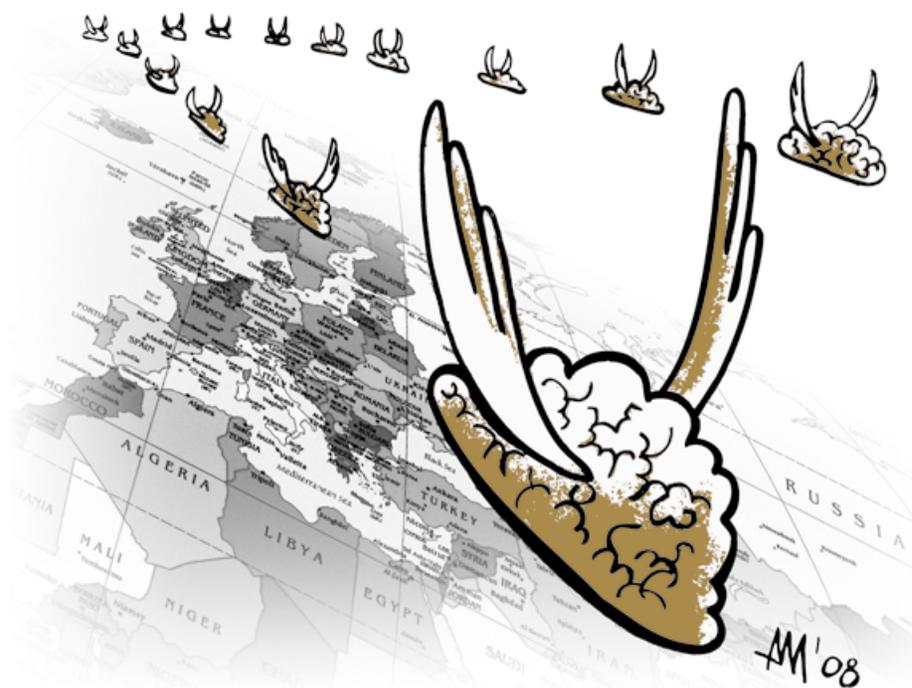
Аргумент “отдачи долгов” Родине, которая выучила, звучит не слишком убедительно. Не в меньшей степени он обоснован и в отношении инженеров, наладчиков, врачей и прочих специалистов, которых Родина тоже учила и от которых также ждет реализации полученных знаний (заметим, что в известном – практическом –

Новый (советский) режим создал немало бюрократических барьеров на пути частных граждан, пожелавших покинуть страну. 3 июня 1919 года на НКВД была возложена обязанность получать от всех советских организаций, направлявших своих работников по служебным делам за границу, документы, удостоверяющие необходимость такой поездки, и гарантии их преданности и лояльности.

Еще более строгие правила для получения заграничного паспорта были установлены 10 мая 1922 года. Поездки за границу отныне проводились лишь “по особому разрешению” НКВД. Ко всякому обращению на этот счет должна была прилагаться справка из ГПУ, свидетельствующая об отсутствии законных препятствий для совершения такой поездки данным лицом. За такой справкой можно было, в свою очередь, обратиться только по предъявлении шести документов, включая поручительство двух граждан РСФСР, не состоявших прежде под судом и не находившихся под следствием, а также справку с места работы, подтверждающую отсутствие возражений к его отъезду. Паспорт был действителен лишь на шесть месяцев.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

смысле отдача для общества от добросовестного грамотного профессионала более существенна, нежели от ученого, работающего в terra incognita – непредсказуемом пространстве науки). Между тем, данный аргумент воспроизводится как один из наиболее апробированных и утвердившихся в массовом сознании. Очевидно, что без отсылки к патриотическим ценностям он просто не работает.

Патриотизм, национальная гордость, престиж страны – именно эта аргументация, взятая из репертуара патриотической риторики советских времен, выступает в качестве наиболее весомого и для многих людей бесспорного основания возражений против отъезда ученых за рубеж. Эта риторика различима и в ответах на открытый вопрос, и вполне отчетливо звучит в рассуждениях участников групповых дискуссий (вспомним респондента А, который, по его словам, отказался бы от своих научных идей *“ради... престижа страны”*).

В индивидуальном сознании разных людей “фактор патриотизма” имеет, конечно, разный вес. Для кого-то это – действительно ценность, имеющая интенсивную эмоциональную окраску и задающая силовое поле нравственных оценок (здесь осуждению подвергаются скорее случаи бытовой, а не научной миграции – см. приведенные ниже рассуждения участницы В). Для других обращение к патриотическим доводам выступает скорее как “культурно отработанный” и воспроизводящийся едва ли не на уровне вербального рефлекса риторический прием, плохо или никак не сочетающийся с доводами другого порядка. Пример такого рода бытовой риторики дают рассуждения следующей участницы.

“Ну, не знаю. Родина есть Родина.... Ехать в никуда и неизвестно там, что тебя ждет, чего-то страшно. Правильно говорится: если бы какие-то родственники, вот действительно... А так ехать никуда, нет, я бы не поехала. Лучшие жить в бедности” (ДФГ, Москва).

В ситуации, когда альтернативой научно-исследовательской деятельности выступает выращивание морковки на садовом участке, патриотическая риторика начинает звучать нелепо, смешно и абсурдно

Начав с идеологической заповеди (“*Родина есть Родина...*”), участница тут же переходит к вполне разумным и убедительным прагматически-бытовым доводам (“*если бы какие-то родственники, вот действительно...*”).

Другая участница, рассуждая о “*самой патриотичной из всех*” русской нации, не видит ничего непатриотичного в отъезде за границу “*простых людей*”, но в отношении “*спортсменов, тренеров и ученых*” тут же вводит в действие аргументацию идеологического плана.

“Что касается простых людей, то да. А вот если это спортсмены, тренеры, ученые! ...Вот мне кажется, что русская нация – самая патриотичная из всех. И судьбу нашей России мы сами делаем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Согласно патриотической установке такого рода, “*ради... престижа страны*” интеллектуальные ресурсы лучше держать внутри своих границ. Однако в ситуации, когда альтернативой научно-исследовательской деятельности выступает выращивание морковки на садовом участке (ниже мы приведем соответствующую цитату), патриотическая риторика начинает звучать нелепо, смешно и абсурдно. Это отмечают и некоторые из респондентов.

“Вот у меня есть знакомый – он академик, все такое. И когда в 90-х начался развал, то ему предлагали уехать. И он до сих пор только кичится, что вот он когда-то не уехал. И семья у него живет в нищете. И все говорят, какой он молодец. Наоборот, он бы больше сделал для России, если бы тогда уехал! Не надо было уезжать на постоянное, его на работу туда приглашали. Он бы, наоборот, Россию прославил своими мозгами. А они у него заплесневели теперь... Пусть он откроет там новый закон, если он физик или химик. И мы будем им гордиться!” (ДФГ, Санкт-Петербург; участница В).

В фрагменте выступления, приведенном выше, звучат как минимум три аргумента в пользу отъезда ученых за рубеж: аспект самореализации (чуть ниже мы приведем ряд высказываний, в которых он представлен еще более отчетливо), аргумент “от науки” (его выдвигали и другие участники: “*они же науку двигают, во благо...*” – ДФГ, Москва), и фактор патриотизма, понимаемого в экстратерриториальном измерении. Последний хорошо сформулирован в рассуждениях участника петербургской фокус-группы.

“Меня и раньше удивляло, и сейчас удивляет. Если человек переехал из Германии во Францию или из Франции в Испанию, то никто по этому поводу руки не заламывает и не бьетса головой об стенку. А у нас, если человек переехал из Петербурга в Финляндию, уже начинаются такие эпохальные разговоры. Вот он предал Родину! Или надо его жалеть. Это глупость полнейшая... Мне кажется, что это комплекс неполноценности... Если ты ощущаешь себя русским, ты можешь эту русскость нести где угодно, в любом месте земного шара. И в то же время уважать те традиции, которые там” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Подобное понимание патриотизма, выраженное в парадоксальной и несколько легкомысленной форме, мы находим и в рассуждениях участника московской фокус-группы.

Патриотизм, национальная гордость, престиж страны – именно эта аргументация, взятая из репертуара патриотической риторики советских времен, выступает в качестве наиболее весомого и для многих людей бесспорного основания возражений против отъезда ученых за рубеж

“А я вообще считаю: пускай наши заселят всю планету... Везде Россия будет” (ДФГ, Москва).

Однако “все не так просто”...

1-й участник: Тут все не так просто. Я не могу понять ученых, которые отказываются от гражданства США в случае выезда туда на постоянное место жительства, в то время как в России им ничегошеньки не предлагают, чтобы они реализовывали свои научные идеи. Вот он выращивает морковь у себя на даче и гордится тем, что отказался предать Россию и выехать в США. Хотя ему там предоставляли лабораторию. Вопрос тут не такой простой.

2-я участница – В: Скользкий” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Последняя реплика кажется очень симптоматичной. При всей убедительности рациональных доводов в пользу отъезда ученых, ситуация все равно выглядит “скользкой” – ее нравственное обоснование кажется женщине не до конца убедительным. Заметим, что эту реплику подала участница В – та, что осуждала академика с “заплесневевшими мозгами”. Эта женщина – еще один показательный персонаж наших дискуссий. Любопытно, что по всем значимым социально-демографическим “маркерам” она – почти полный антипод участника А. Если тот – молодой мужчина с высшим образованием, профессионально связанный с современными компьютерными технологиями, житель российской глубинки, то В – женщина средних лет, со средним образованием, жительница Санкт-Петербурга, работающая в торговле. В ее отношении к российской эмиграции также противоречиво сталкиваются рациональные и ценностно-идеологические мотивы. Однако результат этого “когнитивного диссонанса” – иной, чем в случае А. Участница В видит в отъезде ученых “меньшее из зол”: “хорошо тем, что это <научные разработки. — И. Ш.> не пропадает. Они хотя бы там еще что-то откроют”. Впрочем, если при этом определяющую роль в ситуации будет играть материальный фактор, поведение уезжающего, по мнению участницы, тут же утратит свое нравственное оправдание.

1-й участник: Если ученому там дают возможность получить лабораторию, свою тему развивать, то что в этом плохого?

2-я участница – В: А вот если здесь меньше предложили, а там – больше, то это, конечно, плохо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Что же касается “простых людей”, то здесь участница В расстается со всеми своими нравственными сомнениями и встает на твердую жизненную позицию.

1-я участница – В: Мало того что я бы не хотела уехать, я бы не хотела, чтобы дети мои уезжали.

Модератор: А почему?

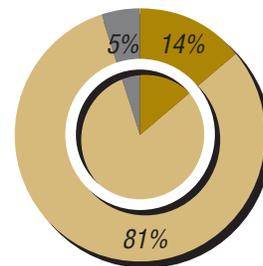
1-я участница – В: Я бы посчитала, что я их очень плохо воспитала.

2-й участник: Почему так?

1-я участница – В: Ну, не знаю. У меня такое восторженное отношение было к Родине, мы гордились, когда были пионерами” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Фактически это – ценностная установка, которая не проблематизируется и, как и все ценностные установки, в проблематизации не нуждается. Другие участники, не разделяющие ее, видят здесь реликт советского сознания.

Скажите, пожалуйста, а Вы лично хотели бы или не хотели бы уехать за границу навсегда – то есть на постоянное место жительства?

- хотел(-а) бы
- не хотел(-а) бы
- затрудняюсь ответить

“Это старые КГБшские предрассудки. Мне кажется, что раньше этого не было, это пережиток поздней советской эпохи” (ДФГ, Санкт-Петербург).
 “Это феномен закрытости, который культивировался советской властью на протяжении 70 лет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Эмиграция” или “мобильность”

Фактически отношение россиян к переезду сограждан, будь то крупные ученые или “простые люди”, на постоянное или длительное жительство за границу задается двумя интерпретационными схемами: в первой ключевым словом выступает “эмиграция”, во второй – “мобильность”. В первом случае главный вектор рассуждений задан ценностью патриотизма, во втором – ценностью самореализации личности в глобализирующемся мировом пространстве. Описывая свои представления о том, какие люди уезжают за границу, участники дискуссии, вольно или невольно, исходили именно из этих интерпретационных схем. Приведем характерные высказывания, репрезентирующие каждую из них.

Мобильность и самореализация	Эмиграционная схема
<p>“...слабый не поедет, да, туда едут оптимисты, ученые... который действительно знает, чего хочет, знает, какие исследования, там еще что-то, – он поедет, не раздумывая ни о чем... А вот слабые... они будут сидеть вот на рынках там, закрылся ихний институт, не закрылся там или еще что-то, он может пойти на рынок, там еще что-то” (ДФГ, Москва).</p> <p>“Если человек стремится... знает, чего он хочет, осуществляет свою цель, то мне кажется, что это хорошо. Даже если у него там что-то не сложится и он вернется, он будет знать, что его ожидало там. Надо действовать” (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“...в основном они (ученые – И. Ш.) как бы не материалисты... Мое мнение, я же говорю: если бы они не были связаны здесь, то от хорошей жизни бы никто не уехал, именно по специальности, по своей профессии, по своим там исследованиям, если здесь, как говорится, закрываются эти ихние там, скажем, лаборатории... он свою любимую работу хочет продолжить, дальше искать себя, в чем-то проявлять, в чем-то... и поэтому как бы я приветствую, например, чтобы не деградировать себя...” (ДФГ, Москва).</p> <p>“Допустим, у них есть такое оборудование, где он может продолжить свои работы. Научные работы... Это творчество, как поэзия, как что-то другое, понимаете, в чем дело? Здесь у него нет такой возможности, чтобы продолжить свою работу. Он может смело туда ехать. Он никакие секреты наши государственные не продает, ничего” (ДФГ, Воронеж).</p>	<p>“Модератор: ...какая-то часть людей уезжает из России. Как вам кажется, по каким причинам? 1-я участница – В: Неправильное воспитание. Нет патриотизма. ...Я считаю, что какая-никакая Родина, но надо любить ее. <...> Модератор: Меня интересуют те, кто уезжает именно на постоянное место жительства. <...> 1-я участница – В: Те, которые думают, что хорошо там, где нас нет. Неудачники. 2-й участник: Это смелые и решительные люди. 1-я участница – В: ...это не решительные и смелые, а кому терять нечего, я так считаю. Решительные и смелые, если у них тут что-то есть, зачем им на это решаться? Модератор: А как вы относитесь к людям, которые уезжают за границу на постоянное место жительства? 1-я участница – В: Сочувственно... Мне жалко этих людей... Мне кажется, что уж очень они были обижены, чтобы такое сказать. Вот переехал в соседний двор – так и то хочется через несколько лет прийти и посмотреть. Вот тут я в детстве в песочнице играл. Чувство двора даже. А если он говорит, что больше никогда сюда не приедет, то представляете, как ему тут было плохо?” (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“Двойное отношение... С одной стороны, в принципе, понять их (людей, уезжающих за границу. – И. Ш.) можно, конечно, страна наша их бросила, и, можно сказать, у нас сейчас борьба за выживание. А с другой стороны, я считаю, у России были трудные времена, и не только сейчас, всегда были трудные времена, но как-то люди старались сами строить, сами заботиться... Я считаю, просто страну мы строим сами, поэтому как-то вот так разбегаться в разные стороны – это вообще не выход. Я не знаю, мне так кажется” (ДФГ, Воронеж).</p> <p>“Модератор: Так в каких случаях отношение может быть положительным?.. Участница ДФГ: Когда человек, в принципе, не представляет из себя такой потенциал для страны. Модератор: Тогда пускай едет? Участница ДФГ: Мне кажется, что да. Ну, например, девушка хочет выйти замуж, она не заморачивается какой-то карьерой, ну, может быть, она и с образованием, но не планирует в дальнейшем себя как-то развивать, а планирует выйти замуж. Пожалуйста, пусть едет, там выходит замуж. Хотя тоже как-то жалко...” (ДФГ, Воронеж).</p>

Мобильность и самореализация	Эмиграционная схема
<p>“Участник ДФГ: <i>Российский или не российский – он (ученый – И. Ш.) имеет право работать там, где для него самые хорошие условия. Вот немец Эйлер работал в России. И еще кучу ученых работали у нас: Бернулли... Гуманитарии, архитекторы. Иностранцы, которые работали в России. И почему-то никто не говорил, что они предатели. Им тут создали условия – и они работали здесь... До революции русские писатели жили за границей, там работали, потом приезжали сюда, потом опять уезжали за границу. И никто тут ничего такого не видел.</i></p> <p>Модератор: <i>Но я говорю о постоянном месте жительства.</i></p> <p>Участник: <i>А что такое постоянное место жительства? 20 лет я живу там, 10 – тут. Потом опять 20 там... что такое постоянное место жительства?”</i> (ДФГ, Санкт-Петербург).</p>	<p>“<i>Но мне жалко, когда уезжают выдающиеся умы, потому что вот смотришь на этих высоких деятелей, слушаешь их и думаешь: как часто у нас не хватает мозгов! В политике, в управлении. Они есть, но им не дают возможность реализоваться. В любом случае мне жалко, когда выдающиеся ученые, пусть даже во благо ему, уезжают в лучшие условия”</i> (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“<i>1-я участница: Ну если они там закрепились, ну, так сказать... главное – чтобы потом назад не просились... если что-то там не получилось, назад сюда в Россию... Ну, если там закрепились, ради бога, флаг им в руки, если они там закрепились, главное, чтобы...</i></p> <p>Модератор: <i>А Вы говорите, главное – чтобы назад не просились, в смысле если они начнут проситься, то какое отношение к ним уже?</i></p> <p>1-я участница: <i>Ну, я патриот, если ты уехал, все, сказал А, значит А, а Б – это уже немножко другое.</i></p> <p>2-я участница: <i>Такие люди патриотами зовутся?</i></p> <p>1-я участница: <i>Ну а что, это тоже где-то, извините меня, а зачем тогда... а что же получается... По любым странам и континентам – это немножко другое уже называется, термин надо применить.</i></p> <p>Модератор: <i>А какой?</i></p> <p>1-я участница: <i>Мне не хочется... грубо...”</i> (ДФГ, Москва).</p>

Какая из этих схем “вернее”? По-видимому, на этот вопрос нет однозначного ответа. Ведь речь идет о ценностях, задающих те или иные “естественные установки” к миру, – а они не могут быть правильными или неправильными. ■

Волны эмиграции из СССР

Российская эмиграция после 1917 года, эмиграция из Советского Союза состояла как бы из четырех эмиграционных “волн”, резко отличающихся друг от друга по причинам, географической структуре, продолжительности и интенсивности эмиграции, по степени участия в них евреев и т. д.

Первая волна (1918–1922) – военные и гражданские лица, бежавшие от победившей в ходе революции и Гражданской войны советской власти, а также от голода. Эмиграция из большевистской России, по разным оценкам, составляла от 1,5 до 3 млн. человек. Однако (за исключением разве что “философских пароходов” с полутора сотней душ на борту) это все-таки были беженцы, а не депортанты.

Вторая волна (1941–1944) – лица, перемещенные за границы СССР в ходе Второй мировой войны и уклонившиеся от репатриации на родину (“невозвращенцы”). Наш анализ принудительной репатриации советских граждан привел нас к оценке числа “невозвращенцев” не более чем в 0,5–0,7 млн. человек, включая и граждан прибалтийских республик (но не включая поляков, вскоре после войны репатриировавшихся с территории СССР).

Третья волна (1948–1989/1990) – это вся эмиграция периода “холодной войны”, так сказать, между поздним Сталиным и ранним Горбачевым. Количественно она укладывается приблизительно в полмиллиона человек, то есть близка результатам “второй волны”.

Четвертая волна (1990 по настоящее время) – это, по сути, первая более или менее цивилизованная эмиграция в российской истории. Как отмечает Ж.А. Зайчовская, “...она все больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран, предопределяется не политическими, как прежде, а экономическими факторами, которые толкают людей ехать в другие страны в поисках более высоких заработков, престижной работы, иного качества жизни и т. п.” Ее количественные оценки нужно обновлять ежегодно, поскольку волна эта хотя уже и не в самом разгаре, но далеко еще не закончилась.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

Школьники на каникулах

Примерно треть опрошенных россиян (32%) говорят, что там, где они живут, во время летних каникул на улицах больше школьников, чем было во время учебного года. Чаще других так говорят жители сёл (39%), а реже – москвичи (18%). 28% опрошенных считают, что школьников на улицах в летние месяцы столько же, сколько было во время учебного года, такая же доля респондентов (27%) - что в это время их меньше.

По мнению половины респондентов (49%), там, где они живут, летний отдых школьников организован плохо. В два раза меньше тех, кто полагает, что он организован хорошо (22%). Представители средней возрастной группы (36–54 года) чаще прочих оценивают организацию отдыха школьников негативно (54%).

Примерно половина опрошенных россиян (53%) полагают, что заниматься организацией летнего отдыха школьников должны в первую очередь местные власти. Возлагают эту заботу на родителей 25% респондентов, вменяют ее в обязанность школе 11%.

Некоторые школьники работают во время летних каникул. Насколько распространена такая практика? 44% опрошенных сказали, что им не встречаются работающие дети школьного возраста. Редко встречали работающих школьников 26%

респондентов, часто – 22% (среди москвичей эта доля вдвое ниже – 11%).

Респондентов спросили (в форме открытого вопроса), на каких именно работах заняты летом школьники. Ответили на этот вопрос 45% респондентов. Чаще всего участники опроса видели детей, занимающихся благоустройством территорий городов и сел – уборкой и озеленением улиц, дворов, парков, школьных дворов (“красят дворы, убирают мусор”; “на озеленении города” – 19%). Встречали детей, торгующих разными мелочами и продуктами, 7% опрошенных (“продает газеты”; “продают арбузы, квас”; “розничная торговля”). Столько же респондентов (7%) видели детей, помогающих взрослым убирать урожай или ухаживать за животными (“на току”; “на животноводческом комплексе”; “зерно разгружают”). Замечали детей, раздающих рекламную продукцию на улицах, 5% респондентов. Также упоминалось, что школьники работают курьерами и почтальонами; подсобниками на стройках; грузчиками (по 3%); в автосервисах, на автозаправках; на предприятиях общественного питания – в качестве официантов либо моют там посуду (по 2%); помогают нянечкам в детских садах, санаториях, других учреждениях социальной сферы; участвуют в ремонте школ в составе ученических бригад (по 1%) и пр.

Дополнительно тех,

у кого есть дети, внуки или другие близкие родственники-школьники (41% от выборки), попросили рассказать, как их ребенок проводит летние каникулы, чем он или она занимается.

Сказали, что их ребенок уехал на отдых в другое место, в сумме около

четверти респондентов: у 10% дети отдыхают в лагере, лечатся в санатории либо отправились с родителями к морю (“ездил в Сочи в санаторий”; “ездила в лагерь под Костромой”; “в июне в лагере во Владивостоке”); у 8% дети поехали на каникулы к родственникам или знакомым в другой город или село; у 6% – проводят время на даче или в деревне (иногда эти виды отдыха совмещаются).

Тех, у кого дети никуда не уезжали на каникулы, оказалось 23%. Чаще всего (12%) респонденты говорят, что их ребенок проводит время дома, иногда без присмотра взрослых (“дома отдыхает”; “9 лет – без присмотра, целый день один”; “все лето был дома”). 6% опрошенных сказали, что дети гуляют, общаются с друзьями, “бегают по улице”, купаются в речке, просто бездельничают. Отметим те или иные образовательные или досуговые занятия ребенка (спорт, компьютер, музыка, чтение, иностранный язык) 5% респондентов.

Заявили, что дети-школьники в их семье на каникулах заняты трудом, 9% опрошенных. В том числе у 5% респондентов ребенок помогает домашним (“нянчится с младшим братом”; “уход за больной бабушкой”; “домохозяйство”), а 4% упомянули работу для заработка или по разнарядке в школе (“работает в деревне в колхозе, помогает убирать урожай”; “работает грузчиком на молочном заводе”; “отрабатывает в школе”).

Тех, у кого в семье есть дети-школьники, спросили также, стали бы они возражать или нет, если бы их ребенок решил потрудиться в каникулы для заработка. Не возражали бы против этого 65% респондентов данной группы (26% по выборке); возражали бы – 30% (12% по выборке).

С. Климова

Общероссийский опрос населения от 4–5 августа 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Е. Васильева

Космос в жизни человечества и в жизни человека: *достижения и поражения, мечты и страхи*

В свое время Россия, опередив другие страны, открыла эру полетов в космос. Для советских людей того времени покорение внеземных пространств было не только знаком научного и технологического прорыва, открывающего человечеству новые перспективы, но и знаком большого успеха Советского Союза в жесткой конкуренции с западными странами, прежде всего – с США. Первенство советского человека в космосе было поводом для большой гордости и воодушевления граждан Союза, а Юрий Гагарин – первый космонавт – стал национальным героем и культовой фигурой, о нем писали книги и слагали песни, его именем называли младенцев.

Сегодня большинство наших сограждан (56%) убеждены, что Россия сохраняет лидирующее положение в космонавтике¹. Противоположной точки зрения придерживаются 26% респондентов, а 18% затруднились оценить позиции нашей страны в освоении внеземного пространства. Надо отметить, что в 2004 году лидерство России в этой сфере признавали 52% респондентов, не признавали 35%, а в 2002 году “перевес” и вовсе был на стороне тех, кто считал, что это лидерство утрачено: 50% против 36% (*график 1*). Таким образом, налицо выраженная позитивная динамика. Возможно, она связана с конкретными достижениями последних лет в области космонавтики (например, с развитием навигационной системы ГЛОНАСС), но вероятнее всего, на суждения россиян влияет общий информационный фон – с лейтмотивами “укрепления” и “стабильного развития” России.

¹ Общероссийский опрос населения от 5–6 апреля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

Освоение космоса человечеством: положительные и отрицательные последствия

Абсолютное большинство россиян к освоению космоса относятся позитивно. Так, 55% наших сограждан полагают, что космические исследования принесли больше положительных, чем отрицательных результатов. В превалировании негативных последствий убеждены 20% участников опроса, а 25% затруднились ответить на этот вопрос.

Чем моложе респонденты, тем более одобрительно они относятся к покорению внеземного пространства: среди 18–35-летних участников опроса 65% видят в освоении космоса преимущественно хорошее, и только 15% считают, что оно наносит людям вред. Среди людей старшего поколения (55 лет и старше), напротив, отношение к освоению космоса более настороженное, чем в среднем по выборке: 42% полагают, что оно принесло больше положительных последствий, а 25% – что отрицательных (график 2).

В свое время наша страна, опередив другие страны, открыла для человечества эру полетов в космос. Как Вы считаете, сегодня Россия сохраняет или не сохраняет лидирующее положение в космонавтике?

График 1

Если говорить в целом, на сегодня освоение космоса принесло людям, по Вашему мнению, больше положительных или отрицательных последствий?

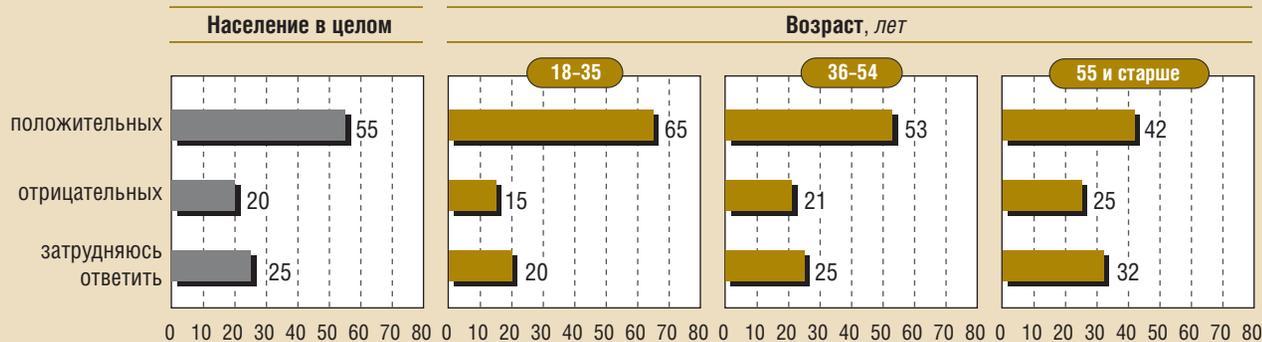

График 2

Такая разница, возможно, объясняется тем, что именно молодые люди более внимательно следят за техническими достижениями, прямо или косвенно связанными с космическими исследованиями, и более активно ими пользуются: это и навигационные спутниковые системы ГЛОНАСС и GPS, и спутниковое телевидение, и новые системы телефонии и прочих коммуникаций и т. д. К тому же молодое поколение, как правило, в целом более оптимистично смотрит на мир.

Отвечая на открытый вопрос о *положительных последствиях освоения космоса*, респонденты прежде всего называли разного рода научные открытия, говорили о познавательной ценности покорения внеземного пространства.

“Благодаря космосу мы больше знаем о нашей планете и что с ней происходит”, “исследования и научные открытия, которые были бы невозможны на Земле”, “биология и медицина получили развитие на основе опытов на орбите”, “отслеживают вспышки Солнца” (23%; ответы на открытый вопрос).

Многие участники опроса говорили о связанном с научными достижениями развитии техники.

“Интернет, телекоммуникации, связь”, “введение ГЛОНАСС”, “навигационная система GPS”, “спутники помогают видеть все на Земле”, “тарелка спутниковая, телефон”, “нанотехнологии”, “пределы высоких технологий в технологиях народного потребления” (19%; ответы на открытый вопрос).

Практическую пользу освоения космоса часть респондентов видят прежде всего в изучении климата, погоды, прогнозировании стихийных бедствий и предупреждении их последствий.

“Метеорология должна быть долгосрочной”, “информация о состоянии нашей Земли: где пожары, землетрясения”, “предупредить катаклизмы, катастрофы”, “извержения вулканов”, “различные тайфуны, цунами” (7%; ответы на открытый вопрос).

Участники опроса говорили также о таком практическом смысле космических исследований, как поиск природных ресурсов, в том числе полезных ископаемых, и на Земле, и в космосе, а также о поиске пригодных для обитания человека планет.

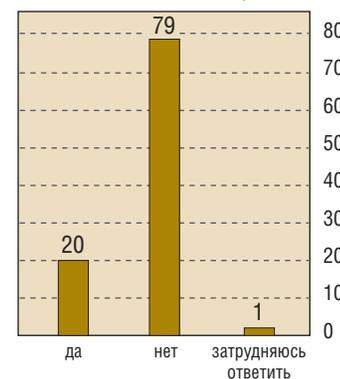
“Вдруг на Земле нельзя будет жить – часть людей переселят в космос”, “знать состав атмосферы, может, ресурсы на других планетах найдем”, “изучая космос, человечество откроет другие планеты и освоит полезные ископаемые на них” “может, скоро будем жить на Марсе или еще где-нибудь – к этому все идет”, “изучение недр земли, новые исследования” (2%; ответы на открытый вопрос).

Нечасто, но все-таки звучала надежда на встречу с внеземными цивилизациями.

“Ищем себе подобных”, “может, кто там живет, во Вселенной”, “человечество узнает об иной жизни, мы не одни во Вселенной” (1%; ответы на открытый вопрос).

Хотели ли Вы в детстве и юности стать астронавтом?

26-27 октября 1998

CBS News and New York Times.
Общенациональный опрос жителей США.
1000 респондентов.
Данные в % от населения.

Чем моложе респонденты, тем более одобрительно они относятся к покорению внеземного пространства: среди 18–35-летних две трети видят в освоении космоса преимущественно хорошее, и только седьмая часть считают, что оно скорее наносит людям вред. Среди людей старшего поколения, напротив, отношение к освоению космоса более настороженное, чем в среднем по выборке

Среди других позитивных результатов освоения космоса респонденты называли повышение обороноспособности, укрепление безопасности страны.

“Военная стратегия, оборона страны”, “контроль за другими странами”, “наблюдать за другими в вопросах вооружения, это безопасность наша”, “очень хорошо, что можно приглядывать из космоса за другими странами” (2%; ответы на открытый вопрос).

Говорилось также, что освоение космоса нужно для повышения международного авторитета страны.

“В мировом сообществе мы не последние, а может, даже и превзошли другие государства в освоении космоса”, “надо изучать космос, что приведет к усилению России в международном сообществе” (1%; ответы на открытый вопрос).

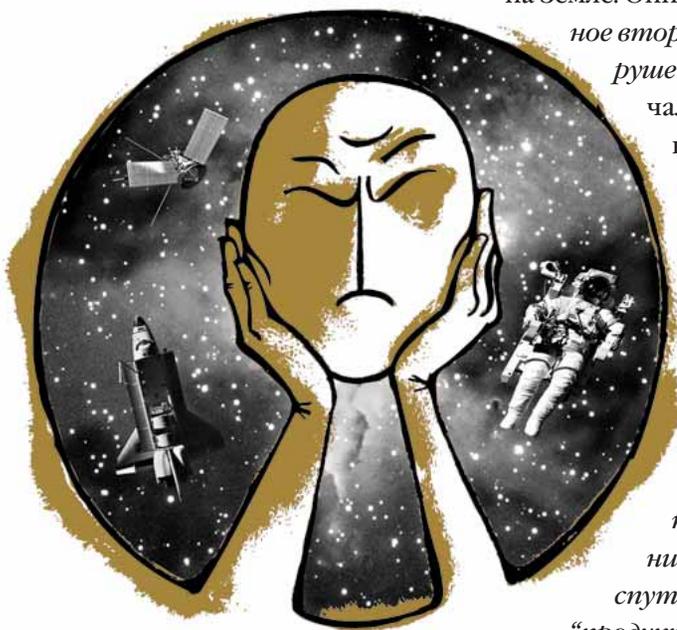
Часть респондентов (4%) выразили свое положительное отношение к изучению космоса вообще и веру в значение таких исследований для прогресса человечества.

“Возможности появятся новые”, “да все, что у нас сейчас есть, связано как-то с космосом”, “для будущего изучают”, “это со всех сторон нужно”, “движемся вперед, развиваемся”, “прогресс человечества” (ответы на открытый вопрос).

В то же время значительная часть россиян обеспокоены негативными последствиями освоения космоса – во всяком случае, на открытый вопрос о таких последствиях ответили многие.

Чаще всего (33%) люди указывали на ухудшение экологической ситуации на Земле. Они говорили об ущербе для природы в целом: *“безграмотное вторжение в природу”, “природа меняется к худшему”, “разрушение атмосферной оболочки”, “экология трещит”*. Отмечали, что разрушается озоновый слой, образуются озоновые дыры: *“говорят, озоновая дыра где-то есть – это не хорошо”, “дыр больше сделали”, “озоновые дырочки”, “из-за запуска космических кораблей образуются озоновые дыры”*. Говорили респонденты и о загрязнении околоземного космического пространства: *“в околоземном пространстве скопилось много мусора”, “загрязнение космоса отходами ракет”*. С неодобрением указывали, что обломки космических объектов падают на Землю, в том числе в океаны: *“утопление шаттлов в морях”, “все железки на Землю падают, ступени отваливаются, падают”, “падают отходы”, “спутники падают в океан”, “утилизация отходов от гибели спутников”*. Беспокоят людей и радиационные излучения: *“продукты распада, в том числе радиоактивных веществ”, “радиоактивность”, “излучения”*.

Все это ведет к ухудшению здоровья людей, о чем сказали 2% респондентов. *“Где проходят испытания – у нас сказывается на здоровье”, “здоровье людей в общей массе ухудшается”, “дети инвалидами рождаются”, “приводит к раковым заболеваниям населения”* (ответы на открытый вопрос).

Еще одно негативное следствие, связанное с нарушением экологического баланса, – это изменение климата Земли; о нем говорили 9% участников опроса.

“Глобальное потепление, возможно, от этого”, “долетались – ухудшается климат”, “меняется климат, потепление ледников”, “погода странная” (ответы на открытый вопрос).

Серьезные претензии вызывают и чрезмерные, по мнению некоторых, масштабы финансовых вложений в освоение космоса.

“Большие затраты, которые можно направить в другую сферу”, “дорогое удовольствие, миллиарды сжигают”, “огромные деньги тратят, для простого народа ничего нет” (5%; ответы на открытый вопрос).

Кроме того, людей беспокоит использование космоса в военных целях.

“Бомбы будут оттуда лететь”, “если будут военные базы в космосе, будут звездные войны; должен быть мир везде”, “меня беспокоят спутники-шпионы, космос больше развивается для военных действий”, “новая гонка вооружений” (2%; ответы на открытый вопрос).

Остальные негативные последствия освоения космоса назывались реже.

Космос в частной жизни: мечты и страхи

Кроме вопросов о последствиях освоения космоса для людей в целом, россиянам были заданы вопросы о том, насколько лично они интересуются этой тематикой, и о том, привлекает ли она их или скорее оставляет безразличными.

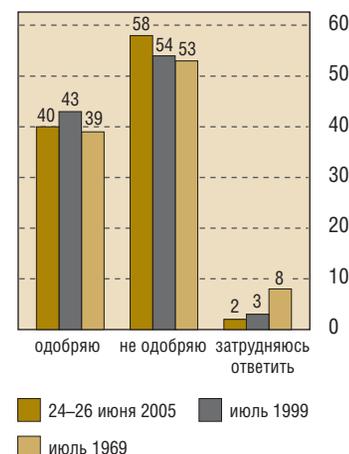
Около трети участников опроса (31%) сказали, что внимательно и заинтересованно смотрят и слушают новости, связанные с освоением космоса. Примерно две трети респондентов (64%) относятся к таким новостям без особого внимания. Остальные (4%) затруднились ответить на этот вопрос. Мужчины чаще интересуются сообщениями о космосе, чем женщины: среди них 38% обращают особое внимание на такую информацию, а 58% относятся к ней без особого внимания; среди женщин же только 26% активно интересуются новостями об освоении внеземного пространства, а 69% к таким сообщениям равнодушны (*график 3*).

Три четверти россиян (74%) считают профессию космонавта интересной и увлекательной. Противоположной точки зрения придерживаются 11% респондентов (15% затруднились ответить на этот вопрос).

Сами хотели стать космонавтами 18% опрошенных: 14% мечтали об этом только в детстве, 2% – в более зрелом возрасте, а еще 2% – и в детстве, и потом. Снова отметим значимые гендерные различия в ответах на этот вопрос: среди мужчин 28% сказали, что хотели стать космонавтами, а 69% никогда этого не хотели, среди представительниц прекрасного пола – 12 и 86% соответственно (*график 4*).

Как известно, в последние годы получил развитие “космический туризм”, дающий возможность обычным людям, не космонавтам, побывать в космосе. Мы попросили респондентов представить себе, что им бесплатно предоставили такую возможность, и спросили, воспользовались ли бы они ею.

В обществе широко обсуждался вопрос о посадке астронавта на планету Марс. Как Вы относитесь к этой идее? Вы одобряете или не одобряете выделение Соединенными Штатами денег на такой проект?

Gallup по заказу CNN и USA Today. Общенациональный опрос жителей США. 100 респондентов. Данные в % от населения.

Сегодня более половины наших сограждан убеждены, что Россия сохраняет лидирующее положение в космонавтике. Противоположной точки зрения придерживаются четверть респондентов, а около пятой части опрошенных затруднились оценить позиции нашей страны в освоении внеземного пространства

29% респондентов сказали, что хотели бы побывать в космосе, а 62% отказались бы от такого предложения. 9% ответить не смогли (график 5). Людей, готовых полететь в космос, больше среди мужчин (37%), чем среди женщин (22%).

Любой человек, когда смотрит новости по телевидению или слушает их по радио, к одним сообщениям присматривается, прислушивается внимательно, стараясь ничего не упустить, а другие воспринимает без особого внимания, слушает вполуха. Вы лично смотрите, слушаете новости, связанные с освоением космоса, внимательно, стараясь ничего не упустить, или не очень заинтересованно, без особого внимания?

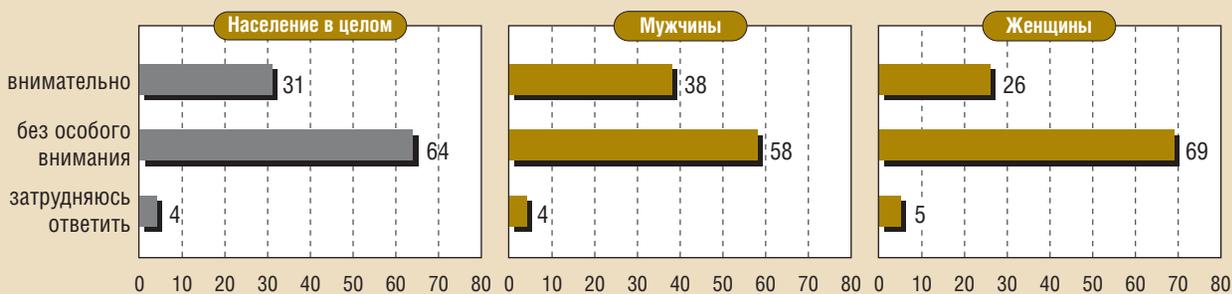

График 3

Скажите, пожалуйста, Вы когда-нибудь хотели или никогда не хотели стать космонавтом? И если хотели, то в детстве или в более позднем возрасте? Или и в детстве, и позднее?

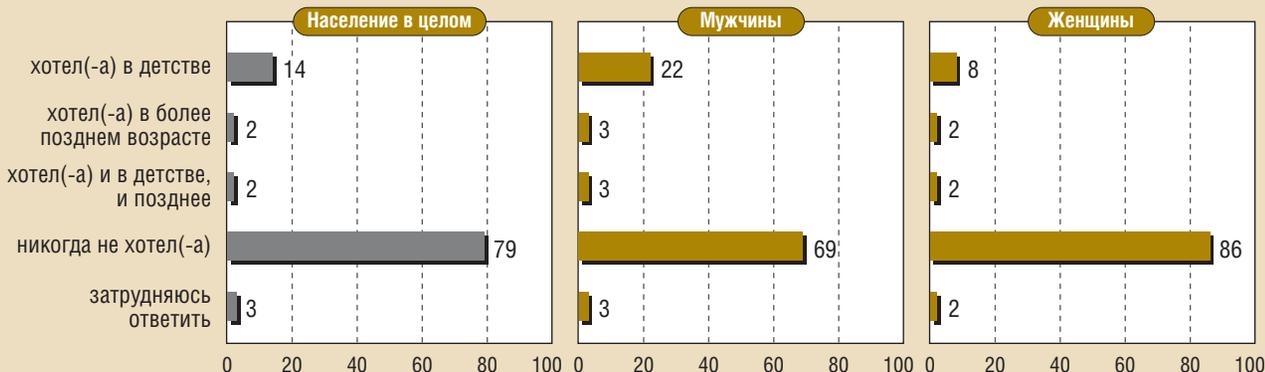

График 4

Сейчас развивается космический туризм, то есть в космос отправляются не космонавты, а обычные люди. Представьте, что Вам предоставят такую возможность бесплатно. Лично Вы хотели бы или не хотели бы полететь в космос в качестве туриста?

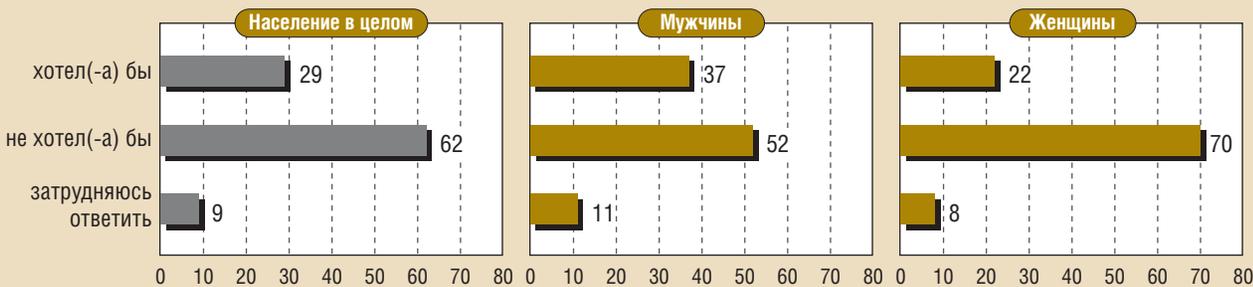

График 5

Те, кто *хотел бы побывать в космосе*, чаще всего говорили, что ими движет любопытство.

“Любопытство: что же там происходит, в космосе?”, “очень интересно посмотреть, что там, на небе”, “это интересно, мне кажется, любому” (15%; ответы на открытый вопрос).

Еще 3% желали бы расширить свой кругозор, узнать что-то новое.

“Все новое – очень необычное, и хочется посмотреть, а вдруг встречу НЛО?”, “люблю все новое, неизведанное”, “познать красоту вселенной”, “узнать много нового, это другой мир” (ответы на открытый вопрос).

7% сказали, что хотят увидеть Землю из космоса: *“интересно увидеть Землю сверху”, “надо сказать, интересно посмотреть на земной шарик сверху”*.

2% говорили о жажде острых ощущений: *“испытать адреналин”, “испытать, какие будут ощущения”*.

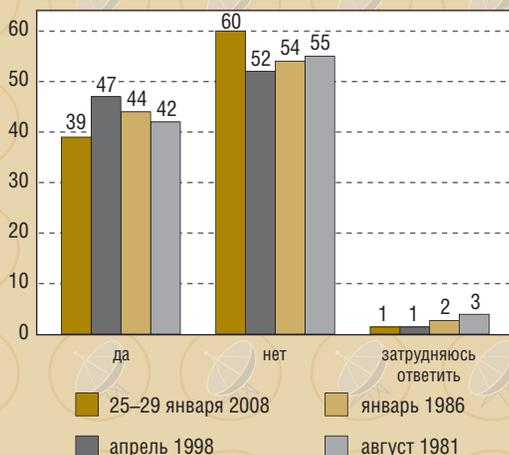
По 1% выразили желание побывать в невесомости (*“ощутить невесомость”, “полетать в невесомости”*), увидеть небесные тела “вблизи” (*“интересно посмотреть на звезды вблизи”, “интересно увидеть звезды и другие планеты”*), а также познакомиться с бытом космонавтов (*“посмотреть, как это – быть космонавтом”, “...поест еду космонавтов”, “узнать, как живут космонавты”*).

Те, кого *полет в космос совсем не прельщает*, часто говорили, что им это неинтересно.

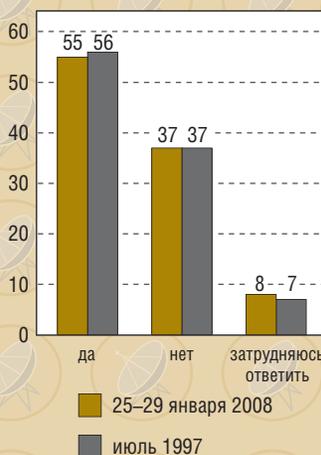
“А зачем мне это надо?”, “а что там делать?”, “а что там забыл?”, “для меня там пустое пространство” (16%; ответы на открытый вопрос).

Около трети участников опроса сказали, что внимательно и заинтересованно смотрят и слушают новости, связанные с освоением космоса. Примерно две трети респондентов относятся к таким новостям без особого внимания

Если бы Вам в жизни представился случай отправиться в космос, Вы бы им воспользовались?

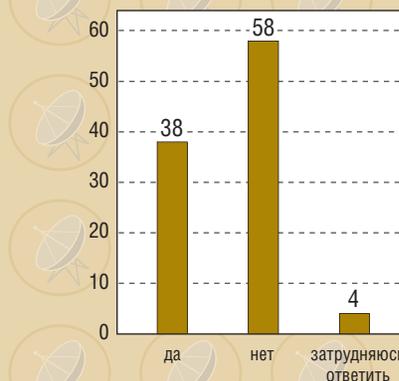

Вы верите или не верите в существование разумной жизни в космосе?

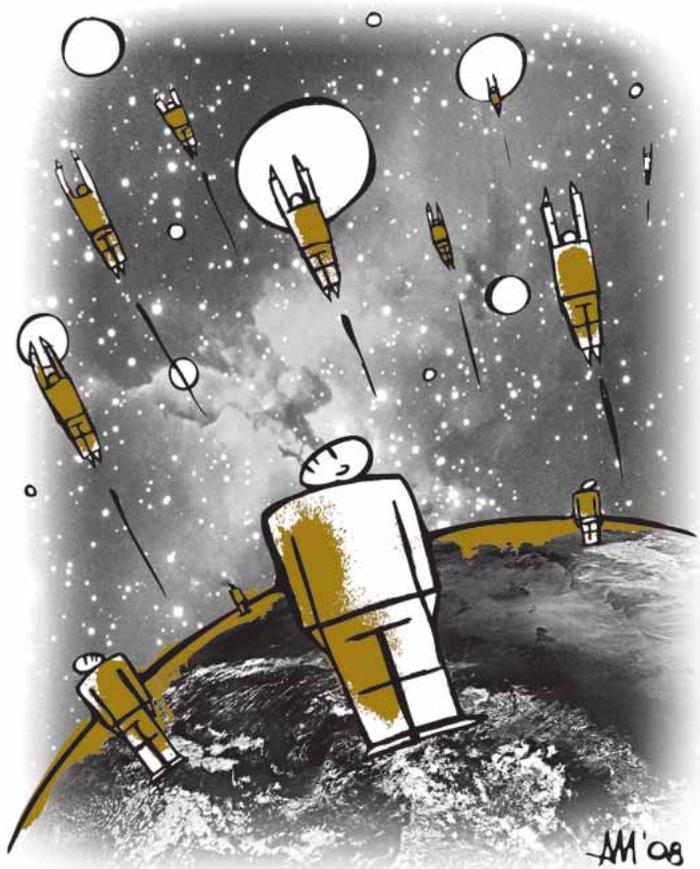

Считаете ли Вы, что NASA следует разрабатывать постоянные поселения для большого числа людей в открытом космосе или на других планетах?

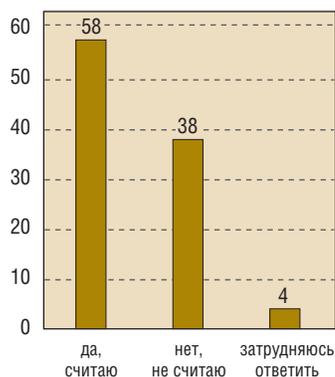
25–29 января 2008

АВС. Общенациональный опрос жителей США. 1000 респондентов. Данные в % от населения.

Почти тридцать лет назад США высадили первого человека на Луну. Считаете ли Вы, что космическая программа оправдала выделенные на нее средства?

Социологическая служба Питера Харта и Роберта Титера по заказу NBC News и Wall Street Journal. Общественный опрос жителей США от 27 октября 1998 года. 500 зарегистрированных избирателей.

Другие респонденты делились своими страхами, связанными с космическим полетом.

“Даже мысль об этом страшна”, “высоты – и то боюсь”, “страсть такая! Я и на самолете боюсь летать”, “боюсь замкнутого пространства”, “боюсь задохнуться в безвоздушном пространстве”, “боюсь космического излучения”, “боюсь неизвестности”, “боюсь пустоты” (14%; ответы на открытый вопрос).

Еще 5% считают, что это слишком рискованное мероприятие: “а вдруг не получится вернуться?”, “а вдруг, как во всем, в ракете поломка?”, “большой риск, можно не вернуться”, “зачем рисковать?”

Часть респондентов считают, что лететь в космос им не позволяет здоровье.

“Еле по дому хожу, не до космоса”, “здоровье надо иметь”, “из-за болезни”, “с давлением только мне и летать”, “сердце не выдержит” (9%; ответы на открытый вопрос).

Еще 8% видят препятствие в своем возрасте: “какие туристы, мы уже пожилые”, “лет уже много мне, что там делать бабушке?”, “уже отлеталась”.

3% респондентов не захотели даже в воображении принять возможность своего полета в космос по причине его огромной стоимости.

“Хотела бы, если бы 9 рублей стоило”, “чтобы полететь в космос, мне надо продать всю Мордовию, а моих денег не хватает даже на питание; бесплатный сыр в мышеловке бывает”, “это стоит очень дорого, а с нашей зарплатой думать нечего” (ответы на открытый вопрос).

Наконец, 2% участников опроса сказали, что им хорошо и на этой планете.

“Здесь лучше, надежнее, ближе к земле”, “Земля больше мне нравится, люблю по земле ходить”, “я очень люблю Землю – я очень земная” (ответы на открытый вопрос).

Остальные препятствия космическим полетам были названы реже.

Таким образом, освоение космоса воспринимается россиянами как проект общечеловеческого или государственного масштаба, и на этом уровне отношение к нему – скорее позитивное, тем более что с космическими исследованиями связано впечатляющее развитие науки и техники. Отношение же людей к собственному гипотетическому полету в космос – неоднозначное. Многие испытывают интерес к новым ощущениям и желание “познать красоту Вселенной”, но вместе с тем космос пугает пустыми пространствами и неизвестностью, а космический полет воспринимается как крайне рискованное мероприятие (каким он, несомненно, и является). Может быть, поэтому мужчины более склонны соглашаться на воображаемое приключение, а более осторожные и более занятые земными делами женщины думают о семье (“детей не смогу одних оставить”) и предпочитают не покидать нашу планету даже ненадолго. ■

Российские суды в жизни и на телеэкране

В общей сложности около 4% респондентов упоминают милиционеров, гаишников, юристов, налоговиков, то есть тех, кто прежде всего должен стоять на страже законности и порядка.

Среди заявивших об ущемлении их прав за последний год только четверть (5% респондентов по выборке) сказали, что требовали защиты своих прав в судебном порядке, тогда как три четверти (15%) в суд обращаться не стали. Этим респондентов попросили мотивировать их позицию (вопрос задавался в открытой форме). Чаще всего говорилось о бесполезности такого шага (4% опрошенных), отсутствии денег на судебные разбирательства и нежелании ввязываться в бумажную волокиту (по 2%).

Все же способ защиты своих прав через суд постепенно набирает в глазах наших сограждан авторитет. Доля тех, кто уверен, что такое действие имеет смысл, за четыре года увеличилась с 42% до 51%. Но еще важнее то, что баланс в распределении мнений изменился, и сегодня сторонники обращения в суд уже составляют большинство среди россиян, в то время как в 2003 году относительное большинство (47%) составляли граждане, полагавшие, что смысла в этом нет. Обращает на себя внимание значительное расхождение в данном вопросе между мнениями молодежи и лиц старшего поколения. Если среди молодых респондентов заметно преобладают убежденные в том, что судебная защита своих прав имеет смысл (68% против 26% разделяющих противоположную точку зрения), то среди пожилых – картина обратная (50% скептиков против 29% смысл усматривающих). Таким образом, можно констатировать, что в обществе происходит – и, возможно, будет продол-

жаться – принципиальное изменение установок в отношении эффективности судебных путей разрешения конфликтов.

Может быть, для того чтобы содействовать такой смене представлений, несколько лет назад и были запущены одновременно по нескольким каналам регулярные телепрограммы, воспроизводящие разбирательство судебных дел. По крайней мере, данные нашего опроса свидетельствуют, что три четверти респондентов в той или иной степени знакомы с этими передачами. Только 26% опрошенных сказали, что никогда не видели ни одной из четырех тестируемых программ – “Час суда”, “Федеральный судья”, “Суд идет” и “Дела семейные”. Каждую из первых трех программ хотя бы иногда смотрят 43–50% опрошенных; для передачи “Дела семейные” этот показатель несколько ниже – 23%. Первые две программы особенно популярны в сельской местности. А в Москве наиболее высока доля тех, кто не смотрит “судебные” программы вовсе, – 36%.

Зрители в целом позитивно оценивают содержание “телесудов” – 65% опрошенных находят их интересными, 59% – полезными, помогающими повысить юридическую грамотность людей. А вот по вопросу о “подлинности” рассматриваемых в этих программах дел, мнения разделились: 35% опрошенных полагают, что в “судебных” телепередачах разбираются подлинные дела, 31% – что придуманные. Интересно, что чаще всего считают разбираемые дела подлинными те россияне, которые обращались в суд в качестве истцов (53% из их числа), а выдуманными – те, кто имеют печальный опыт подсудимых (40%).

П. Бавин

Большинство наших сограждан не ощущают притеснений в повседневной жизни: во всяком случае 78% участников проведенного нами опроса заявили, что за последний год никто не нарушал их прав и не ущемлял их интересов. Впрочем, каждый пятый (20%) признает, что подобные факты имели место со стороны отдельных лиц либо организаций. По сравнению с данными опроса 2003 года, доля тех, чьи права, по их словам, ущемлялись, сократилась почти в полтора раза – с 32% до 20%.

В ответах на открытый вопрос респонденты чаще всего жалуются на ущемление своих прав со стороны работодателей (интересно, что уменьшилось прежде всего количество именно таких жалоб – с 11% до 5%): “начальство на работе”; “на предприятии, в зарплате”; “работодатель: при сокращении организация не выплатила деньги”; “на работе нарушают ТК”; “работодатель не выплачивает страховые”; “работала на мясокомбинате, и меня сократили, хотя я одна воспитываю ребенка”.

Некоторые (по 2%) жалуются на службы ЖКХ и здравоохранения: “коммунальные службы”; “весной прорвало батарею, помощи еле дождалась”; “ЖКХ – заплатили за тепло, которого не было две недели”; “нарушение телефонной линии”; “врачи не хотят лечить, болею – говорят, старый”; “в поликлинике не было кардиолога, пришлось лечиться в больницу за плату”.

Общероссийский опрос населения от 11–12 августа 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Е. Вовк

Эмоции в нашей жизни:

отношение к эмоциональности и правила эмоционального поведения

Эмоции – казалось бы, чисто психологическое явление. Какое отношение эта стихия – скорее природная, нежели социальная по происхождению – может иметь к проблемам и нормам социального взаимодействия? И может ли влияние эмоциональных переживаний (личных, индивидуальных и соответственно уникальных в каждом конкретном случае) на те или иные социальные коммуникации рассматриваться как значимый и, главное, поддающийся анализу фактор? Может. Вопреки кажущейся маргинальности этого фактора, в социальных науках уже довольно давно признано, что эмоции – это не просто выплески природного начала в человеке, нарушающие ровное течение повседневности, а значимый элемент социальной драматургии. Более того, признано, что индивидуальные эмоции представляют своего рода социальное действие и в качестве такового подчиняются некоторой системе правил (достаточно вспомнить, сколь эмоционально несхожи люди разных культур, и сколь сложно бывает приспособиться к чуждой системе правил эмоционального поведения).

В российской культуре, судя по данным проведенного нами исследования¹, сегодня принята скорее эмоциональная агрессивность, нежели эмоциональная сдержанность.

Личная эмоциональность: самопрезентация

Один из признаков того, что сегодня в нашей культуре эмоциональность считается скорее положительным, нежели отрицательным качеством, – самоотнесение: себя лично респонденты гораздо охотнее называют эмоциональными (63% опрошенных россиян), чем неэмоциональными (22%) людьми. Как и следова-

¹ Общероссийский опрос населения от 2–3 июня 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

ло ожидать, в представлениях о мере собственной эмоциональности присутствуют гендерные различия: женщины чаще мужчин причисляют себя к эмоциональным натурам (график 1).

Но при этом считается, будто сдерживать свои эмоции и укрощать эмоции окружающих (то, что в социологической литературе называется “эмоциональная работа”), – скорее женская задача. По всей видимости, женщины воспринимаются как более эмоционально компетентные, чем мужчины.

“Участник ДФГ: Женщина в принципе должна сглаживать эту [конфликтную] ситуацию, не то чтобы там она там еще начинала там наезжать, а как бы она должна сгладить ситуацию.

Модератор: Стоп, стоп, стоп! Женщина должна быть менее эмоциональна?

Участник ДФГ: Менее. То есть не то чтобы сдержаннее, а даже можно сказать... мудрее чтобы. Мудрее, да. Она как бы своего добьется, но не в споре, не в ругани, а как-то по-своему. Более гибкая, более сдержанная” (ДФГ, Москва²).

Различия, связанные с уровнем образования и уровнем дохода респондентов, уже не столь предсказуемы. С точки зрения обыденного представления об эмоциях как о сугубо природном феномене неожидан сам факт, что эти различия вообще присутствуют. Между тем они есть, причем по обоим параметрам картина схожа: доли неэмоциональных людей в выделяемых подгруппах более-менее одинаковы, а вот доли эмоциональных – различаются. Аналогичная зависимость наблюдается и в связи с возрастом (табл. 1).

Как видим, эмоциональными людьми чаще называют себя респонденты с высшим образованием, с уровнем дохода выше среднего и те, кто еще не приблизился к черте пенсионного возраста и не переступил ее.

Означенные различия можно было бы связать с неравенством в когнитивных способностях (чем ниже образование человека, тем сложнее ему посмотреть на себя со стороны, а низкий уровень образования коррелирует с низким

Уровень эмоциональной сдержанности ни с возрастом, ни с образованием, ни с доходом не связан. Меняется только доля заявляющих о собственной эмоциональной экспрессивности

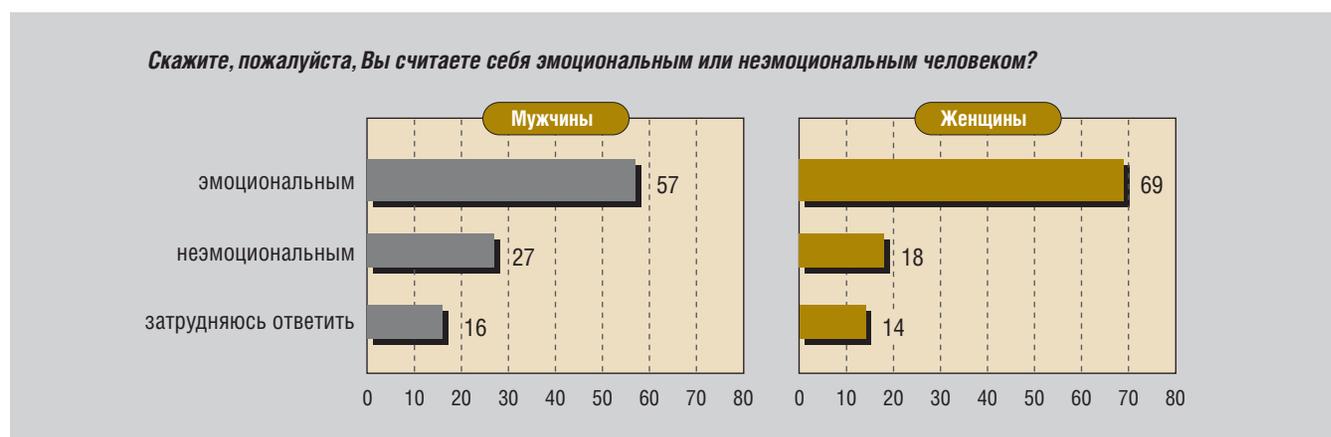

График 1

² Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре от 3 апреля 2007 года.

Табл. 1

	Возраст, лет			Образование				Доход, руб.		
	18-35	36-54	55 и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее спец.	высшее	2500 и менее	2501-4500	более 4500
Скажите, пожалуйста, Вы считаете себя эмоциональным или неэмоциональным человеком?										
Эмоциональным	68	65	54	42	60	68	76	62	59	74
Неэмоциональным	22	22	22	24	25	21	15	21	24	19
Затрудняюсь ответить	10	13	24	34	14	11	9	17	17	7

уровнем дохода и пенсионным возрастом) или же с возрастными изменениями (а пожилых людей больше как раз в низкообразованных и низкодоходных группах населения). Но подчеркнем: уровень эмоциональной сдержанности ни с возрастом, ни с образованием, ни с доходом, судя по ответам респондентов, не связан. Меняется только доля заявляющих о собственной эмоциональной экспрессивности (и соответственно доля затрудняющихся с эмоциональным самоопределением). Коли так, высказанные гипотезы отпадают.

Остается предположить, что различия в степени заявленной индивидуальной эмоциональности, наблюдаемые в связи с возрастом, образованием и доходом, объясняются уровнем ресурсности человека – что эмоциональная самооценка коррелирует с социальным статусом³.

Эмоции внутри и снаружи: критерии эмоциональности

Данные массового опроса не дают оснований утверждать, что какому-нибудь из аспектов эмоциональности – внутреннему пространству переживаний или публичному их проявлению – придается большее значение. По крайней мере,

объясняя в ответах на открытые вопросы, по каким признакам они относят себя к эмоциональным (или неэмоциональным) людям, респонденты в равной мере ссылались и на психологический, и на поведенческий критерии.

В частности, среди тех, кто считает себя эмоциональным, примерно половина аргументировала свою позицию тем, что часто волнуются, переживают, принимают все близко к сердцу и легко ранимы, а половина – тем, что не хотят и не могут сдерживать свои эмоции, всегда выражают мысли и чувства вслух, вспыльчивы и реактивны.

“Близко к сердцу принимаю все, переживаю”, “все тревожит и заботит меня”, “легкоранимый”, “легко сопереживаю”, “любое слово меня может задеть”, “я чутко реагирую на все”, “впечатлительность” (21%; ответы на открытый вопрос).

“Я все выплескиваю наружу, все высказываю”, “если меня что-то зацепит, не могу сдержаться”, “не держу эмоции в себе”, “люблю поспорить, от-

³ Осмелимся предположить, что обратная корреляция также имеет место (мы к этому еще вернемся).

Внешняя эмоциональность считается качеством скорее похвальным, чем достойным порицания, она связывается с обостренным чувством справедливости, с неспособностью смолчать, смириться с унижением, противопоставляется безучастности, равнодушию

стоять свое мнение”, “могу высказаться иногда жестко”, “агрессивно реагирую на обиду”, “взрывной характер”, “вспыльчивость, раздражительность”, “завожусь с пол-оборота”, “очень острая реакция на все”, “эмоции прут через край” (19%; ответы на открытый вопрос).

Среди тех, кто считает себя неэмоциональным человеком, соотношение ответов сходное: половина ссылались на внутреннее спокойствие и уравновешенность, половина – на сдержанность, стремление не давать эмоциям ходу.

“Близко не воспринимаю происходящее”, “очень спокойный, трудно достать”, “спокойно на все реагирую” (7%; ответы на открытый вопрос).

“Все держу в себе”, “не высказываю свои мнения”, “не ругаюсь”, “открыто не выражаю эмоции” (7%; ответы на открытый вопрос).

Вместе с тем есть основания думать, что критерием эмоциональности в нашей культуре принято считать в первую очередь все же не субъективные переживания, а поведенческие реакции. Обратим внимание на последнюю группу высказываний: респонденты отнесли себя к неэмоциональным людям по той причине, что их эмоции не видны окружающим, хотя вообще-то присутствуют. И среди участников дискуссионных фокус-групп, что характерно, ни один человек не отнес себя к числу эмоциональных, сославшись на то, что эмоции бушуют *внутри* него, каждый же, кто называл себя эмоциональным, обосновывал это тем, что его эмоции проявляются *внешне*.

“Меня эмоциональным считают: не могу молчать, все время должен высказать что-нибудь” (ДФГ, Самара).

“Да, эмоциональна. Выражается, если что-то меня затрагивает и что-то интересно, в повышении голоса, в такой в яркой жестикуляции, в больших глазах и так далее” (ДФГ, Москва).

И наоборот. Характерно, что даже в случае суждений о собственной эмоциональности первоочередным критерием оказывается наличие не внутренних переживаний, а их видимых отражений.

“Ну, я думаю, я малоэмоциональный. Не показываю эмоции свои. Скрытый, да. Сам в себе” (ДФГ, Самара).

Кстати, на вопрос о совпадении внутренней и внешней оценок собственной эмоциональности (*“Как Вам кажется, большинство окружающих считают Вас более эмоциональным человеком, чем Вы есть на самом деле, менее эмоциональным или таким человеком, какой Вы есть?”*) большинство участников массового опроса – 58% – ответили, что эти оценки совпадают (*“считают меня таким человеком, какой я есть”*). На наш взгляд, это означает, что индивидуальная эмоциональность в нашей культуре является публичным качеством: ее не принято особо скрывать или, напротив, выставлять напоказ. Правда, нельзя упускать из вида и то обстоятельство, что четверть опрошенных считают, будто внешняя оценка их истинного уровня эмоциональности ошибочна: по мнению одних (13%), окружающие считают их более эмоциональными, по мнению других (также 13%), – менее эмоциональными людьми, чем они есть на самом деле.

Затруднились ответить на вопрос о внешней оценке собственной эмоциональности всего 16% опрошенных. Коль скоро человек обычно осознает и отслеживает, как именно он выглядит в глазах окружающих, значит, эмоциональность действительно воспринимается как важный параметр социального Я.

Обыденные теории эмоциональности

Тот факт, что и при оценке другого, и при оценке себя самую главенствующую роль играет внешняя сторона эмоционального Я, на наш взгляд, напрямую связан со значением, которое придается эмоциям в нашей культуре. Судя по материалам фокус-групп, эмоции обычно трактуются как проявление истинного Я человека, очищенного от наносного слоя культуры, воспитания, приличий и т. д.

“Эмоции говорят о том, какую в сущности имеет человек натуру” (ДФГ, Самара).

“Ну, я думаю, когда у человека там какие-то эмоции, то все это слетает одномоментно: и воспитание все, и привычки, как-то он становится самим собой, что ли, то есть это не скроешь воспитанием, образованием” (ДФГ, Москва).

При этом внешняя эмоциональность считается качеством скорее похвальным, чем достойным порицания, она связывается с обостренным чувством справед-

ливости, с неспособностью смолчать, смириться с унижением, противопоставляется безразличию, безучастности, равнодушию.

“Я не могу безразлично, то есть (если что-то происходит) просто пройти, не сказать или помочь. Или наоборот уже, если надо, отругаю” (ДФГ, Москва).

“Меня считают эмоциональным человеком. У меня тоже обостренное чувство несправедливости, я редко когда промолчу” (ДФГ, Самара).

“Ну, не быть безразличным, вот безучастным – я считаю, что это эмоциональный человек. А человек, который, ну,

равнодушный ко всему, которого ничего не затрагивает, который как бы бережет себя, что ли, именно как вот можно еще назвать, он может и пройти, и смолчать, и не лезть, скажет: «А, обойдется»” (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на лексику – по мнению участницы дискуссии, неэмоциональный человек “бережет себя” (другая участница обсуждения даже припомнила слова классика: “спокойствие – душевная подлость”).

В целом незаметно, чтобы люди стыдились даже чрезмерной эмоциональности. Скорее, они ею гордятся и бравируют. Это и неудивительно, коль скоро большинство расценивают эмоции как силу, созвучную личности человека и глубоко ей родственную, – как своего рода индикатор искренности. Более того, на уровне обыденных представлений уровень эмоциональности человека (где под эмоциональностью, повторим, подразумевается исключительно внешнее проявление эмоций) обычно увязывается с уровнем его жизненной силы, со способностью контролировать собственную жизнь и окружающую действительность. В ходе групповых дискуссий открытое проявление эмоций респонденты приравнивали к уверенности, а сокрытие эмоций – к неуверенности в себе.

В российской культуре эмоциональным сопровождением взаимодействию придается социальность – понятный другому смысл, а отсутствие видимых, выраженных эмоций разрушает какие-то базовые смысловые структуры

“Наверно, скрывают больше эмоции неуверенные в себе люди. А более уверенные в себе люди – они эмоции выражают больше. Любые: и положительные, и отрицательные” (ДФГ, Новосибирск).

Любопытно, что, по мнению участников фокус-групп, неэмоциональным человеком легче управлять.

“Я считаю, что на молчаливого человека легче повлиять, манипулировать им. Эмоциональному легче неэмоциональным манипулировать” (ДФГ, Москва).

Казалось бы, здравый смысл подсказывает обратное: чем человек сдержаннее, тем сложнее на него влиять. Однако дело в том, что чаще всего респонденты называют неэмоциональным того человека, который боится или не хочет свои эмоции выразить. Причем почему-то в большинстве случаев речь шла об эмоции возмущения, о нежелании или неспособности постоять за себя.

“А если ты будешь везде молчать, тебя и заклюют...” (ДФГ, Москва).

“Неэмоционального можно нагрузить сверх меры, он будет терпеть и терпеть” (ДФГ, Москва).

Да и вообще о неэмоциональности респонденты говорят как о пассивности – склонности скрыть эмоции, проглотить обиду, промолчать, пройти мимо, подчиниться. Фактически неэмоциональность приравнивается к социальному конформизму. Вот характерный пассаж, иллюстрирующий такое отношение.

“Так все революции на эмоциях и строятся. Вот такие вот люди, которые спокойные, они сидят дома, их все устраивает. Вот уже и зарплата маленькая, и все, и они сидят себе, а люди пошли, революцию подняли эмоционально – и подняли людям зарплату” (ДФГ, Москва).

Только некоторые из участников фокус-групп признают внешнюю эмоциональность отрицательным качеством.

Например, один из участников обсуждения говорил, что его эмоциональность оборачивается зачастую неадекватным поведением.

“На некоторые вещи неадекватно реагирую, можно было бы более спокойно. Другой промолчит – я отвечаю” (ДФГ, Москва).

Да и в целом, с его точки зрения, повышенная эмоциональность тождественна повышенной конфликтности.

“Все вооруженные конфликты из-за эмоций, на юге это в основном” (ДФГ, Москва).

Роль эмоций в социальной драматургии

Считается, что история европейской знати (да и европейского среднего класса) началась с обучения искусству своими эмоциями *управлять*, а самопроизвольные эмоциональные порывы *сдерживать*. А вот в рамках российской, привычной нам культуры эмоциональная сдержанность, похоже, порицается как своего

рода порок, девиация. Неэмоциональный человек оказывается по меньшей мере непонятен и неинтересен окружающим.

“1-я участница: У меня вот ребенок очень неэмоциональный. Ему дашь что-нибудь необыкновенное, он говорит: «Спасибо, мама». И не знаешь, хорошо это ему или плохо. Хоть ему DVD подари, хоть жвачку за 3 рубля – «спасибо, мама», и никаких эмоций. И это так ужасно! Никакой радости делать сыну подарки. Его в классе зовут Немо, потому что он сам в себе вот такой, и это ужасно. Просто не знаешь, с какой стороны к этому человеку подойти, как к нему подойти. <...> Нет, ну, приятно, когда человек, вот подарили ему – он улыбается, радуется. Он спрашивает, он читает инструкцию. А то он: «Спасибо, мама», посмотрел и пошел.

2-й участник: Вроде это так и надо.

1-я участница: Вроде, знаете... Да и вообще с такими людьми общаться просто тяжело очень – с неэмоциональными. Просто не знаешь даже его реакцию, ты даже просто себя виноватым чувствуешь. Или не виноватым, ну, не знаешь, как реагировать. Очень сложно” (ДФГ, Самара).

Складывается впечатление, будто в российской культуре эмоциональным сопровождением взаимодействию придается социальность – понятный другому смысл, а отсутствие видимых, выраженных эмоций разрушает какие-то базовые смысловые структуры. Более того, судя по всему, зачастую отсутствие эмоциональной реакции со стороны контрагента воспринимается как сознательный уход от общения, подчеркнутое нежелание идти на контакт (в особенности когда речь идет об общении с близкими людьми).

“Вот у меня свекор и свекровь. Вот свекор – он спокойный как танк, у него нет ни одного седого волоска <...>. Но меня всегда задевает, вот когда мне что-то обидно, я ему высказываю, жду от него эмоции, он сидит: да успокойся ты, тебе это надо? Мне... как это он меня не понимает, мне ему не хочется высказывать, потому что он меня не понимает, он сидит: да это такая мелочь” (ДФГ, Москва).

По всей видимости, дело вот в чем. Эмоциональная культура имеет прямое отношение к социальной дистанции и личному пространству человека: эмоциональная открытость дистанцию сокращает, эмоциональная сдержанность – увеличивает. В рамках российской культуры, с ее общинными корнями и коллективистскими ценностями, автономия личного пространства и фиксированная социальная дистанция как минимум не поощряемы. Более того, проблема внешней эмоциональности оказывается связана с проблемой доверия. Эмоционально открытого человека не требуется расшифровывать, он весь как на ладони, и с точки зрения российской культуры эмоционально

но открытый человек воспринимается как человек общительный, без задних мыслей. Эмоциональная же сдержанность, создание приватного психологического пространства в рамках нашей культуры вызывает раздражение и даже подозрение.

Проблема внешней эмоциональности оказывается связана с проблемой доверия. Эмоционально открытого человека не требуется расшифровывать, он весь как на ладони. Эмоциональная же сдержанность, создание приватного психологического пространства в рамках нашей культуры вызывает раздражение и даже подозрение

“1-я участница ДФГ: *Вот это как раз про тех людей, незмоциональных, всегда вот считают, что у них какая-то подлость, что это вот они ждут, и с таким человеком я, например, никогда не общаюсь, потому что я сижу и думаю – какой-то тихушник, чего-то там он задумал...*”

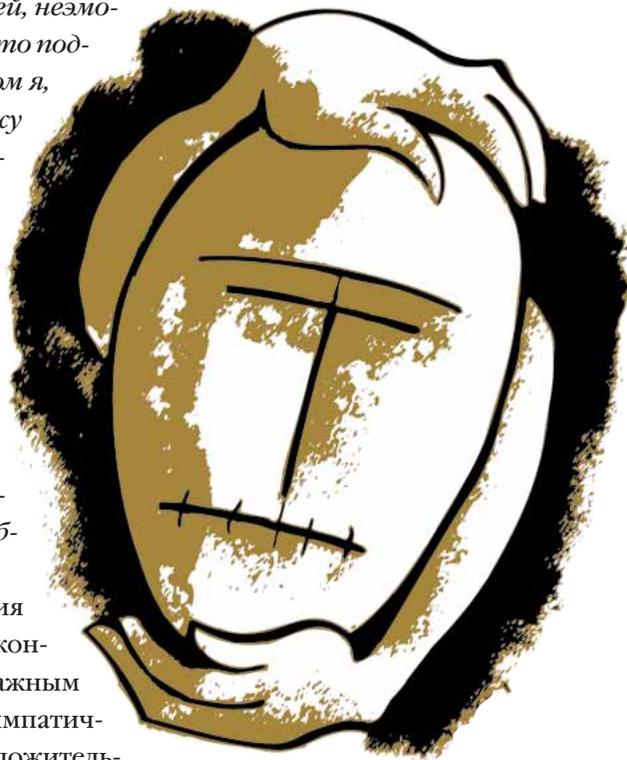
2-я участница ДФГ: *Тяжело воспринимаешь, не видишь...*

1-я участница ДФГ: *Да. А человек эмоциональный – он... открыто с ним общаешься, и от него ничего не ожидаешь. Так всегда было, и это проверено”* (ДФГ, Москва).

“Когда человек внешне спокойный, незмоциональный, не знаешь, что от него ждать. Он ничего не выдает. Я думаю, что и дружить неинтересно, и общаться неинтересно” (ДФГ, Новосибирск).

Правда, несмотря на весь позитивный фон восприятия эмоциональной открытости и отношения к ней, умение контролировать свои эмоции считается все же нужным и важным делом. В частности, 57% опрошенных заявили, что им симпатичней, приятней, ближе те люди, кто свои эмоции, как положительные, так и отрицательные, сдерживает⁴, 64% – что им проще работать с эмоционально сдержанными людьми⁵ (с эмоционально несдержанными, открытыми людьми общаться предпочитают 29%, работать – 22%). Да и собственная повышенная эмоциональность мешает людям больше, чем эмоциональность пониженная: доля тех, кто хотел бы быть менее эмоциональным человеком, чем он есть, много выше доли тех, кто хотел бы быть более эмоциональным (22% против 4%⁶). По всей видимости, респонденты осознают, что эмоциональная открытость тоже должна иметь определенные пределы – человеку следует быть эмоционально открытым, но не агрессивным, иными словами, не стоит нарушать правила эмоционального поведения, надо соблюдать ограничения, наложенные ситуацией и статусом человека. Кстати, участники фокус-групп напрямую связывали уровень эмоциональности с уровнем воспитания: с их точки зрения, воспитанный человек менее эмоционален.

Но в целом, как можно было убедиться, в нашей культуре идея “эмоциональной работы” – то есть самоограничения в сфере проявления эмоций – пока не в особой чести. Ее маргинальный статус обусловлен тем, что демонстрация эмоциональности воспринимается как признак доминирующей позиции в социальных коммуникациях, как один из атрибутов власти, а возможность не скрывать эмоции расценивается как право “быть самим собой”. ■

⁴ Вопрос: “Скажите, пожалуйста, какие люди Вам симпатичней, ближе, приятней – те, кто сдерживает свои эмоции (как позитивные, так и негативные), или те, кто не сдерживает свои эмоции, открыто проявляет их?”

⁵ Вопрос: “А с какими людьми Вам проще работать (было бы работать, если Вы сейчас не работаете) – с теми, кто свои эмоции – как позитивные, так и негативные – сдерживает, или с теми, кто не сдерживает свои эмоции, открыто проявляет их?”

⁶ 65% опрошенных уровень их эмоциональности устраивает.

Г. Кертман

Ульяновск навсегда?..

Весной 2008 года в центральных СМИ появились сообщения о том, что в Ульяновске развернулась – впрочем, не впервые – полемика между сторонниками и противниками возвращения этому городу исторического названия: в марте с такой инициативой выступил ульяновский мэр С. Ермаков.

Со времени интенсивных политико-топонимических баталий, в ходе которых одни советские названия исчезли с карты страны, уступив место прежним именам, а другим удалось на этой карте удержаться, прошло примерно полтора десятилетия. Те баталии протекали в контексте противостояния диаметрально противоположных взглядов на советскую эпоху (со всеми ее символами и атрибутами) – противостояния, представлявшего собой ценностное, идеологическое содержание политической поляризации 90-х. Сейчас, конечно, взгляды россиян на советское прошлое тоже разнятся весьма существенно, но о политической поляризации общества по этому критерию (как, впрочем, и по какому-либо иному) говорить явно не приходится.

Нам показалось небезынтесным выяснить, как сегодня воспринимается российскими гражданами идея возвращения “родине Ильича” прежнего названия: каково соотношение одобряющих и осуждающих эту идею и главное – какие соображения приведут в обоснование своих мнений те и другие сейчас, когда подобные вопросы давно сместились на периферию общественного внимания и массовому сознанию не навязываются готовые – пусть и противоположные по смыслу – интерпретационные схемы.

Прежде всего, однако, обнаружилось, что прежнее название Ульяновска известно лишь трети наших сограждан (33%)¹. Причем чаще всего правильный ответ на соответствующий вопрос давали представители среднего поколения (от 36 до 54 лет) – 45%. Старшие осведомлены несколько хуже (38% правильных ответов); что же касается молодых, то среди них всего лишь 18% вспомнили, как назывался Ульяновск до 1924 года. Впрочем, этот разрыв едва ли стоит интер-

¹ Общероссийский опрос населения от 12–13 апреля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

претировать как очередное свидетельство падения культурного уровня молодежи: в данном конкретном случае естественно предположить, что младшие респонденты реже вспоминают название “Симбирск” прежде всего именно потому, что им, в отличие от отцов и дедов, не довелось “проходить” в школе биографию В. Ленина².

Большинство опрошенных (62%) не ответили на вопрос о прежнем названии Ульяновска, признав, что не знают или не помнят его; 5% высказали ошибочные версии. Чаще всего упоминалась Самара: на имя этого поволжского города, давно вернувшееся на карту по прежнему адресу, пришлось почему-то почти половина неверных ответов (35 из 74). Но встречались и более экзотические предположения: так, наряду со “старорежимными” названиями (Петербург, Екатеринбург, Новгород, Царицын и т. д.) назывались и имена советского происхождения (Ленинград, Горький, Куйбышев, Киров, Свердловск и т. д.).

Респондентам напомнили, что Ульяновск прежде назывался Симбирском, и спросили, одобряют ли они идею возвращения городу этого имени. Положительно отнеслись к такому предложению 14% опрошенных, отрицательно – 41% (прочие затруднились с ответом). Респонденты, знавшие прежнее название Ульяновска, значительно чаще прочих демонстрировали определенное мнение по данному вопросу (среди них затруднились с ответом 33%, среди не знавших – 53%), но соотношение голосов “за” и “против” переименования в этой группе оказалось таким же, как по выборке в целом: примерно 1:3 (17% против 50%).

Обосновывая свои позиции в ответах на соответствующий открытый вопрос, и сторонники, и противники переименования иногда говорили, разумеется, об исторической роли В. Ленина и о собственном отношении к этому человеку.

² Не доводилось им, например, поражаться двусмысленности строфы: “Коммунизма призраки по Европе рыскал./ Уходил и вновь маячил в отдаленных... /По всему по этому в глуши Симбирска/ Родился обыкновенный мальчик Ленин”, – и, соответственно, намертво запоминать, где именно это случилось.

+ За переименование

“Ленина уже нет, да и брехун он был”, “Ленин уничтожил Россию”, “потому что людей погибло очень много ни за что при дедушке Ленине”,

“все, что связано с Советским Союзом, мне не нравится”, “это советские издержки, и их надо исправлять”,

“мне не нравится Ленин”, “я ненавижу Ленина” (2%; ответы на открытый вопрос),

— Против переименования

“Ленин был великий человек”, “Ульяновск – это память о великом вожде”, “потому что в честь Ленина это было сделано, и правильно это было сделано”,

“уважаю тот строй”, “все-таки наш был руководитель, правитель, Ленин был за рабочих”,

“люблю Ленина”, “мы – внуки Ильича” (4%; ответы на открытый вопрос).

Высказывались и те, и другие, как видим, вполне определенно, однако доля таких диаметрально противоположных высказываний идеологического, мировоззренческого свойства относительно невелика.

Главный же довод сторонников возвращения Ульяновску прежнего имени состоит в том, что это следует сделать из уважения к истории: в таком ключе высказались примерно 60% от числа респондентов, поддержавших идею переименования и сумевших так или иначе обосновать свое мнение (или 7% от всех опрошенных). Однако “симметричный” аргумент столь же часто приводился и противниками переименования – они тоже призывали почтительно относиться к истории. И нередко почти дословно повторяли своих оппонентов.

+ За переименование

“Город должен носить историческое название”, “вернуть настоящее название”, “возврат истории”,

“потому что это история”, “Симбирск – это историческое название города”, “как раньше назывался Симбирском, так пусть и называется”,

“возвращение к первоначальной истории”, “это историческое название города с вековыми традициями” (7%; ответы на открытый вопрос),

— Против переименования

“Должно оставаться историческое название”, “история должна оставаться”, “не надо менять исторические названия”,

“история есть история”, “название Ульяновск – это наша история”, “это наша история, Симбирск – мы такого названия не знаем”,

“люди должны помнить свою историю”, “надо уважать свою историю”, “не надо переделывать историю” (7%; ответы на открытый вопрос).

Апелляция к исторической памяти оказывается, таким образом, обоюдоострой: для противников переименования историческим является уже название “Ульяновск” (“Симбирск” же, надо полагать, доисторическим). Причем для некоторых из них этот аргумент имеет, похоже, не только отвлеченный смысл – соотносящийся с представлениями об исторической справедливости, – но и смысл личностный: предложение о переименовании они воспринимают как символическое “покушение” на тот отрезок истории, в котором им довелось жить, едва ли не как попытку обесценить этот отрезок (вместе с ними самими). Неслучайно во многих репликах противников переименования слово “история” сопровождается местоимениями “наша”, “своя”, тогда как в “симметричных” высказываниях сторонников возвращения старого названия эти местоимения практически не встречаются.

Возможно, кстати, именно поэтому распределение мнений относительно целесообразности переименования Ульяновска весьма ощутимо варьируется в зависимости от возраста опрошенных: среди молодых за возвращение прежнего названия высказались 15%, а против – 33%, среди пожилых – 10 и 49% соответственно. Позволим себе предположить, что последние особенно решительно высказываются против переименования не только – и, наверное, не столько – в силу особых симпатий к Ленину, сколько в силу желания защитить “свою” историю (макросоциальный контекст собственной биографии) от любых попыток ревизии.

Еще один довод сторонников переименования – сугубо эстетический: некоторым больше нравится старое название города. Однако и тут наблюдается симметрия – вкусы у людей разные, и некоторым нынешнее имя города представляется более благозвучным.

За переименование

“Красивое название”, “лучше звучит”, “очень красивое название, пусть переименуют в Симбирск” (1%; ответы на открытый вопрос).

Против переименования

“Красивое название”, “Ульяновск – очень красивое название», “Ульяновск – лучше звучит», “красивее” (2%; ответы на открытый вопрос).

Собственно, этими доводами – идеологическим, историческим и эстетическим – аргументация сторонников переименования почти исчерпывается, причем ни в одной из “номинаций” они не достигают количественного перевеса над оппонентами.

Некоторые сторонники возвращения Ульяновску прежнего имени ссылаются на прецеденты, полагая – без особых на то оснований, – что их позиция соответствует “духу времени” (*“езде возвращаются старые названия”, “меняются названия в наше время – это стало традиционным”, “в ногу со временем нужно идти”* – 1%), а некоторые – не столько поддерживают эту идею по существу, сколько выражают готовность санкционировать переименование, если того хотят ульяновцы (*“если жителям Ульяновска это важно, пусть меняют”, “как жители хотят, так и надо”*).

Противники же переименования довольно часто ссылаются на сложившуюся привычку: *“все привыкли к этому названию”, “мое поколение знает как Ульяновск”, “жители привыкли к названию города”, “привыкли, и это название всем ближе”, “Ульяновск – привычнее”* (6%). Довод этот как бы примыкает к “историческому” аргументу (*“это наша история”*), выглядит в известном смысле как его сниженная, лишенная пафоса, “прагматизированная” версия. Некоторые приводят и сугубо прагматические аргументы: переименование породит определенные неудобства (*“почтовые реквизиты изменятся”, “трудности возникнут для приезжих”, “переименование приведет к большим проблемам в самом городе”* – 2%).

Но чаще всего противники переименования говорят о неоправданных расходах, которых потребовал бы этот шаг: *“лишняя трата денег”, “слишком дорогое удовольствие”, “перевод денег”, “деньги девать, что ли, некуда?”, “это пустая трата денег”, “деньги тратят на блажь”, “лишние деньги на ветер выкинем”* (12%). Причем по репликам участников опроса вполне очевидно, что за этим

доводом стоит не столько рачительность, забота о государственной казне, сколько раздражение, вызываемое бессмысленной, по их мнению, идеей. Дело, иначе говоря, не столько в цене вопроса, сколько в том, что деньги предполагается потратить “на блажь”, выкинуть “на ветер”.

Довольно многие говорят, по существу, то же самое, уже не прибегая к финансовой аргументации, – идея пустая, бессмысленная: “не вижу в этом большого смысла”, “от названия города жизнь все равно не изменится”, “нечем заняться?”, “от того, что переименуют, ничего не изменится”, “нет других забот?”, “неактуально”, “чушь собачья какая-то” (7%). А некоторые просто настаивают: “как есть, так пусть и остается”, “есть Ульяновск – пусть и остается” (2%).

Участников опроса попросили также высказать свои предположения относительно того, как воспринимают идею переименования сами ульяновцы. Строить догадки на сей счет решились сравнительно немногие: 11% полагают, что большинство горожан – за переименование, 28% – что против. Как нетрудно догадаться, и сторонники, и противники этой идеи склонны считать, что их точка зрения в городе пользуется популярностью: среди первых 47% полагают, что большинство ульяновцев хотели бы вернуть прежнее название, 13% – что не хотели бы, среди вторых – 6% и 50% соответственно.

В действительности, согласно данным ульяновского Центра социологических исследований³, распределение мнений в городе довольно близко к зафиксированному общенациональным опросом ФОМа: 20% горожан определенно

³ Уличный опрос, 900 респондентов, 18–20 марта 2008 года.

Ульяновск хотят переименовать в Обломовск

В Ульяновске развернулась мощная кампания по переименованию города в Обломовск. Идея сопоставить героя знаменитого романа Ивана Гончарова Илью Обломова и Ленина пришла в голову директору ульяновского Музея Ивана Гончарова Антонине Лобкаревой, заведующей выставочным отделом городского историко-культурного центра Татьяне Данилиной и заведующей Домом-музеем Ленина Татьяне Брылевой.

“Сложился стереотип, что Ульяновск – это прежде всего родина Ленина, – говорит Татьяна Данилина. – Но есть и другой Ильич, не менее известный, – Обломов. Ульяновск частенько называли Обломовщиной. К тому же это родина писателя Ивана Гончарова, породившего самого Илью Обломова”.

“Ульяновск – родина двух Ильичей” – под таким названием в Мемориальном центре им. Ленина была развернута специальная выставка. Под аналогичным названием ульяновский губернатор В. Шаманов опубликовал в местных СМИ обраще-

ние к жителям. “Это вполне отражает противоречивость социально-экономических преобразований, идущих в области, потому что мы идем на смелые и неожиданные эксперименты как в сфере культуры, так и в сфере экономики”, – объяснил он свою позицию по поводу “раздвоившегося” Ильича.

Жизнь регионов. 2003.01.22

<<http://old.iamik.ru/6093.html>>

высказываются за возвращение прежнего имени, 54% – против. Причем тема в Ульяновске, видимо, постепенно актуализируется: растет как доля сторонников, так и доля противников переименования (в 2005 году – 12% и 33% соответственно). И любопытно, что, судя по данным ульяновских социологов, аргументация горожан очень близка к той, которую мы выявили в ходе общенационального опроса. Большинство сторонников переименования (57% от их числа) говорят о необходимости вернуть городу историческое название, гораздо реже звучат ссылки на благозвучие имени “Симбирск” и неприязнь к Ленину; противники же чаще всего говорят о расходах (47% из них) и гораздо реже – о симпатиях к Ильичу и привычке к нынешнему названию⁴.

В целом же результаты опроса ФОМа определенно свидетельствуют о несоответствии идеи переименования Ульяновска (и, скорее всего, любого иного населенного пункта) духу времени, доминантой которого является установка на стабильность. Доля респондентов, высказавшихся против этой идеи по соображениям мировоззренческого или хотя бы эстетического толка, лишь ненамного превышает (хотя все же превышает) долю опрошенных, поддерживающих ее – опять-таки по мировоззренческим или вкусовым мотивам. Но есть еще “голоса” тех, у кого сама мысль о “переформатировании” какого-либо фрагмента символического пространства априори вызывает реакцию отторжения как лишенная практического смысла и уже поэтому вредная, – и именно за счет этих голосов перевес противников переименования Ульяновска над сторонниками становится подавляющим. ■

⁴ <<http://www.radiorus.ru/news.html?id=262726>>; <<http://sm-k.narod.ru/archives/2008/apr/40/17.html>>

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

Скажите, пожалуйста, что именно в жизни современной России вызывает у Вас чувство гордости за страну? Приведите примеры.

Наша страна всегда радует, но положительные эмоции чувствуешь редко.

Почему Вы не хотели бы приобрести компьютер для дома? Что мне с ним делать – высчитывать, сколько корове сена дать?

Скажите, какие недостатки, на Ваш взгляд, есть у платных телеканалов?

Много программ хороших, от телевизора не отойти, забываем о других развлекательных мероприятиях.

Скажите, пожалуйста, а что Вам мешает одеваться более модно, чем Вы одеваетесь сейчас?

Жена не разрешает, денег не дает.

Какая задача, по Вашему мнению, должна быть важнейшей для следующего президента, чего он должен добиваться в первую очередь?

Поставить всю Россию обратно, как было раньше.

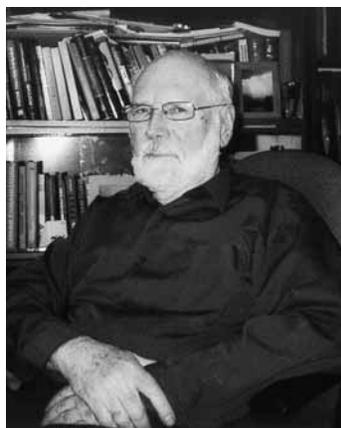
Почему у Вас нет возможности пройти диспансеризацию?

Участковый врач отрицательно относится к здоровью людей.

(Из опросов ФОМа)

MAN of the FUTURE

У нас в гостях Андрей Григорьевич Здравомыслов

18 мая 2008 года исполнилось 80 лет Андрею Григорьевичу Здравомыслову, доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института социологии РАН. Должности, звания и отличия Андрея Григорьевича можно перечислять долго, но главное, видимо, не в этом. А в том, что речь идет об одном из основателей современной отечественной социологической науки. Его книги стали настольными для нескольких поколений социологов – не только российских, но и зарубежных, а такие его труды, как “Социология конфликта”, “Человек и его работа” и многие другие, определили направления развития науки на долгие годы.

Сегодня Андрей Григорьевич – вновь гость нашего журнала¹.

От всей души поздравляем Вас с юбилеем.

Спасибо.

Как один из тех, кто стоял у истоков отечественной социологии, Вы имели уникальную возможность наблюдать ее развитие на протяжении более пятидесяти лет. Как бы Вы оценили это развитие сегодня, в 2008-м?

Начнем с того, что на начальной стадии своего развития социология была в большой степени не только наукой, а еще и общественным движением, модным – в хорошем смысле этого слова – занятием группы энтузиастов. Все знали друг друга даже не по именам, а много ближе; большинство было связано дружескими узами. Не имело значения, где ты живешь – в Москве, Тбилиси, Новосибирске, Ростове или Киеве. А теперь за словом “социологи” – тысячи человек. Вот готовится III Всероссийский конгресс (октябрь 2008 года) – подано 2300 заявок от социологов со всех концов России, и это даже не десятая доля, как мне кажется. А вот иное: тот факт, что с 1989 года социология стала предметом преподавания в вузах, говорит сам за себя.

Советская и российская социология переживала разные этапы, и каждый этап был важен. В конце 80-х и в 90-е годы – взрывной всплеск, который объясняется тем, что обществоведческие кафедры (истории КПСС и марксизма-ленинизма) были повсеместно преобразованы в кафедры социологии и политологии. Парадокс этого времени состоял в том, что количество образовавшихся позиций значительно превышало число тех специалистов, которые на самом деле обладали социологической подготовкой. В некоторых социологических учреждениях конфликт между позициями и компетентностью кадров остался непреодоленным, что сказывается отрицательно на процессе преподавания.

И все же нынешняя ситуация в социологии *несопоставима* с тем, что было в 60-е годы. Когда мы начинали, на первом месте стояла вот такая исследовательская задача: в какой мере понять реальность советского общества соответствовала заявленным целям и идеалам. Мы хотели измерить, образно говоря, расстояние от реальности до идеала. Сейчас кое-кто говорит, что это была наивная задача. Я так не думаю. Это была

¹ См.: Социальная реальность. 2006. № 5.

эмпирически правильная постановка вопроса. Решая ее, социологи создали направление мысли, ориентированное на умение собирать и обрабатывать факты, составлять общую картину того, что называется социальной реальностью. Причем эта общая картина опиралась на изучение более частных сфер жизни: отношение к труду, образование, реальность или нереальность надежд, положение дел в семейной сфере...

Мы искали узловые точки, на базе исследования которых развивалось социологическое мышление. Так все начиналось.

Сегодня социология характеризуется прежде всего расширением предметной сферы и многообразием методологических установок, которые обобщают многообразие жизненного опыта людей, уникального в каждом отдельном случае, и это создает чрезвычайно разнообразные течения, во многом не совпадающие друг с другом.

Однако, если прикладные исследования по-прежнему на слуху, то не произошли ли за последние годы спад интереса к теории социологии?

Не спад... Тут все сложнее. В теории разрабатывается главный вопрос (никак не эмпирический) – вопрос мировоззрения. Опять-таки обратимся к прошлому: в 60-е годы наше мировоззрение строилось на базе марксистской теории. Никто из нас не был диссидентом, никто не носил “фигу в кармане”. Шестидесятники принадлежат к тому поколению, становление которого шло в послевоенные годы, и осмысление минувшей войны как войны, которую враг вел на уничтожение нашего народа, играло особую – можно сказать, подспудную – роль в формировании наших взглядов. Тут можно говорить очень о многом, но по недостатку времени и места ограничусь тем замечанием, что излюбленное иными сравнение фашизма и сталинизма не выдерживает исторической критики.

Так вот: точно так же и современная социологическая теория основывается на историческом фундаменте – прежде всего в вопросах осмысления того, чем был XX век. Характеризуя его как век насилия, мы приходим к тому естественному выводу, что век XXI должен быть построен на основании мирного сотрудничества и взаи-

мопонимания между народами. И это напрямую касается предпосылок теоретического мышления в социологии. Есть масса тонкостей, касающихся теоретического дискурса. Так, если в 60-е структурно-функциональный анализ как господствующая парадигма западной научной мысли противостоял марксистской парадигме, то наши теоретические усилия состояли в том, чтобы показать: отношения двух этих парадигм не могут, не должны рассматриваться как “чистая оппозиция”. Скажем, теория классов и противостоявшая ей теория стратификации – разве они взаимоисключающи? Современное общество характеризуется и тем, и другим. Или взять социологию конфликта: в ней внятно просматривается не только марксистское, но и веберинское направление. Надо принять во внимание, что Вебер имел в своем распоряжении “лишние” полвека по сравнению с Марксом и мог разработать более тонкий аналитический аппарат. Так же и Дарендорф в своей классической работе 1959 года “Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе” не отрицает ни одну из этих парадигм, поскольку невозможно понять одно без другого.

Попытки классификации как упомянутых, так и других парадигм сегодня предпринимаются, и они перспективны. Каждая высвечивает тот “сектор” социальной реальности, на изучение которого парадигма и направлена. В то же время каждая парадигма характеризуется своим особым стилем мышления, в том числе – своим понятийным аппаратом и своей “логикой мышления”, позволяющей заметить и проанализировать именно то, что не видно с иной точки зрения.

В пространстве социологической теории существуют разные уровни обобщения и осмысления реальности. В качестве политически значимых уровней такого обобщения выступают и национальный, и наднациональный уровни социологического теоретизирования. В своей новой работе (“Социология: теория, история, практика”) я предпринял попытку сравнительного анализа социологии в контексте национальных культур. Это, на мой взгляд, совершенно необходимо для оценки реальных возможностей социологии.

В этой работе я преимущественное внимание обращаю на состояние теоретического мышления. Трудности понимания социологической теории связаны с тем, что социология меняет свой предмет постольку, поскольку само общество не стоит на месте. В нашей литературе есть детально разработанная *теория* трансформации российского общества (Т. Заславская), тщательно проработанная теоретическая концепция, названная *социологией пространства* (А. Филиппов), объяснение (теория) *межнациональных конфликтов*, развернувшихся на постсоветском пространстве. Все это различные виды теоретизирования, каждый из которых опирается на теоретический ресурс, накопленный в истории социологической мысли. Следовательно, теоретическая и аналитическая работа идет, но она не столь заметна в сравнении с публикациями, посвященными описанию данных опросов, где используются количественные показатели различного рода.

Дело также и в том, что теоретическая работа в социологии прямо или косвенно включает в себя анализ самих предпосылок теоретизирования, которые связаны с различными вариантами мировоззрения. Для понимания собственно процесса теоретизирования важно иметь в виду различие эмпирического материала, который является предметом интерпретации. В одних случаях исследования направлены на “социальную реальность”, на “социальные факты”, которые становятся предметом объяснения; в других – речь идет об исследовании самих понятий, с помощью которых осуществляется объяснение.

Вы много лет посвятили социологии власти. Семнадцать лет Вы проработали в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Той партии не стало, возникли новые, ситуация совершенно изменилась. Насколько применимы Ваши разработки к сегодняшней ситуации?

Во-первых, о социологии власти. Эта проблематика остается постоянной темой моей научной работы. Для своей диссертации я избрал проблему интереса в социологической теории. Согласно идеологической формуле как советского времени, так и наших времен, власть должна

“выражать интересы народа”. Но что это значит на самом деле? Что такое интересы, которые “надо выражать”? Каким образом они формулируются на уровне самого сознания “простых людей”? Как они доходят до властных структур? И если они доходят до высших инстанций, то как они принимаются во внимание при принятии решений? Кое-что мне удалось понять в советские времена. И при этом прописать в своих обеих диссертациях (1959, 1970). Не случайно обе защиты проходили при большом скоплении народа и в атмосфере дискуссии.

Конечно, мое практическое понимание отношений “власть и общество” прикрывалось достаточно сложной теоретической формулой, связанной с попыткой ответить на поставленные вопросы. Я понял некоторые вещи, которые имели большое значение на практике. Прежде всего, я достаточно четко понимал, что люди, работавшие в аппарате властных структур, далеко не одинаковы. Партийная бюрократия, как это ни странно, включала в себя демократические элементы. Причем бюрократическая и демократическая составляющие власти постоянно соперничали между собою. Поддержка социологии, несомненно, зависела от демократической составляющей. Во-вторых, структуры власти обладали достаточно жесткой иерархией. Так, рядовому члену партии невозможно было обратиться к секретарю ЦК, а позицию последнего формировал его аппарат. В-третьих, структуры власти подчинялись функциональному разделению труда: например, идеологической отдел ЦК имел одни задачи, а отдел науки – другие. Системное видение проблем благодаря этому утрачивалось. И в этом разрыве функций формировалось пространство социологии. В-четвертых, многие вопросы могли решаться, если они ставились достаточно грамотно, то есть обосновывались с помощью формулировок вышестоящих партийных органов, в том числе документов съездов КПСС. В-пятых, за “ошибки” в мое время уже на расстреливали, а ограничивались переводом на другую работу. Многие из этих черт присущи любой действующей организации.

Более сложный вопрос: что же случилась с “руководящей и направляющей силой совет-

ского общества”? Главное событие – *раскол* в высшем эшелоне власти. Приход к власти М. Горбачева был вполне легитимным в рамках сложившейся системы. На первых порах руководство партии согласилось с необходимостью перемен, но вскоре выяснилось, что каждый член руководства понимал эти перемены по-своему. Лозунги – “перестройка” и “гласность” – толковались по-разному. Генсек партии настаивал на приоритете политического процесса, то есть демократизации как таковой. Председатель Совета министров (правительство) выступал за необходимость экономической подготовки политических преобразований. Еще более острый конфликт возник между двумя членами Политбюро ЦК КПСС Е. Лигачевым и А. Яковлевым. Далее, КГБ на словах принимал перестройку, но только не для своей структуры. Еще одно направление раскола состояло в конфликте между руководством Союза ССР и руководством Российской Федерации. Совокупность этих конфликтных узлов ослабила роль Центра и усилила стремление к самостоятельности республик, что и привело в конечном счете – через кризис партии – к распаду СССР.

Главный вывод из сказанного состоит в том, что для всякой программы изменений недостаточно провозглашения общего лозунга. Необходим пошаговый просчет возможных последствий как позитивного, так и негативного плана. Необходим учет интересов тех групп населения, которые обладают мобилизационным потенциалом и могут принимать участие в этих изменениях в совершенно неожиданном направлении. И этот “пошаговый просчет” необходимо прорабатывать в структурном разрезе: учитывая как объем средств, направляемых на реализацию намечаемых изменений, так и реальные механизмы их распределения.

Что касается нынешней ситуации с партией, то она заслуживает отдельного разговора. Во всяком случае, она несопоставима с прежними политическими ситуациями. Прежде всего, в стране благодаря усилиям президента РФ сформировалась “партия власти” – “Единая Россия”. Эта правящая партия не имеет собственной

идеологии и собственных целей, но зато ей принадлежит парламентское большинство. Его функции состоят в обеспечении своевременного прохождения новых законов через парламент. Ныне задачи “партии и народа” формулируются в посланиях президента к Федеральному собранию. Несомненно, что аппарат, работающий над подготовкой этих посланий, знает свое дело не хуже, чем мой друг Ф. Бурлацкий, большой специалист по подготовке политических документов, в свое время направленный с позиции консультанта ЦК КПСС на “перевоспитание” – на должность заместителя директора Института конкретных социальных исследований (1967).

Если же говорить серьезно, то я полагаю, что сложившаяся в России политическая система имеет большие возможности для развития. Я согласен с Н. Смелзером в том, что главенствующая роль в современном многополярном мире по-прежнему принадлежит государству. Причем государство с позиций социологической теории не только обладает монополией на легитимное насилие (Вебер), оно представляет собой особое явление в теоретическом плане: это аккумулятор национальной культуры в самом широком, историческом смысле – главный выразитель национальных интересов (Смелзер). Сюда я бы добавил вывод из моих исследований: государство, помимо всего прочего, может выступать главным арбитром в межпартийных и межгрупповых конфликтах. И это важная, если не важнейшая составляющая гражданского общества. Ведь что такое гражданское общество? Общество граждан, *граждан данного государства*. Разве не так?

В заключение – традиционный вопрос: что бы Вы сами пожелали себе накануне юбилея?

Есть много желаний... Я написал четырнадцать книг, не считая переводов и переизданий. Из них шесть написано в советские времена. Причем я не отрекаюсь от того, что было написано тогда. Хотел бы, чтобы мои работы стали достоянием нового поколения социологов. Необязательно, чтобы они разделяли мои взгляды. Но хочу, чтобы эти работы не ушли бесследно, чтобы задевали мысли и чувства людей.

Беседу вел Михаил Болотовский

Б. Докторов, В. Ядов

Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека

Настоящий материал продолжает нашу онлайн-беседу, опубликованную в первом номере журнала “Социальная реальность” за 2008 год [Работа над биографиями... 2008]. В этом году исполняется 50 лет Советской социологической ассоциации и 40 – институционализации социологии в рамках Академии наук, так что предмет нашей беседы и ко времени, и к месту.

Мы благодарим наших коллег Наталию Мазлумянову за предложения по уточнению ряда положений этой статьи и Ларису Козлову за ценные комментарии по поводу обсуждавшихся вопросов.

Действия “фундаторов” невозможно уложить в общую схему...

Владимир Ядов: В нашей предыдущей беседе ты описал свою методологию изучения истории рекламы и опросов общественного мнения в США. Суть твоего подхода, как я понял, в том, чтобы рассмотреть историю зарождения и развития некоторого научного направления, притом с учетом социального контекста, а также понять, каков вклад личности исследователя в этот процесс – его социального “Я”, особенностей ранней и последующих этапов социализации, круга интеллектуального общения и т. п. Мы договорились продолжить разговор, но теперь уже – о становлении (говорят также – возрождении) отечественной социологии в 1960-е годы и ее развитии в постсоветское время. Эта тема весьма чувствительна, она затрагивает интересы и самолюбие многих из ныне здравствующих коллег, непосредственно причастных к предмету обсуждения. Но у нас есть прямые свидетельства того, как все происходило: сборник интервью с ветеранами советской/российской социологии

под редакцией Геннадия Батыгина, беседы с социологами-шестидесятниками Улфа Химмельстранда [Himmelstrand. 2000], только что вышедшие воспоминания Татьяны Заславской и подготовленные к изданию мемуары Игоря Кона. Я отнюдь не предлагаю путем электронного общения сочинить том по истории нашей социологии, но, используя твой подход, попытаемся уяснить, как именно свидетели этой истории представляют ее важнейшие особенности. Согласен?

Борис Докторов: Давай только постараемся сделать эту беседу более диалогичной. Хотелось бы, отвечая на твои вопросы, спрашивать и тебя.

В. Я.: Хорошо. И я предлагаю тебе опираться главным образом на обширный банк интервью с российскими социологами, тот, что ты накопил, плюс тот, что вы создали с Димой Шалиным, – “нетленный” сайт из сотни с лишним подобных текстов, который постоянно пополняется.

Б. Д.: Начиная с 2005 года мною проведено и опубликовано в питерском журнале “Телескоп” и в московских изданиях – “Социологический журнал” и “Социальная реальность” – три десятка биографических интервью. Наш с Шалиным

онлайн-проект “Международная биографическая инициатива” (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>) существует более двух лет и содержит, мы полагаем, наиболее представительную коллекцию интервью с российскими социологами и статей по истории советской / русской социологии.

В. Я.: Обладая таким богатством, как бы ты структурировал нашу беседу?

Б. Д.: Во-первых, мне представляется важным предложить такую версию истории постхрущевской российской социологии, в которой главную роль играли бы суждения, свидетельства самих социологов. Примечательно, что становление обществоведческой научной дисциплины в СССР, жестко контролировавшем все сферы жизни общества, в значительной степени совершалось снизу, то есть благодаря профессиональной и гражданской активности первых поколений социологов. Атмосфера политической “оттепели” рубежа 1950–1960-х годов, временное ослабление давления государства на личность, приподнятие “железного занавеса”... Набрало силу поколение, оберегаемое родителями от знаний о перипетиях борьбы “с врагами народа” и об истории собственных семей, но законно ощущавшее свою причастность к победе в войне. Все это позволило небольшой группе молодых обществоведов начать заниматься социологией. Они ни у кого не испрашивали разрешения и все делали иногда при поддержке прогрессивно мыслящей части партийной и административной элиты, но часто – вопреки генеральному направлению густо идеологизированного обществоведения. Пока я классифицирую то, чем располагаю, как историю с “человеческим лицом”. На мой взгляд, история должна отражать не только сделанное советскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих. Трактовка истории нашей науки, подчеркивающая роль ученого как профессионала, гражданина и человека, эффективно дополнит институциональное прочтение прошлого.

Институциональность при таком подходе не выхолащивается, ибо жизненные пути этих социологов были жестко заданы государством. Государство было повсеместно: от школы и вуза

до трудоустройства, выбора темы исследования, возможности опубликования результатов, контактов с зарубежными коллегами.

На мой взгляд, поиски “человеческого лица” в различных современных политических и социальных процессах и тенденциях – это одно из веяний, велений времени. XX век устал от государства, от железа, скрежета, войн, насилия. Но прежде чем продолжить ответ на твой вопрос, могу ли я узнать твое мнение относительно сказанного?

В. Я.: Невозможно уложить действия “фундаторов” в общую схему...

Б. Д.: Именно это я и говорю, в нашей беседе общая схема может находиться несколько в тени, на авансцене нам нужны лица, и как можно больше...

В. Я.: Позволь продолжить о трудностях “общей схемы”. Так, Геннадий Осипов, сыгравший ключевую роль в институционализации социологии, помимо интереса к науке обладал качествами, которыми другие похвастаться никак не могли. Он великолепно ориентировался в столичных коридорах власти и эти способности эффективно использовал во благо нашего общего дела. Не знаю, насколько затянулось бы признание социологии в системе марксистских наук в Академии, если бы не подвижничество Осипова. Звание академика в тех обстоятельствах ему никак не светило. Альтернативный персонаж – Юрий Левада – академический ученый, озабоченный лишь тем, чтобы ему не мешали заниматься своим делом. Юрий, я думаю, был в нашей когорте наиболее образованным. Недавно я заново прочел его курс лекций, послуживший причиной остракизма, и, клянусь, это великолепное введение в социологию, которое можно рекомендовать и нынешним студентам. Борис Грушин – хулиган по характеру, но интеллектual по образу мыслей. Его участие в кружке “диалектических станковистов” Мамардашвили вполне могло завершиться арестом. Также в его характере ниспровергателя было утверждение, что никакого общественного мнения в СССР нет, ибо нет гражданского общества и общественно-политической дискуссии. Тем не менее, Борис стал нашим Гэллапом, надеясь, что сам факт опросов гражд-

дан подвигнет их к размышлениям о проблемах общества. Мы, питерские, вдали от Москвы делали свое дело, не очень задумываясь о позиции высших властей. У нас было провинциальное представление о властных структурах (главное – охмурить свой обком партии), но было серьезнейшее отношение к новой тогда

науке. В Свердловске Леонид Коган, человек с искрометным юмором, определенно считал, что социология поможет партии лучше понять, что следует делать, если социологи представят истинную картину общества. Украинская когорта тогда была озабочена в первую очередь самообразованием, каковое пополнила в постсоветское время сотрудничеством с американцами, и сегодня выступает в роли истинных интеллигентов, отстраненных от власти. Эстонские первосоциологи Юло Вооглайд, Марью Лауристин, Пээтер Виихалем, Яаак Тамм и другие учились у нас, с тем чтобы в критический момент выступить экспертами при разработке и осуществлении программы “назад в Европу”¹. Захар Файнбург, глубокий философ и социолог, “далеко от Москвы” (был такой роман Василия Ажаева) создал великолепную школу, участники которой не только отличные эмпирики, но и пытаются категориально осмыслить статистику. Блистателен белорусский партизан Георгий Петрович Давидюк, который именно как партизан, навесив свои ордена и распахивая ногой двери в кабинеты ЦК Белоруссии, “продавил” социологию². Венори Квачахия – отец грузинской социологии, веря-

щий в общественный пульсар исследований общественного мнения, сотрудничал с Шота Надирашвили, директором института психологии им. Д. Узнадзе, был вхож в кабинет Первого секретаря КП Грузии Шеварднадзе, который обращался к нему “батано профессор товарищ Венори”. Квачахия с помощью Шеварднадзе раньше Грушина создал представительную опросную сеть по республике.

Я согласен с твоим мнением, что шестидесятники почувствовали свободу научного творчества и социального действия, но каждый по-своему. Маркс, которому следуют нынешние мэтры активистской социологии, писал о параллелограмме сил в том смысле, что в обществе сталкиваются разные интересы действующих субъектов и в итоге складывается вектор социального развития, изменения. Какими бы персональными

мотивами ни руководствовались шестидесятники, получилось то, что получилось.

Б. Д.: Уверен, мы эту тему еще обсудим, но сначала мне хотелось бы обозначить более общие вопросы.

Еще четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научоведческих исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы

¹ Все упомянутые активнейшим образом участвовали в политической жизни Эстонии в качестве депутатов парламента: Лауристин была министром и сегодня является лидером Социал-демократической партии, Тамм – мэром Таллина и позже – мэром Силламяэ, где большинство избирателей – русскоязычные. Он умер в 50 лет, и врач сказал, что сердце его – сердце старика.

² Г.П. Давидюк издал первый в стране учебник по прикладной социологии: *Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию*. Минск, 1975.

потеряли многих из тех, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, исчезли архивы и т. д.

В. Я.: У нас есть в Питере ученейший архивариус – Андрей Алексеев...

Четыре вопроса-ориентира

Б. Д.: Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и организации хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее всего следует назвать “*вопрошающим*”: необходимо сформулировать вопросы, которые могли бы стать координатами историко-научных исследований. В порядке первого приближения рискну назвать следующие четыре.

Первый вопрос – собственно историко-научный: каков генезис постхрущевской социологии, особенности ее возникновения? *Второй* – каковы критерии выделения разных поколений в нашей социологии и как они взаимосвязаны? *Вопрос третий* касается взаимоотношения социологии и общества: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в стране и в сознании людей? И *последний вопрос* – теоретико-методологический: внутри страны и для мирового научного сообщества советская социология позиционировала себя в качестве инструмента, главной силы развития марксистской теории общества. Каковы эти теоретико-методологические достижения?

Мы не сможем обсудить сразу все намеченные темы, но важно начать...

В. Я.: Думаю, что рамка хорошая, но замечу, что далеко не все претендовали на роль “главной силы” развития марксистской теории общества применительно к нашей стране. Ты знаешь, что

почти сразу среди социологов начало происходить некоторое разделение по предмету интереса и исследований. Так, методологи образовали свое сообщество ранее других, социологи-трудовики получили сильную подпитку со стороны власти, когда была объявлена потребность в социальном, не только экономическом планировании. И так далее. Что же касается развития теории, то мне трудно было бы назвать кого-либо, кроме Василия Ельмеева [Интервью с профессором Ельмеевым. 1998], кто делал это именно в логике марксизма. Скорее были серьезные продвижения в теоретическом плане за счет совмещения марксистских идей с немарксистскими, особенно с парсонсианскими. Ельмеев же прямо заявлял, что необходима марксистская эмпирическая социология, главное отличие которой от буржуазной он видел в отрицании субъективистских опросных методов в пользу анализа социальной статистики, изучения по документам передовых производств и т. п. Известно, что на этой основе научной школы не состоялось. Движемся дальше?

Б. Д.: Хорошо, но сначала сделаю некоторые терминологические уточнения, касающиеся обозначения того, историю чего мы обсуждаем. Прежде всего речь идет, конечно же, о советской/российской социологии постхрущевского (точнее – после доклада Хрущева на XX съезде КПСС) периода, в которой, мне представляется, следует выделить два пласта.

Первый пласт охватывает период до начала 1990-х годов, то есть советское время, вто-

рой – вмещает события, развивающиеся после распада Союза; это тоже уже солидный временной отрезок.

При обсуждении реалий первого пласта вполне оправдан термин “постхрущевская социология”, так как, во-первых, он точно характеризует социальную атмосферу, в которой нынешняя отечественная социология возникла и развивалась, и, во-вторых, он составлял исто-

Современный этап истории социологии скорее всего следует назвать “вопрошающим”: необходимо сформулировать вопросы, которые могли бы стать координатами историко-научных исследований

рически неповторимую среду, в которой и действовали первопроходцы. Однако замечу, что и при обсуждении прошлого с некоторыми нашими коллегами, и в ряде встречавшихся мне публикаций я обратил внимание на стремление авторов избежать определения “советский”. Я с этим не могу согласиться.

Летом 2007 года я встречался с Татьяной Ивановной Заславской и спросил ее: “Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?” Она ответила: “Мне кажется, что правильнее – советской социологией. Ведь этапы – это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным. А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х <...> А стимулами для возникновения или попыток оживления социологии в 1960-е годы стала действительность того времени <...> Рождение нашей социологии стимулировалось этими факторами” [Заславская. 2007. С. 166].

Примерно в то же время аналогичный вопрос я задал и Жану Терентьевичу Тощенко, он ответил следующим образом: “Сам я лично употребляю словосочетание “советская социология”, так же как по отношению к социологии XIX – начала XX века – “русская социология”. Нынешний этап для меня – “российская социология”... общим названием... является термин “отечественная социология” для внутренней аудитории и “российская” – и для внутреннего, и для внешнего потребления” [Тощенко. 2007].

В дальнейшем, говоря о доперестроечных временах, я буду использовать термин “советская социология”, о событиях второго временного периода (пласта) – “современная”, или “постсоветская”, “российская”.

В. Я.: Мы с Игорем Коном по просьбе редактора Эдгара Боргатта написали большую статью

о нашей социологии для второго издания Международной социологической энциклопедии (International Encyclopaedia Of Sociology. Ed. by Borgatta Edgar F., Vol 4. 2000) и долго думали, как же ее озаглавить. Статья опубликована под титулом “Социология в СССР и в постсоветских странах”. Создаваемое в период “оттепели” никоим образом не опиралось на дореволюционных гигантов отечественной социологии. На международных конгрессах мы выступали как советские (“русские” в терминологии западных участников) и, прямо скажу, этим гордились – многие доклады собирали изрядную аудиторию. Это, Боря, проблема самоидентификации. В науковедческом тексте, я согласен, шестидесятников следует именовать советскими социологами хотя бы

потому, что немалый вклад в социологию внесли наши товарищи из ныне суверенных государств.

Б. Д.: Начну с моего понимания генезиса постхрущевской социологии, ведь это многое определяет в нашей беседе.

В настоящее время большинство специалистов характеризуют происходившие на рубеже 1950–1960-х годов дискуссии о социологии и первые прикладные работы как этап возрождения советской/российской социологии после нескольких десятилетий отсутствия в стране теоретических и эмпирических социологических исследований. Начиная свои интервью, я тоже исходил из такого понимания событий полувековой давности, но при этом мне хотелось распознать следы процесса возрождения, что предполагает изучение и переосмысление опыта предшественников, выявление наиболее ценного в их работах, отыскание в этом прошлом вызовов для новых исследований.

Однако опубликованные ранее интервью с социологами-первопроходцами и мои с ними беседы показали, что в начале второй половины прошлого века у них не было никакой осмысленной, обоснованной концепции построения

Создаваемое в период “оттепели” никоим образом не опиралось на дореволюционных гигантов отечественной социологии. На международных конгрессах мы выступали как советские (“русские” в терминологии западных участников) и этим гордились

социологии с учетом достижений дореволюционной и ранней советской социологической науки. Более того, стало очевидным, что такой концепции и не могло быть. И дело не в том, что они плохо представляли сделанное предшественниками, но в том, что подобный “архитектурный” замысел в принципе был невозможен по политико-идеологическим обстоятельствам той эпохи. Прошлое российской социологии было скрыто от них в силу многих обстоятельств, в частности, особенностей жизненного пути тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Многие из них либо были уничтожены в конце 1930-х как “враги народа” (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов и др.), либо эмигрировали; многие к тому времени умерли. Имена покинувших Россию на “философском пароходе” теми или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки.

В. Я.: Прости, перебыю. Работы Гастева и его сотрудников мы как трудовики использовали. Напомню, что Ленин одобрил его намерение создать систему научной организации труда наподобие фордовской. Правда, институт Гастева (Центральный институт труда) долго не просуществовал, и его сотрудники были репрессированы.

Б. Д.: Я продолжу. В целом получается так, что термин “возрождение” применительно к процессу становления постхрущевской социологии, его

закрепление в историко-научоведческих исследованиях могут стать основой для мифов или ложной интерпретации генезиса, а значит, и всего последующего развития отечественной социологии. На мой взгляд, точнее говорить не о возрождении советской социологии, но о ее *втором рождении*.

Молодые философы, историки, экономисты, которые на рубеже 1950–1960-х стали называть себя социологами, следовали в своей инновационной деятельности тем же социально-нравственным ориентирам, что и поэты-шестидесятники. Андрей Здравомыслов сказал: “Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь...” [Здравомыслов. 2006].

В. Я.: У Высоцкого: “Нет, ребята, все не так / Все не так, ребята!”

Б. Д.: Обсуждая тему знания прошлого с Владимиром Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответы: “Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них”, и “Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 1960-е годы было равно, по моему мнению, нулю”.

В. Я.: Это верно. Ссылки на ленинскую анкету для рабочих, его анализ становления капитализма в России на основе переосмысления земской статистики, упоминания энгельсовых исследований манчестерских ткачей непременно приводились в тогдашних учебниках, дабы показать, что классики марксизма не отвергали эмпирические методы. Но решающие инструктивные требования к построению опросов опирались на западные источники.

Окончание см. на стр. 61 →

Рейтинги доверия политикам

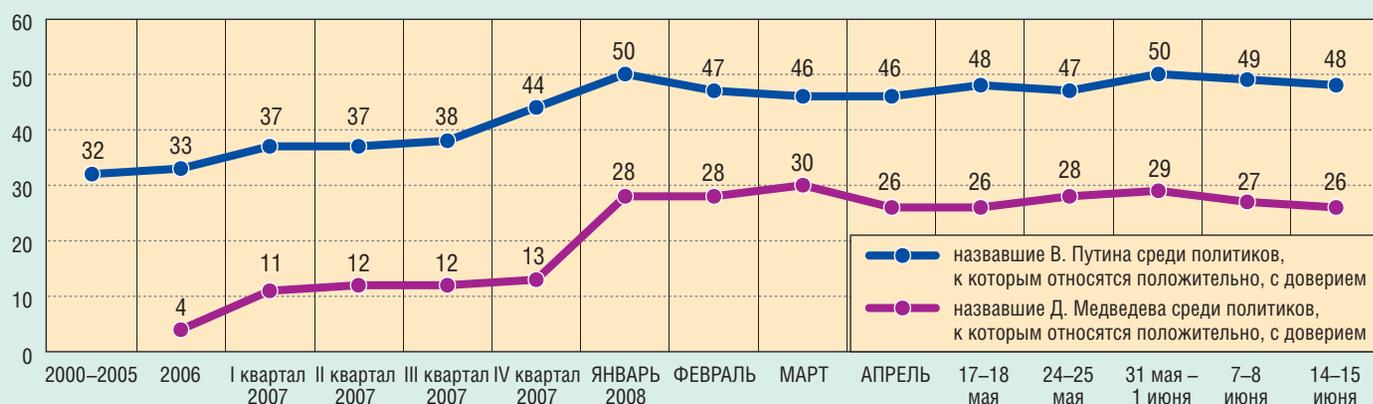
Данные в % от населения

Назовите, пожалуйста, нескольких современных российских политиков, к которым Вы лично относитесь положительно, с доверием. (Респондент сам называет фамилии, любое число ответов)

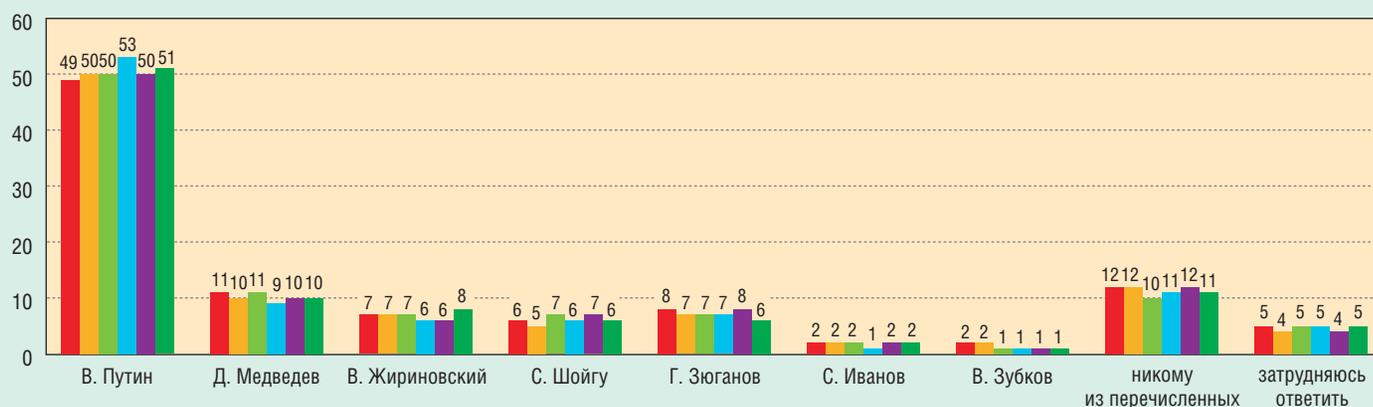

* Политики, набравшие менее 0,5% (С. Лавров, А. Ткачев, Ю. Лужков, М. Шаймиев, В. Шанцев, В. Булавинов, В. Матвиенко, А. Тулеев, И. Хакамада и пр.)

Назовите, пожалуйста, нескольких современных российских политиков, к которым Вы лично относитесь положительно, с доверием. (Респондент сам называет фамилии, любое число ответов)

Кому из перечисленных политиков Вы доверяете, симпатизируете больше всего? (Карточка*, один ответ)

* В карточку включены политики, которых в открытом вопросе о доверии назвали как минимум 2% респондентов.

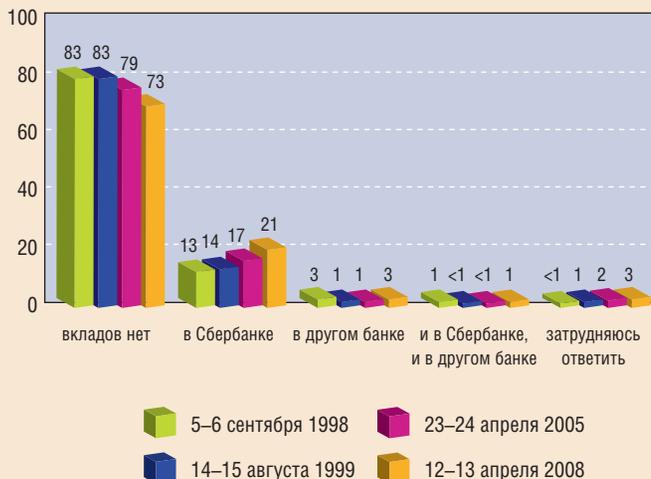
■ АПРЕЛЬ ■ 24–25 мая ■ 7–8 июня
■ 17–18 мая ■ 31 мая – 1 июня ■ 14–15 июня

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 14–15 июня 2008 года. Выборка: 3000 человек

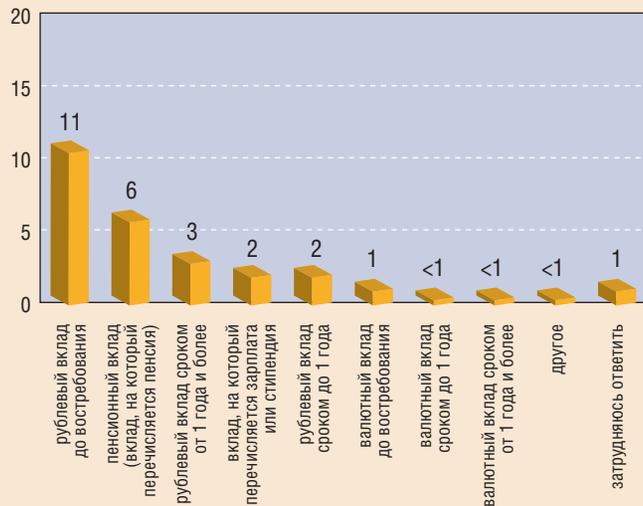
Выгодно ли хранить деньги в банках?

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, есть у Вас сейчас вклады в каком-либо банке? И если есть, то где – в Сбербанке или в другом банке?

Какой именно вклад (вклады) есть у Вас? (Ответы заявивших, что у них есть вклады в банке, – 25% от всех опрошенных. Карточка, любое число ответов)

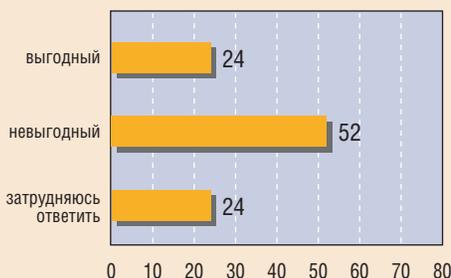
Вас устраивает или не устраивает та процентная ставка, которая установлена по Вашему вкладу? (Ответы заявивших, что у них есть вклады в банке, – 25% от всех опрошенных)

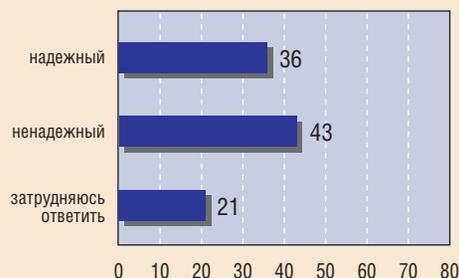
На Ваш взгляд, какой должна быть минимальная годовая процентная ставка по банковскому вкладу сроком на один год, чтобы этот вклад показался Вам выгодным?

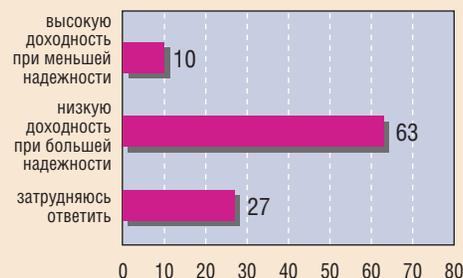
Как Вы думаете, вклады в российских банках – это сегодня выгодный или невыгодный способ вложения денег?

Как Вы думаете, вклады в российских банках – это сегодня надежный или ненадежный способ хранения денег?

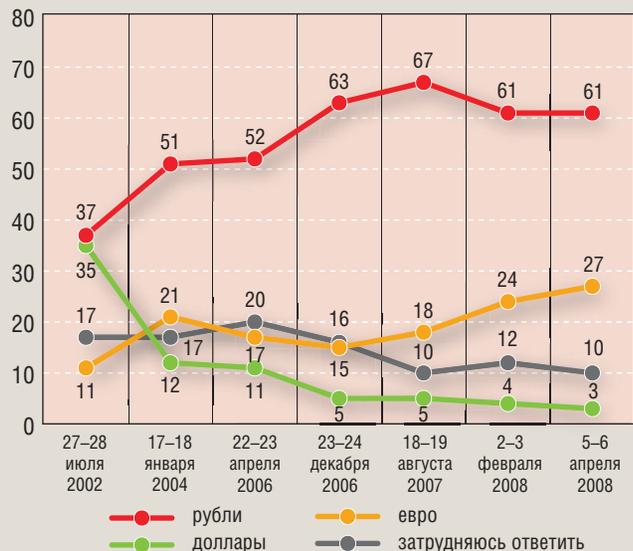
Скажите, пожалуйста, помещая деньги в банк, что Вы предпочли бы: иметь высокую доходность при меньшей надежности или иметь низкую доходность при большей надежности?

Доллар в России

Данные в % от населения

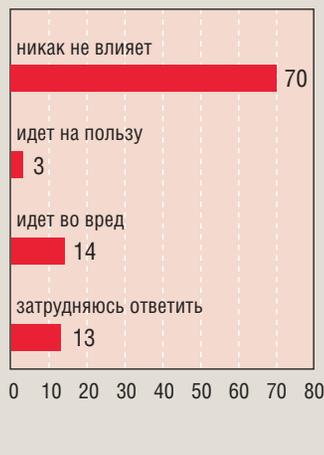
Какая валюта – рубли, доллары или евро – вызывает у Вас сегодня больше доверия?

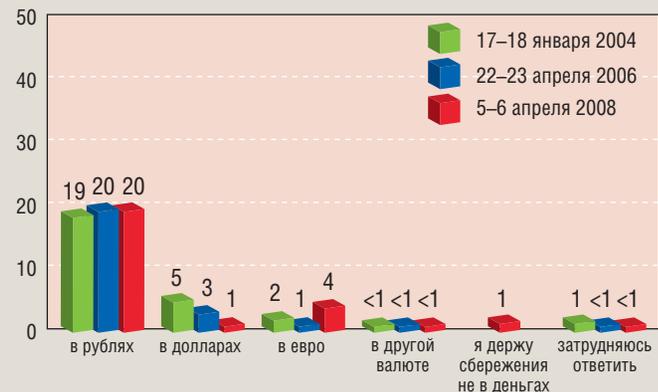
Знаете ли Вы, что-то слышали, или слышите сейчас впервые о том, что курс доллара в последние годы снижается?

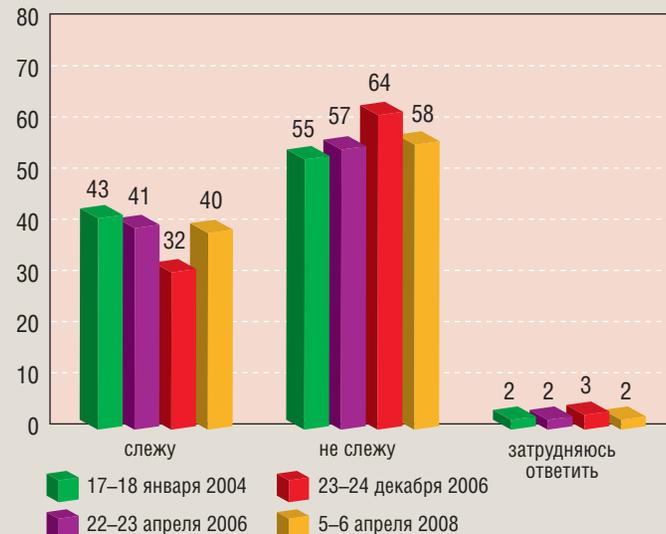
Как Вы думаете, снижение курса доллара как-то влияет или никак не влияет на Ваше материальное положение? И если влияет, то идет Вам на пользу или во вред?

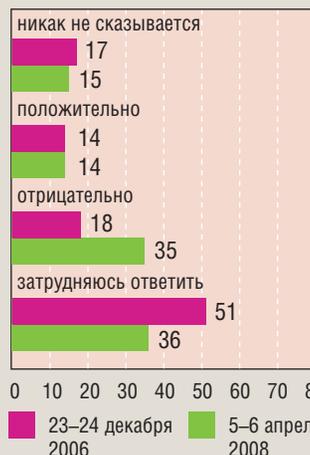
А в какой валюте Вы держите свои сбережения? (Ответы заявивших, что у них есть накопления, сбережения, – 25% от всех опрошенных. Любое число ответов)

Скажите, пожалуйста, Вы следите или не следите за курсом доллара?

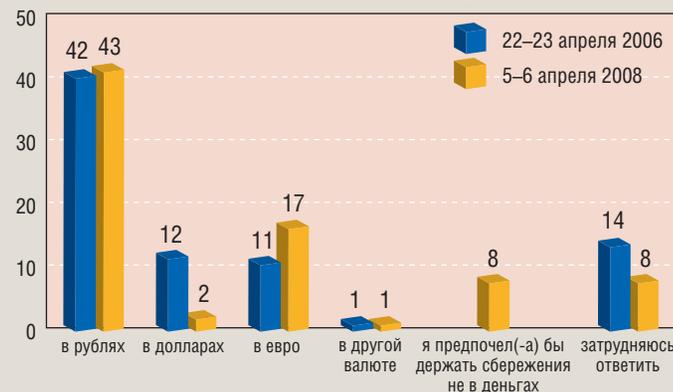
Как Вы думаете, а на российской экономике снижение курса доллара как-то сказывается или никак не сказывается? И если сказывается, то снижение курса доллара влияет на российскую экономику в целом положительно или отрицательно?

Как Вам кажется, в течение ближайшего года курс доллара по отношению к рублю повысится, понизится или не изменится, останется таким, как сейчас?

А если бы у Вас были сбережения, в какой валюте Вы предпочли бы их держать – в рублях, в долларах, в евро или в другой валюте? (Ответы заявивших, что у них нет накоплений, сбережений, и затруднившихся ответить на вопрос о наличии сбережений, – 75% от всех опрошенных. Любое число ответов)

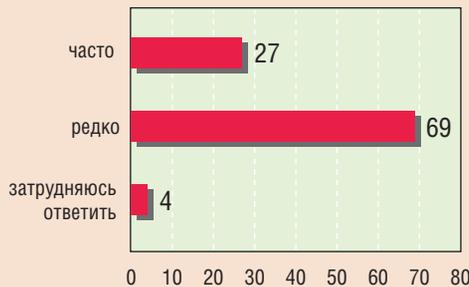

Обзаведение документами – пути прямые и окольные

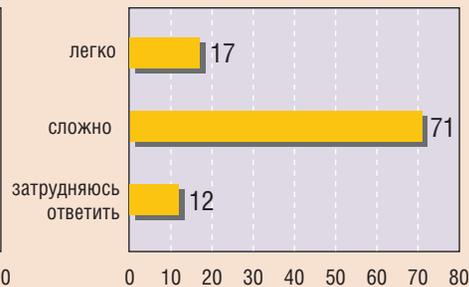
Данные в % от населения

В повседневной жизни мы пользуемся множеством различных документов: удостоверениями, справками, пропусками, страховками, свидетельствами и т.д.

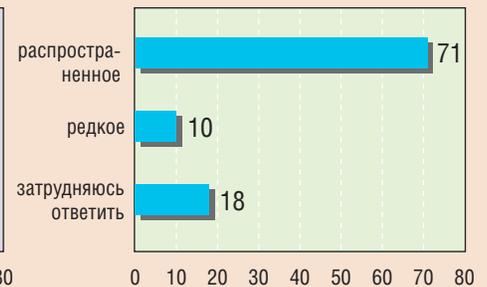
Скажите, пожалуйста, Вам часто или редко приходится получать, оформлять различные документы?

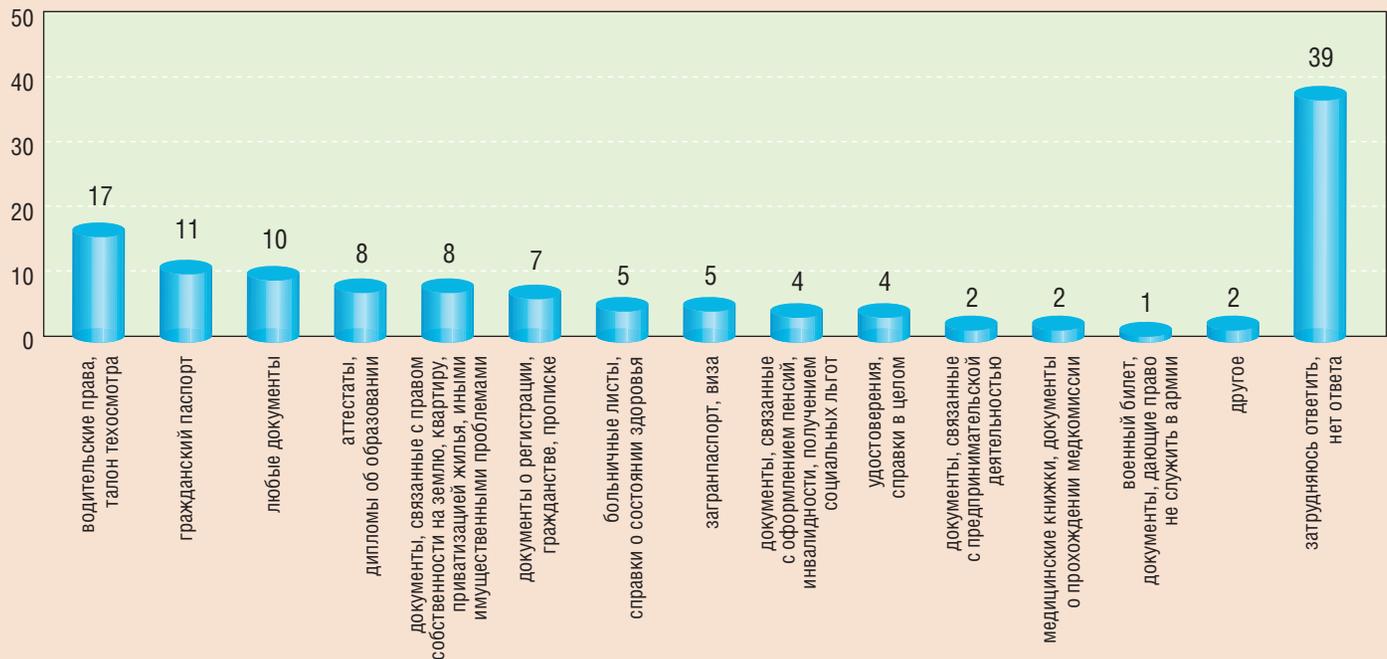
Как Вы считаете, в нашей стране легко или сложно получить, оформить необходимые в повседневной жизни документы?

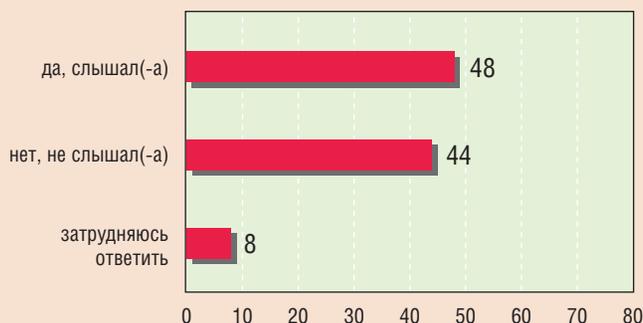
Как Вы считаете, в России получение документов в обход положенных процедур – распространенное или редкое явление?

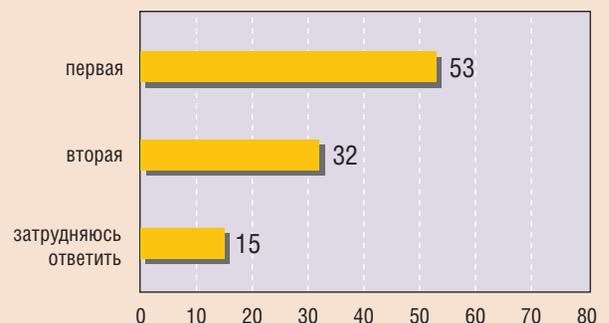
Как Вы думаете, какие именно документы в нашей стране чаще всего получают в обход положенных процедур? (Открытый вопрос)

Скажите, пожалуйста, Вы слышали или не слышали от своих родственников, знакомых о случаях получения ими документов в обход положенных процедур?

Одни считают, что получать документы в обход положенных процедур недопустимо ни при каких обстоятельствах. Другие считают, что при некоторых обстоятельствах получить документы в обход положенных процедур допустимо. Какая точка зрения Вам ближе – первая или вторая?

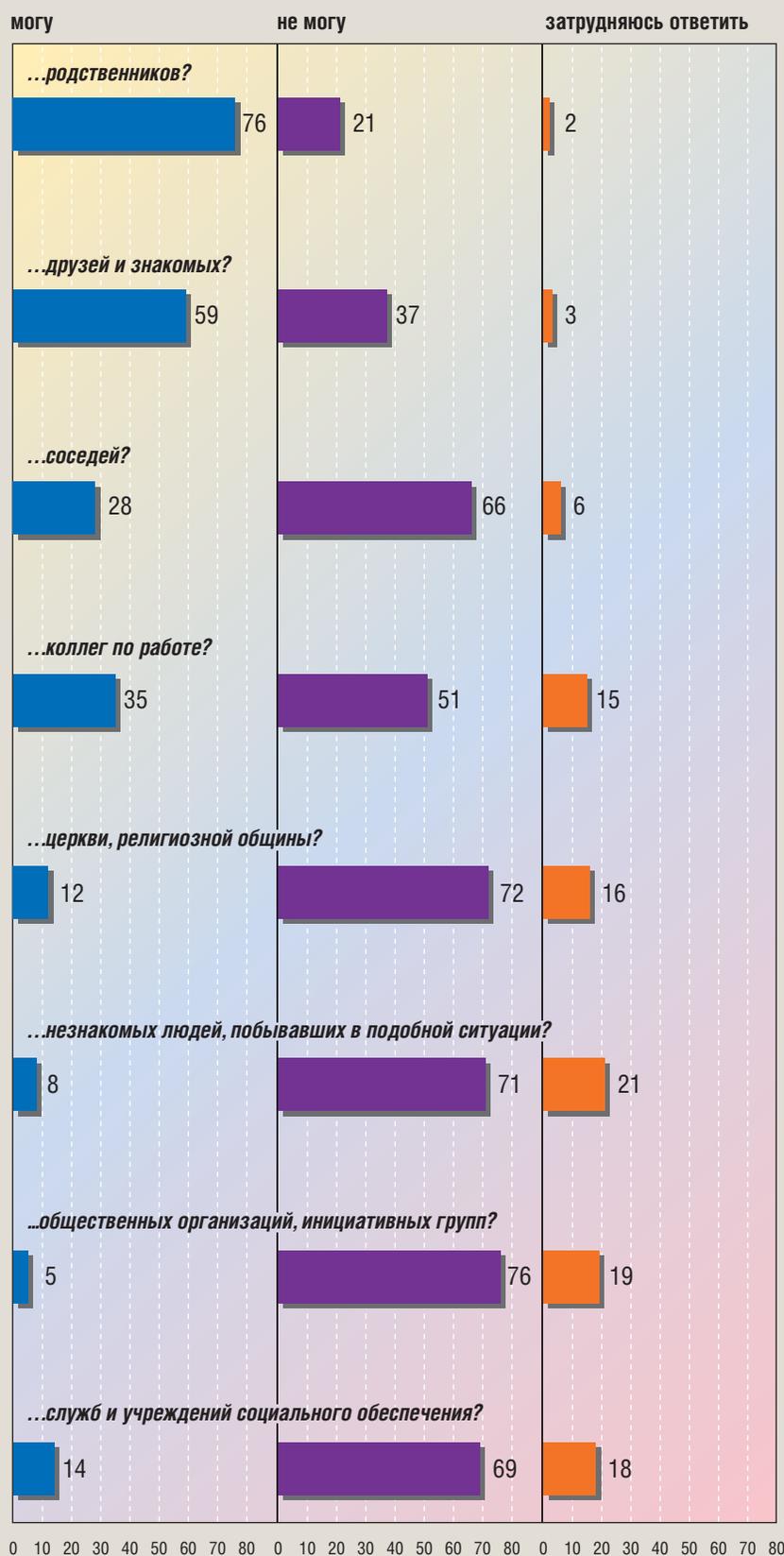

Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе

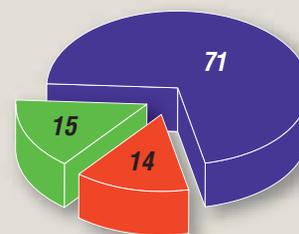
Данные в % от населения

Бывает, что у людей возникают сложные, тяжелые жизненные проблемы, которые трудно решить в одиночку.

Скажите, пожалуйста, Вы можете или не можете в таких ситуациях рассчитывать на помощь...

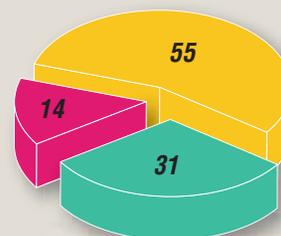

Как Вы думаете, сегодня в нашей стране среди людей больше согласия, сплоченности или больше несогласия, разобщенности?

- согласия, сплоченности
- несогласия, разобщенности
- затрудняюсь ответить

А если говорить о людях, которые окружают лично Вас, среди них сегодня больше согласия, сплоченности или больше несогласия, разобщенности?

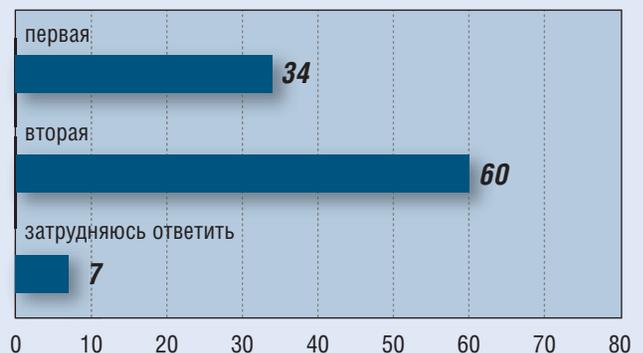
- согласия, сплоченности
- несогласия, разобщенности
- затрудняюсь ответить

Уровень межличностного доверия в российском обществе

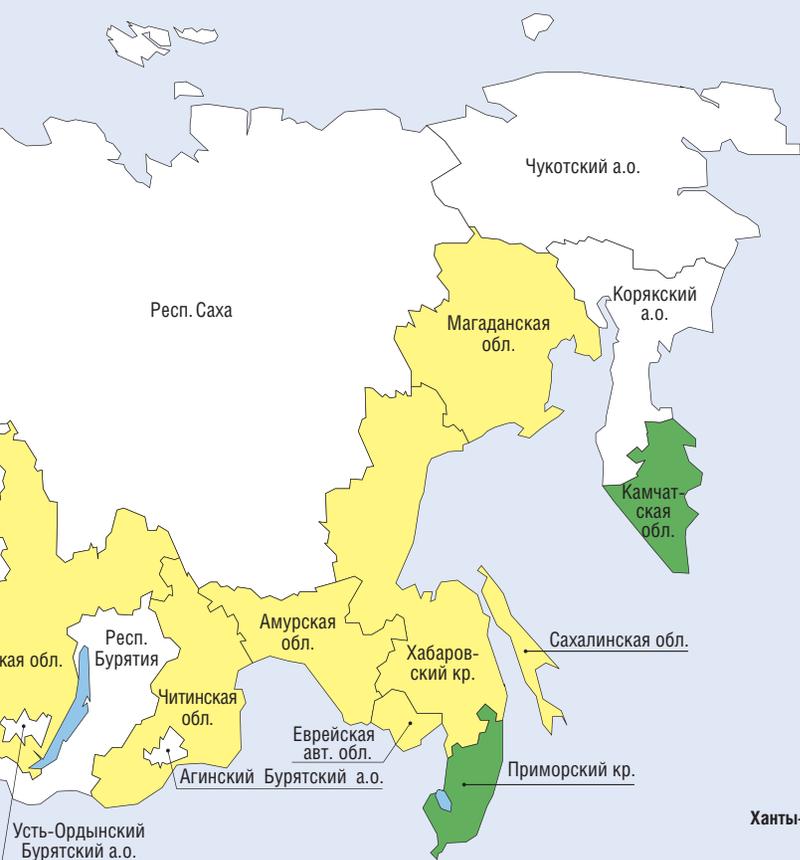
Те, кто выбирает точку зрения “людям можно доверять”

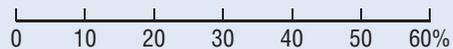
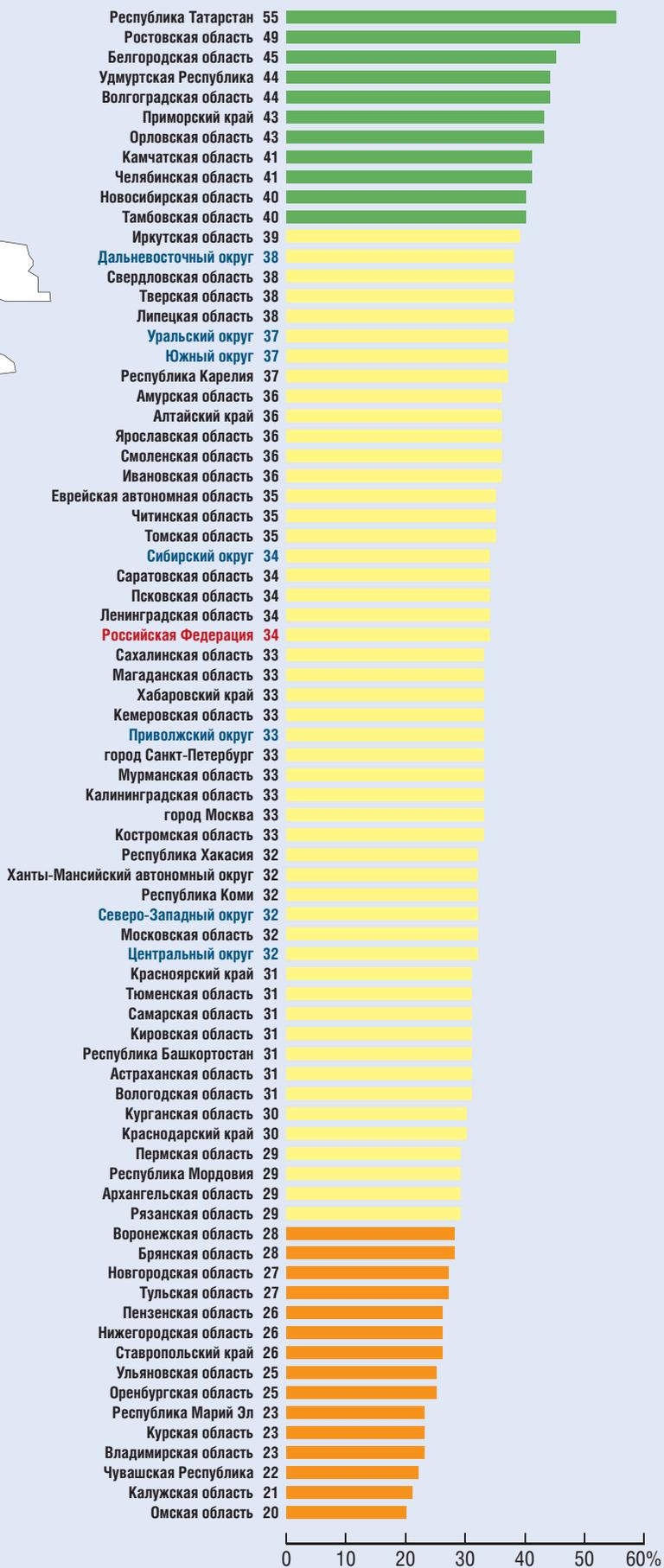
Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми нужно быть поосторожнее. Какая точка зрения Вам ближе – первая или вторая?

Опрос 11–28 апреля 2008 года. Выборка: 34 000 человек

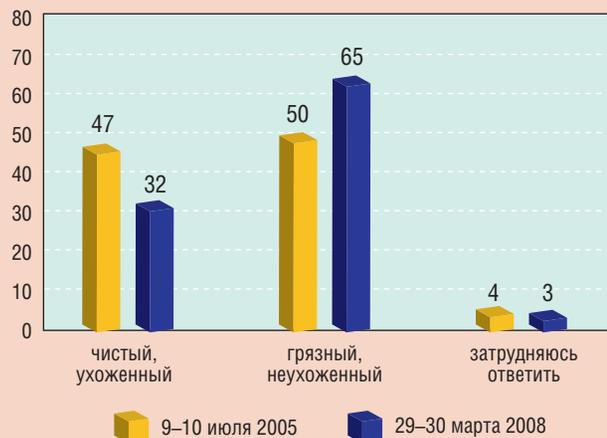
Доля от числа опрошенных, %

Чистота городов и сел

Данные в % от населения

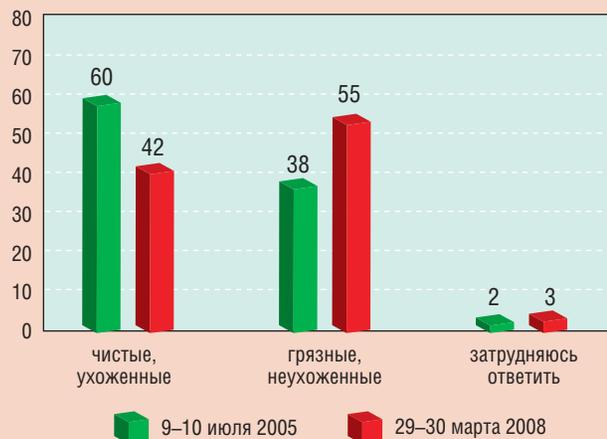
Если говорить в целом, как Вам кажется, ваш город (село) чистый, ухоженный или грязный, неухоженный?

По Вашему мнению, в последние годы ваш город (село) становится более чистым, ухоженным или более грязным, неухоженным? Или в этом отношении ничего не меняется?

А если говорить о дворе, улице возле вашего дома, то они чистые, ухоженные или грязные, неухоженные?

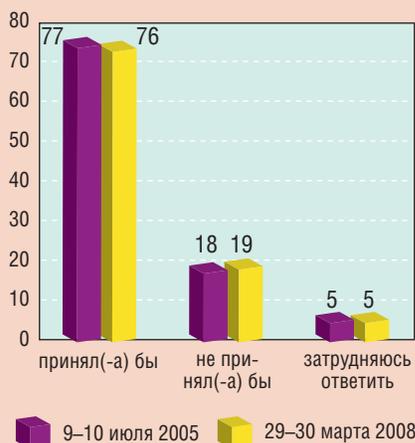
По Вашему мнению, от кого в большей мере зависит чистота дворов, улиц – от коммунальных служб или от рядовых граждан? Или чистота дворов в равной мере зависит и от коммунальных служб, и от рядовых граждан?

За последний год Вы участвовали или не участвовали в уборке территории во дворе, на улице возле вашего дома?

Если бы во дворе, на улице возле вашего дома был объявлен субботник по уборке территории, Вы бы приняли или не приняли в нем участие?

Одни считают, что рядовые граждане вообще не должны участвовать в уборке дворов, улиц, что это дело только коммунальных служб. Другие считают, что в уборке дворов, улиц должны участвовать и рядовые граждане, и коммунальные службы. Какая точка зрения – первая или вторая – Вам ближе?

→ *Окончание статьи.*

Б. Д.: Продумывая некоторые аспекты процесса зарождения постхрущевской советской социологии, я поинтересовался мнением наших коллег относительно определений “возрождение” или “второе рождение”. Ответ Заславской был коротким: “Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас” [Заславская. 2007. С. 166]. Ответ Тощенко был развернутым, и я процитирую основное: “...Говорить о возрождении можно довольно условно. Но в то же время в определенной степени это оправданно. При такой формулировке вопроса мы подчеркиваем некоторую преемственность, дань традициям, призыв не забывать предшественников. Но есть и другая сторона вопроса. В реальности русских социологов XIX века, 20-х годов XX века вспоминали скорее по форме, чем по существу. О том, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы. <...> В 1960–1980-е годы перед отечественной социологией стояли иные задачи. Поэтому все крупные исследования 1960-х годов <...> отвечали на волновавшие науку и практику вопросы именно этого периода, не учитывая то, что делалось в 1920-е годы. Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовременный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период” [Тощенко. 2007. С. 168].

Я должен процитировать еще одного человека, бесконечно нами уважаемого, – Владимира Шубкина. Еще в конце 1990-х он писал от лица старших о начале социологии: “От имени последних я и хотел бы рассказать о том, что было и как это делалось в действительности. <...> Появление социологии, начало “конкретных социальных исследований” после смерти Сталина и XX съезда КПСС были неожиданными. И для властей предрержащих, ибо она возникла не по велению *сверху*, как это было с научным коммунизмом, историей партии, истматом, а *снизу*”

[Шубкин. 1999]. Здесь я хотел бы выделить слово “неожиданным”.

В. Я.: Мог бы ты одной фразой сформулировать свое понимание соотношения “возрождение – второе рождение”?

Б. Д.: Коротко это будет так: “К возрождению через второе рождение”. Возрождение – это “лозунг” последних 20–25 лет, это современная установка нашего профессионального сообщества, стремление связать прошлое и настоящее. Но на рубеже 50–60-х такой программы не могло быть, тогда состоялось второе рождение.

В. Я.: Я бы добавил, что социология 1960-х была, можно сказать, социальным движением в том смысле, что объединяла единомышленников, стремящихся к определенной цели – утвердить социологию в системе марксистского обществознания вопреки сопротивлению властных фигур в философии и политэкономии. И еще – только что посмотрел телепрограмму о Михаиле Ульянове. Коллеги называли его пахарем. Думаю, что несколько выделенных тобой поколений были именно пахарями, притом целины. Какие из этих поколений ты бы отнес к пахарям?

Б. Д.: Мне кажется, что этой целине конца-края нет, на всех хватит. Каждому поколению достанется свое поле. Первые пахут давно, и виден урожай, а вновь приходящим – еще пахать и пахать...

В. Я.: Имеются ли в твоих интервью свидетельства определенного влияния на первых социологов тогдашних скорее социально-философских книг, у которых термин “социология” значился на титуле? Это были книги Г.Ф. Александрова и В.П. Рожина.

Б. Д.: О вкладе В.П. Рожина (1908–1986) в становление ленинградской социологии говорили ты, Андрей Здравомыслов и Игорь Кон. Но речь шла не о его книге по марксистской социологии, а о помощи в создании университетской социологической лаборатории. Кроме того, я нашел в сети упоминание о том, что с 1963 года Рожин руководил общественным Институтом социологических исследований в Ленинграде. Добрыми словами о Рожине, его внимании и поддержке отзываются Светлана Иконникова [Иконникова. 2005] и Альберт Баранов [Интервью

с А.В. Барановым], у которого были сложности с подготовкой и защитой кандидатской диссертации. Так что сегодня у нас есть основания говорить о содействии В.П. Рожина развитию социологии как института.

С конца 1930-х и до смерти Сталина академик Г.Ф. Александров (1908–1961) был одним из главных идеологов страны; он активно боролся с “безродными космополитами” в науке и философии, и – парадокс той эпохи – сам стал жертвой этой борьбы [Вергасов]. Отправленный в 1955 году Хрущевым в Минск, он возглавил сектор диалектического и исторического материализма в Институте философии АН БССР и тогда же начал читать в Белгосуниверситете спецкурс “История социологических учений”. В 1958-м в Минске вышла его книга “История социологии как науки”, а затем им были опубликованы еще две работы: “Очерк истории социальных идей в Древней Индии” и “История социологических учений: Древний Восток”. Но еще ранее, в 1948 году, появилась его работа “Банкротство буржуазной социологии”. Мои обсуждения со Здравомысловым и Шляпентохом позволяют предположить, что труды Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил Игорь Кон, совсем недавно написавший мне: “...Никакого интеллектуального содержания в его книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал” [Эл. письмо Кона Докторову. 2008].

В. Я.: Говорили ли твои собеседники о работах, написанных, как сказали бы сегодня, “в формате” критики буржуазной социологии, о каких именно и в каком ключе? То есть можно ли заключить, что именно эти работы пробудили интерес к социологии?

Термин “возрождение” применительно к процессу становления постхрущевской социологии, его закрепление в историко-наукоеведческих исследованиях могут стать основой для мифов или ложной интерпретации генезиса, а значит, и всего последующего развития отечественной социологии. Точнее говорить не о возрождении советской социологии, но о ее втором рождении

Б. Д.: Эта тема спонтанно возникала. В наиболее развернутой форме высказался Шляпентох: “...Советская социология была обязана на первых этапах своего существования только западной и польской социологии. Отсюда важная позитивная роль Игоря Кона, Галины Михайловны Андреевой, Юрия Замошкина, старавшихся в своих якобы критических работах о западной социологии сообщить своим коллегам максимум информации о том, что происходит на Западе” [Шляпентох. 2006]. В нашем с тобой интервью помимо Кона и Замошкина ты вспомнил и Юрия Алексеевича Асеева (1928–1995).

Если “переходить на личности”, то – мне это очень приятно говорить – чаще всего подчеркивается значение работ, а также профессиональных дружеских советов Игоря Кона. Прежде всего, ты отмечаешь, что он обратил тебя в социолога. Кон посоветовал вам со Здравомысловым перевести с английского книгу Гуда и Хатта по социологическим методам, по этой книге многие осваивали азы сбора и анализа эмпирической информации [Ядов. 2005]. Для вашего и следующих поколений социологов большое значение имели работы Кона “Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли” (1959), “Позитивизм в социологии” (1964) и “Социология личности” (1967). В них впервые в стране излагалось множество новых по тому времени теоретических и эмпирических результатов западных социологов и психологов.

Теперь обращусь к интервью с известными российскими социологами, сформировавшимися под влиянием Кона. Игорь Голосенко (1938–2001): “...Лично я избрал историю социологии, книга Кона “Позитивизм в социологии” показалась мне глотком свежего воздуха” [Интервью с профессором И.А. Голосенко. 1998]; Алек-

сандр Гофман: “О Дюркгейме я впервые услышал от моего учителя Игоря Семеновича Кона; он же рекомендовал мне заняться изучением его творчества” [Гофман. 2007]; Леонид Ионин: “Когда речь зашла о выборе темы для моей диссертации, <Кон> сказал, что есть такой интересный исследователь в Америке – Г. Гарфинкель, который изобрел этнометодологию, но о котором у нас, можно сказать, никто не знает. <...> В общем, Игорь Семенович, хотя он этого наверняка не помнит, дал очень ценный совет, и если взглянуть на то, о чем я писал, можно сказать, что я всю жизнь ему следую” [Ионин. 2007].

О Юрии Александровиче Замошкине (1927–1993) очень тепло сказано в мемуарах Игоря Кона, которые вот-вот увидят свет [Кон. 2008]. Круг научных интересов Замошкина был широк, и в частности включал историю и современное состояние социологии. По мнению Кона, до Замошкина работы по истории и критике “буржуазной социологии” имели преимущественно историко-теоретический характер, причем главное внимание уделялось ее совместимости или несовместимости с марксизмом. Замошкиным был реализован иной методологический подход: он выбирал поставленную американскими социологами реальную социальную проблему и затем обсуждал ее экономические и социально-психологические корреляты, формулируя при этом собственные концептуальные идеи. Это было конструктивнее абстрактно-идеологической критики.

Считаю важным привести здесь крошечный фрагмент из воспоминаний твоей однокурсницы, одесского профессора социологии Ирины Поповой: “Мой “приход” в социологию связан с именем Ю.А. Замошкина. Случайно мне попала его небольшая брошюра, которая, помнится, называлась “Психологическое направление в современной буржуазной социологии”. Это было во второй половине 1950-х годов” [Попова. 2006].

Твой вопрос, по сути, касался одного из каналов ознакомления нарождавшегося социологического сообщества с западной литературой; но есть еще одна тема – возможность ознакомления с работами советских предшественников. А ведь и здесь были преграды, по воспоминаниям Кона, “старая советская литература была еще менее доступной, чем иностранная” [Кон. 2008].

О поколениях социологов и их взаимосвязях

В. Я.: Перейдем ко второму вопросу: какие поколения ты выделяешь? Поясним, что поколение – не то же самое, что возрастная когорта, хотя они могут и совпадать. В моей интерпретации термин “поколение”, предложенный Карлом Мангеймом, обозначает сверстников и несверстников, переживших одни и те же значимые исторические события или формировавшихся в особых, отличных от формировавшихся другие поколения, социальных обстоятельствах.

Б. Д.: Сначала остановлюсь на вопросе о количестве и составе поколений нашего профессионального сообщества. В институциональной трактовке истории социологии одной из центральных является проблема взаимосвязи со-

В институциональной трактовке истории социологии одной из центральных является проблема взаимосвязи социальных институтов, в истории социологии “с человеческим лицом” многое располагается вокруг проблемы поколений

циальных институтов, в истории социологии “с человеческим лицом” многое располагается именно вокруг проблемы поколений.

Хотя поколенческий подход к анализу прошлого нашей социологии не отрицается, реально для его развития сделано мало, в частности, не решен вопрос о критериях выделения поколений, значит – об их границах. Так, по мнению Здравомыслова, следующим за вами является поколение, которое

примерно на 20 лет моложе [Здравомыслов. 2007]. Но это не так.

Изучение интервью с социологами разного возраста позволяет обозначить границы и некоторые особенности становления поколений

социологов, следовавших за первым. Моя схема конституирования поколений именно в отечественной социологии опирается на *два критерия*: возраст (год рождения) и особенности вхождения в социологию. Даже в случае “нормального” развития науки, при котором нет разрывов в процессе подготовки специалистов, недостаточно первого критерия. Второй – тем более необходим для рассмотрения ситуации, когда ход развития науки далек от “нормального”.

Мне приходится встречаться с проявлением некоей ревности наших коллег в вопросе об отнесении их или других социологов к определенному поколению. Замечу, что я не рассматриваю принадлежность к тому или иному поколению как титул или почетное звание. Для меня поколение – лишь историко-научоведческий концепт, или инструмент, который позволяет полнее описать становление социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотносить “институциональное” и “человеческое”.

Первое поколение советских/российских социологов, которых принято именовать шестидесятниками, составляет небольшая по численности группа молодых людей, преимущественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родились в узком промежутке от 1926 до 1931 года, модальный ин-

тервал – 1928–1929 годы. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически “с нуля”, *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и эмпирические методы. Многие из них запомнили события конца 1930-х, но все же их социально-политические взгляды формировались прежде всего под влиянием Великой Отечественной войны (некоторые из первых социологов принимали участие в боевых действиях) и в атмосфере “оттепели”.

Второе поколение – по возрасту и социально-политическим воззрениям очень близко к первому, но принципиально отлично от него тем, как оно входило в социологию. Эти люди родились в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и модальная по возрасту группа социологов первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже них, став – и это главное – их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*. Это поколение я называю – “шестидесятники второй волны”.

В. Я.: Очень точно, но что ты имеешь в виду под “личными жизненными обстоятельствами”?

Б. Д.: Покажу на двух примерах. Борис Фирсов (р. 1929) – твой ровесник и вместе с тем – твой аспирант, хотя одно время он был над тобой комсомольским “начальником”. До поступления в аспирантуру он имел блистательную для советского времени карьеру: секретарь обкома ВЛКСМ, первый директор Ленинградского телецентра. Вы давно стали близкими друзьями, но, как он говорит: “учитель – явление пожизненное. Роль великовозрастного ученика меня в этом случае нисколько не смущает” [Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым. 1999]. Второй пример – жизненная траектория Андрея Алексеева (р. 1934). Он немного младше тебя и Фирсова и до поступления в аспирантуру был одной из заметных фигур в ленинградской журналистике.

Годы рождения тех, кто образует *третье поколение*, – в интервале от 1935 до 1946 года; и середина этого периода приходится на 1940–1941

годы. Его представители – в целом люди без собственного опыта жизни в военное время, они узнавали о страшной войне от взрослых. В их поколенческом опыте нет радости Победы, но они помнят тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера “оттепели” осознавалась ими (могу сказать, нами) в песнях Окуджавы, стихах поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, по публикациям “Нового мира”.

Это “поколение войны”. По типу мироощущения их можно характеризовать как “младших шестидесятников”, или, пока еще, “шестидесятилетних”, хотя некоторые уже перешагнули 70-летний рубеж.

Четвертое поколение (1947–1958) я называю поколением биологических детей “отцов-основателей”, здесь середина интервала – 1952–1953 годы. Сегодня в России значительное число социологов этой когорты успешно работают в академической науке, в коммерческих организациях, преподают в ведущих университетах.

Заявило о себе и *пятое поколение (1959–1970)*, чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки 1964–1965; многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие поколения. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки.

Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого приходятся на интервал с 1971 по 1982 годы (то есть многим уже за тридцать), вторые – в буквальном смысле “дети перестройки”; старшие из этой возрастной когорты уже профессионально определились, а самые младшие (родившиеся в начале 1990-х) – на пороге выбора профессии. Ясно одно: жизненный опыт и ощущение мира, с которыми они входят в жизнь, принципиально иные, чем то понимание жизни и своего места в ней, с которым начинало социологию ваше поколение.

В. Я.: Согласно твоей схеме, поколения сменяются через 12 лет, откуда появилось это “магическое” число?

Б. Д.: Подказала эмпирия, я изучал годы рождения представителей наших с тобою поколений, и начало вырисовываться это число. Но самое главное, что представляется мне ценным в этой схеме, это ее “привязка” к истории страны, к тем событиям, которые определяют черты поколений советских людей. Так, в статье памяти Бориса Грушина (1929–2007) я обратил внимание на то, что его жизненный путь – продолжительностью в семь с половиной 12-леток – “магическим” образом вписывается в исторический, социокультурный контекст, разбитый на двенадцатилетние пласты. 1929 год – это 12 лет после Октябрьской революции. Для родителей вашего поколения дореволюционное прошлое было близким, известным, для вас, учитывая пропаганду тех лет, чужим. Прошло 12 лет – начало войны; годы вашего быстрого взросления, формирования ценностных ориентаций, социально-политических воззрений – все это окрашено Победой и пронизано надеждами на светлую послевоенную жизнь. 1941 год – центральная точка интервала, в котором родились представители третьего поколения. Серединой следующей 12-летки является 1953 год: смерть Сталина, и вскоре – начало “оттепели”; этот год – “яблочко” временного интервала рождения четвертого поколения советских социологов, первого посттоталитарного. Следующие две двенадцатилетки (1959–1982 годы) – время завершения “оттепели” и наступления “застоя”. Первая половина этого интервала – годы второго рождения советской социологии и выхода в свет книг, признанных сегодня классикой. Вторая часть – тяжелое, “мутное” для социологии время: для “шестидесятников” – это годы торможения творчества, и раздумий о месте социологии в науке и обществе; для третьего поколения – период вялого существования, для будущего четвертого – цикл личного и профессионального созревания. 12 лет с 1982-го по 1994-й оказались для социологии в целом благополучными: гласность впервые позволила многое сказать, открыто заговорили о полипарадигмальности, стали возможны прямые контакты с мировым социологическим сообществом, социология институцировалась как наука, и появилась возможность вести подготовку

специалистов в университетах. Интервью с социологами первых трех поколений показывают, что, несмотря на многие экономические трудности, это время оказалось для них плодотворным в творческом отношении. Заявило о себе четвертое поколение, в нем появились свои лидеры и сложилось свое понимание пути, пройденного советской социологией. Последняя полная двенадцатилетка (1995–2006) характеризуется политическими и социально-экономическими тенденциями как поступательного, так и регрессивного плана, в частности, в обществе активно обсуждаются вопросы отношения не только к советским, но и к дореволюционным ценностям. Все это отражается и в социологическом сообществе и связывается некоторыми авторами с поисками “своего”, российского пути.

В. Я.: Действительно, невозможно избавиться от субъективных оценок, говоря о прошлом нашей науки. Так, к настоящему времени, то есть к началу 2008 года, сообщество социологов расслоено по ряду критериев: региональному (например, Санкт-Петербургская ассоциация социологов), по занятости в науке или образовании (Общество Ковалевского в Петербурге, по сути, объединяет университетских преподавателей, а Сообщество профессиональных социологов в Москве – по преимуществу сотрудников РАН и профессуру ведущих университетов). Наиболее болезненным является идейный раскол между Российским обществом социологов и рядом других социологических организаций (прежде всего это Российская социологическая ассоциация – РОСА, Союз социологов России – ССР), суть которого – полярные представления о будущем страны, которые подпитываются отношением к религии (православию) и русской социологии как именно национальной.

Я причисляю себя к российским патриотам прозападной ориентации, то есть приверженцам либерализма, демократии (социал-демократии, в политических терминах), и потому надо сделать поправку на неизбежную предвзятость моих рассуждений. Вполне допускаю, что приобщение многих социологов к православию искренне, хотя по своему советскому воспитанию понять это не способен. Я извлек из своего уни-

верситетского образования, что религия и наука – полярны, а из работ классиков социологии выучил, что это особый социальный институт, играющий важную роль в стабилизации социокультурной системы. Раскол в среде отечественных социологов вполне объясним постсоветской ситуацией в обществе, утратившем ценностные ориентиры, но думаю, что наша профессиональная и гражданская миссия состоит в том, чтобы оставаться в пределах взаимоуважительной полемики – дискурса, участники которого артикулируют свою позицию, но не стремятся навязать ее оппоненту. Будущее покажет, как сложился “параллелограмм сил” разных субъектов, преследующих свои интересы.

Б. Д.: Я хотел лишь отметить, что предлагаемая система 12-летних поколенческих интервалов не просто “нумерологическая”, она учитывает социально-исторический контекст всего периода советского и постсоветского развития социологии. Система поколений различной временной “толщины” была бы лишена гармонии, изящества и несла бы в себе слишком много *ad hoc*, субъективизма. С другой стороны, набор поколений меньшей или большей “толщины”, скажем, 5–7 лет или 15–20, явно не отвечал бы эмпирически наблюдаемому в нашей социологии характеру отношений между социологами разных возрастных групп, его трудно было бы “совместить” с макросоциальным фоном.

При разработке своей схемы я шел от анализа возрастной структуры относительно небольших групп представителей первых трех поколений, но если сделанное принять за основу, то оказывается возможным говорить об *эвристическом* значении нижней временной границы старшей возрастной группы: это 1923 год (верхняя граница года рождения – 1934). Здесь наши коллеги, непосредственно пережившие войну. Обратимся к статистике (указываю лишь родившихся до 1926 года): Нариман Абдрахманович Аитов (1925–1999), Галина Михайловна Андреева (р. 1924), Эдвард Артурович Араб-оглы (1925–2001), Александр Абрамович Галкин (р. 1922), Георгий Петрович Давидюк (р. 1923), Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Венори Михайлович Квачахия (1924–1982),

Джангир Али-Абасович Керимов (р. 1923), Лев Наумович Коган (1923–1997), Самуил Аронович Кугель (р. 1924), Иван Тихонович Левыкин (1923–1994), Николай Сергеевич Мансуров (р. 1921), Виктор Яковлевич Нейгольдберг (1924–1990), Василий Дмитриевич Патрушев (р. 1925), Моисей Рувимович Тульчинский (р. 1923), Захар Ильич Файнбург (1922–1990), Владимир Николаевич Шубкин (р. 1923), Анатолий Георгиевич Харчев (1921–1987), Зоя Алексеевна Янкова (1921–1998). Действительно, годы рождения подавляющего числа социологов заключены во временном интервале указанной выше ширины, и в этом я вижу дополнительный индикатор валидности предлагаемой конструкции поколений.

В. Я.: На первый взгляд, правдоподобно, но я не вижу здесь М.Н. Руткевича...

Б. Д.: Михаил Николаевич Руткевич (р. 1917), Ирина Ивановна Чангли (р. 1915) и еще небольшое количество обществоведов представляют когорту людей, родившихся в 1911–1922 годы и формировавшихся в постреволюционный период. Это самым заметным образом проявилось в их профессиональной деятельности. Применительно к этой возрастной группе точнее говорить не о поколении социологов как о чем-то целостном, но о работах отдельных обществоведов. Что касается Руткевича, то, судя по его публикациям и основываясь на мнениях людей, стоящих у истоков постхрущевской социологии, он и в своих теоретических построениях, и в прикладных разработках всегда оставался философом-истматчиком и не признавал самостоятельности социологии.

В. Я.: Не согласен. Еще будучи деканом философского факультета Уральского госуниверситета, он пригласил меня прочесть полный курс методологии социологического исследования. Став директором ИКСИ, Руткевич не мог не признавать социологии. Так, он ввел в наш профессиональный лексикон несколько русизмов вместо англоязычной терминологии, например, “со-

циальные перемещения” (=мобильность). Сегодня публикует социологические труды в области социального расслоения...

Б. Д.: Но разве рассмотрение социологии как раздела истмата мешает пригласить тебя прочесть цикл лекций, тем более что в Свердловске много занимались прикладными исследованиями? Что касается введения термина “социальные перемещения”, то, насколько я знаю, это заставило многих переписывать свои работы. По мнению Руткевича, книга Бориса Фирсова по истории советской социологии написана с антимарксистских и антисоветских позиций [Руткевич. 2003. С. 50]. А то обстоятельство, что в 1990 году Лев Коган публично уничтожил свой партбилет, послужило для Руткевича причиной для следующего вывода: “Я могу со всей определенностью утверждать, что Коган существенной роли в позитивном развитии философской и социологической мысли на Урале не сыграл” [Руткевич. 2003. С. 59].

Когорта философов, экономистов, к которой принадлежит и Руткевич, по своим ценностям, по опыту жизни, по пережитому в крутые 1930-е, по восприятию ленинско-сталинского марксизма, по духу и многим чертам мировоззрения располагалась в социокультурном, политическом пространстве ближе к представителям старшего по возрасту отряда обществоведов, а не к следовавшему за ним поколению социологов-шестидесятников. Ведь “молодые” были, как кто-то сказал про шестидесятников, “не поротыми” (Лубянкой), а “старички” были “обученными” временем.

Последнее предреволюционное поколение (1899–1910 годы рождения) было неоднородно в своем видении мира. Родившиеся в первой половине этой 12-летки сформировались как личности до революции, получив традиционное для царской России образование и впитав характерные для того времени философско-политические и нравственные идеалы и идеи русской общественной мысли. Личное, а позже и профес-

сиональное становление младшей части этой когорты протекало в иных исторических обстоятельствах. Они встретили революцию в том возрасте, в котором основная часть поколения социологов-шестидесятников соприкоснулись с войной. Наиболее политически активные со всей горячностью и открытостью юности принимали лозунги и призывы новой власти, становились первыми комсомольцами, рано начинали работать на заметных постах в партии и учились в институтах нового типа. Некоторые из них затем работали по профессии, другие – продолжали двигаться по лестнице партийных должностей. Значительная часть этого энергичного, заряженного революцией поколения погибла в конце 1930-х и в годы войны, но оставшиеся в живых после войны не имели возможности заниматься социологией. Ряд представителей этого поколения были не собственно исследователями, хотя имели высокие научные степени и академические звания (часто без публикаций и без защит), но более идеологами и организаторами науки. К ним относится Г.Ф. Александров, о котором говорилось выше, а также заметные партийные функционеры, одновременно работавшие в области социальной философии и экономики и причастные к становлению социологии в стране: М.Т. Иовчук (1908–1990), Ф.В. Константинов (1901–1991), В.С. Кружков (1906–1991), Г.А. Пруденский (1904–1967), А.М. Румянцев (1905–1993), П.Н. Федосеев (1908–1990), Ю.П. Францев (1903–1969), Д.И. Чесноков (1910–1973).

Так, М.Н. Руткевич был приглашен Чесноковым, в то время секретарем Свердловского горкома КПСС, в лекторскую группу, затем поступил к нему в заочную аспирантуру, защитил диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС и потом принял кафедру философии в Уральском государственном университете от уезжавшего в Москву Иовчука, который до того более пяти лет проработал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и два года – секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде и агитации.

В комментарии к нашему интервью трехлетней давности Игорь Кон вспомнил [Ядов. 2005],

что твое превращение из “чистого философа” в социолога началось с прочтения указанной им статьи Пруденского о свободном времени. Не помнишь ли ты содержания этой статьи? По воспоминаниям Шубкина [Шубкин. 1999. С. 75–76], Пруденский много лет был секретарем Свердловского обкома партии, потом – заместителем председателя Комитета по труду, возглавлявшегося Кагановичем. История дает много необычного: защиту от Пруденского, занимавшегося изучением бюджетов времени, Шубкин нашел у почти 90-летнего Станислава Густавовича Струмилина (1877–1974) – основоположника этого исследовательского направления, имеющего экономическую и социологическую составляющие. Мне думается, что Пруденский вряд ли говорил в той статье о необходимости развивать социологические исследования, просто Кон, а затем ты прочли таким образом его материал.

В. Я.: Пруденский был экономистом и идентифицировал себя как такового.

Б. Д.: Хочу обратить внимание на тот факт, что при другом пути развития России все ученые-идеологи, от которых во многом зависело, быть или не быть социологии в СССР, могли бы быть прямыми учениками или сотрудниками Питирима Сорокина (1889–1968), особенно это относится к Б.А. Чагину (1899–1987).

Франц Шереги и Лариса Козлова обнаружили множество работ, выполненных советскими социологами в первые полтора постреволюционных десятилетия, однако сейчас крайне мало известно о людях, которые следовали в дальнейшем традиции европейской и русской социологии. В этом отношении заслуживает внимания статья И. Голосенко и В.М. Зверева о первой русской женщине-социологе Агнессе Соломоновне Звоницкой (1897–1942). Она чудом выжила в конце 1930-х, ее архив пропал в блокадные годы в Ленинграде, а сама она умерла в эвакуации, работая учительницей в деревенской школе [Голосенко. Зверев. 1991].

Если всю эту “алгебру” возрастных групп и судьбы социологов сорокинско-го поколения обстоятельно проанализировать, то поймешь, какую глубокую травму нанесли развитию со-

циологии события 1920–1930-х годов и насколько неадекватен термин “возрождение” применительно к нашему предмету. Было именно – второе рождение.

В. Я.: Итак, ты не нашел того, что искал: научных связей между первыми поколениями постхрущевской социологии и русскими дореволюционными социологами. Состоялось новое рождение дисциплины.

Б. Д.: ...Но я обнаружил то, чего не искал: влияние на социологов старших поколений преподавателей, придерживавшихся в своей работе гуманистических, общекультурных традиций дореволюционной школы.

Из воспоминаний Николая Лапина, в годы эвакуации учившегося в деревенской школе в районе Углича – Рыбинска: “А повезло нам с директором этой школы. Его величали Дмитрий Иванович Петропавловский, но школьники и даже многие взрослые звали его просто ДИП. Он был из семьи священнослужителя, до революции учился в Оксфорде и Кембридже, готовился к работе и жизни профессора. После революции часть его родственников репрессировали, а самого направили “в глушь” школьным учителем. Затем ДИП стал директором, преподавал историю и заменял заболевших преподавателей по всем предметам <...> Отличившимся дарил в конце учебного года книги из своей личной библиотеки с напутственными посланиями. После пятого класса я получил от него большой том “Илиады” и “Одиссеи” Гомера в переводе Жуковского и тем же летом запомнил значительную их часть наизусть <...> По школьной программе и вне ее я зачитывался повестями, рассказами, поэмами Николая Некрасова, Глеба Успенского, позднего Льва Толстого, других русских писателей второй половины XIX столетия. Подспудно формировалась ориентация: полнее знать правду о жизни крестьян, простых людей своей страны” [Лапин. 2007].

Вспоминает школу и ленинградец Овсей Шкаратан: “В школе учили по-настоящему. Валентина Федоровна Карякина <...> учительница истории, почувствовавшая во мне своего брата-гуманитария, в свое время окончила Смольный институт. Так что культура была не традици-

онно-советская, кое-какая. <...> В восьмом классе преподавал “бывший учитель словесности”, как он себя именовал. Уникальный старик, в прошлом приват-доцент Санкт-Петербургского университета, он учил нас очень странно: тройка – если ты понимаешь суть проблемы, четверка – если ты знаешь необходимую литературу, а пятерка, если ты можешь еще критически оценить эту литературу. <...> Разумеется, были и обычные, так сказать, советские учителя. Когда мы учились в десятом классе, стали происходить какие-то изменения – 1948 год, борьба с “космополитизмом”. Я окончил школу в 49-м, и это уже была немножко не та школа, что в 44-м, в 47-м году” [Шкаратан. 2002].

Ирина Попова окончила школу в 1948 году в Краснодаре, в старших классах литературу им преподавала Людмила Яковлевна Покровская – бывшая слушательница женских Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге: “Она прививала любовь к русской истории и литературе, увлекла пафосом декабризма и народничества, учила проникать в глубину литературных образов и авторского замысла” [Попова. 2006. С. 149]. Под ее влиянием Ирина поступила в Ленинградский университет и выбрала философию.

Школьные годы Александра Гофмана прошли в Кишиневе, он вспоминает: “В средней школе, как и в высшей, у меня были прекрасные учителя. Достаточно сказать, что замечательная учительница Анна Сауловна Мундер, преподававшая мне французский язык до 8-го класса (а я, очевидно, был одним из любимых ее учеников), получила образование в Сорбонне” [Гофман. 2007. С. 20]. Недавно Игорь Кон написал о Гофмане: “...Очень скоро он стал лучшим в стране специалистом не только по дюркгеймовской школе, но и по всей французской социологии” [Кон. 2008].

Говоря о предпосылках второго рождения советской социологии, мне кажется, мы можем говорить не о “трех источниках, трех составных частях”, но о четырех: гуманистическая база – классическая русская литература и социальная беллетристика, философская основа – марксизм, инструментарий – западный позитивизм, политическая среда и духовная атмосфера –

“оттепель”. Чего здесь нет, так это дореволюционной и ранней советской социологии.

В. Я.: Галя Саганенко заметила, что принадлежит к “потерянному поколению”, Юрий Качанов писал, что старики захватили командные высоты, отчего новому не пробиться.

Б. Д.: Я не думаю, что Галино, а значит мое, поколение – потерянное, у меня нет оснований считать так. Численность нашей когорты сокращается, так, в последние годы не стало Валерия Голофаства, Вячеслава Дудченко, Якова Капелюша, Михаила Мацковского, Сергея Розета, Георгия Токаровского... Но многие продолжают работать, так что лишь через годы

можно будет в целом сказать о сделанном нами как некой профессиональной общности. Но для этого следует четко осознать, какие задачи мы были призваны – нашими учителями и старшими коллегами – решать, и разобраться в том, решили ли мы их.

На мой взгляд, время и особенности развития социологии в СССР в конце 1960 – начале 1970-х прежде всего делали крайне актуальным освоение методов обработки эмпирической информации и повышение надежности социологического измерения. Я напому тебе давнюю историю из нашей жизни, говорящую о степени знакомства социологов тех лет с приемами обработки первичных данных. В 1971 году ты увидел у меня на столе сделанные мною на ЭВМ таблицы расчета процентов для чисел от 1 до 100. Ты попросил их у меня, и летом в ИКСИ на их основе издали брошюру тиражом в 800 экземпляров. Игорь Травин говорил мне, что их расхватывали, как горячие пирожки в ненастную погоду.

Вспомним, в очень короткий временной интервал в Москве и Ленинграде в социологические подразделения пришла значительная группа молодых людей с математическим или физическим образованием. Упомяну имена лишь тех,

Говоря о предпосылках второго рождения советской социологии, мы можем говорить о четырех “источниках, составных частях”: гуманистическая база – классическая русская литература и социальная беллетристика, философская основа – марксизм, инструментарий – западный позитивизм, политическая среда и духовная атмосфера – “оттепель”

кого лично знаю многие годы: Владимир Андреев, Людмила Докторова, Семен Клигер, Михаил Косолапов, Елена Петренко, Владимир Рукавишников, Галина Саганенко, Галина Татарова, Юлиана Толстова, Сергей Чесноков, Франц Шереги, Юрий Щеголев; вспомню и наших украинских коллег: Владимир Максименко, Владимир Паниотто, Валерий Хмелько. Я тоже принадлежу к этой команде. Мы должны были заниматься вопросами выборки, шкалированием, созданием – тогда не говорили “софта” – программ для простейшей обработки больших массивов, освоением правил интерпретации результатов математической

обработки. С тех пор прошло четыре десятилетия, и сегодня все эти задачи кажутся “семечками”, но это и потому, что наше поколение ответило на те исторические вызовы. Теперь многие из названных мною людей преподают студентам, а это разве не вклад в развитие российской социологии?

К этому же поколению относятся и социологи, внесшие значительную лепту в развитие других направлений социологических исследований. Покойный Игорь Голосенко первым начал целенаправленно изучать дореволюционную русскую социологию; Сергей Голод – родоначальник советской социологии сексуального поведения; Александр Гофман – крупнейший специалист по теории и истории социологии и социологии моды; работы Леонида Ионина охватывают широкий круг вопросов, касающихся философии и методологии социологии, а в последние годы – социологии политики; Никита Покровский давно и успешно исследует проблемы урбанизации, в том числе – на глобальном уровне; Аркадий Пригожин – ведущий в стране специалист по проблемам менеджмента.

В. Я.: Замечу, что с Аркадия в стране началось создание службы психологической помощи тер-

пящим бедствие. Во время землетрясения в Спитаке (1988 год) мы с вице-президентом АН СССР В.Н. Кудрявцевым пригласили из США крупного специалиста, и после трех-пяти дней работы с ним Пригожин отправился в Спитак и ежедневно информировал о налаживании неизвестных нам простейших средств помощи, а затем написал учебное пособие.

Б. Д.: Я мог бы легко продолжить этот список представителей третьего поколения, результаты работы которых имеют международное признание.

Конечно, у каждого есть все основания говорить о трудностях, о неудовлетворенности сделанным, о годах бессмысленной деятельности. Но это не означает, что поколение – потерянное. Вспомним, Борис Грушин сказал, что его жизнь “состоялась, но не удалась”... так кто тогда и в каком поколении может сказать, что его жизнь удалась?

Что касается замечания Юрия Качанова, то я не совсем понимаю, о чем речь. Я читал статьи Качанова в “Социологии: 4М” и в сети, но мы лично не знакомы. Он приближается к своему пятидесятилетию, является главным научным сотрудником Института социологии и членом редколлегии достойных журналов. Кто в его понимании “старик” и о каких “командных высотах” может идти речь в науке? Среди моих знакомых всегда было более распространено “бегство” от административных позиций, чем рассуждения об их недоступности. К тому же – по моим представлениям – в современной России для человека, испытывающего интерес к научно-организационной деятельности, существует множество возможностей реализовать карьерные планы, но для этого придется в той или иной мере “приглушить” свои собственные научные замыслы.

В. Я.: Ты вычислил 12-летний поколенческий интервал, достаточно короткий. Что-то подобное определила и Виктория Семенова при выделении позднесоветского и постсоветских поколений молодежи. И еще. Неля Мотрошилова, виднейший историк философии, вдова Юрия Замошкина, пишет в книге, посвященной его памяти: “...Нашим поколениям не было отпущено благодного покоя: в сущности, каждые 10–15

лет (а то и чаще) происходили какие-нибудь серьезные социальные потрясения, имевшие не внешний и поверхностный, а глубинно-бытийный судьбоносный характер. При этом затрагивались годы и десятилетия, которые для поколения в целом становились своего рода центральным временем их судьбы” [Замошкин. 2007. С. 9]. Твоя классификация по дюжине лет находит еще одно авторитетное подтверждение.

Б. Д.: В традиционных, замкнутых общинах образ жизни детей мало отличался от того, как жили отцы, но проблема отцов и детей – вечна. Не думаю, что можно будет принципиально сократить “временную толщину” профессионального поколения, ведь она – функция не только процессов, происходящих в обществе (российском, а сейчас и глобальном), но и особенностей развития самой науки, которое по-хорошему консервативно. Изменения в обществе и науке накапливаются, и эффектом этой кумуляции становится новое поколение ученых. Но, конечно же, жизненный и профессиональный опыт “старших” и “младших” в рамках одного поколения сближает первых с предыдущим поколением, а вторых – с последующим.

В. Я.: Здесь можно поспорить. Сегодня западные постмодернисты говорят о наступающем/наступившем разрыве межпоколенческих связей. “Текущая современность” (З. Бауман) делает любые структуры (= связи) временными, накладывает на реалии виртуальные взаимодействия и т. п. О будущих поколениях в нашей социологии – вопрос особый.

Персональные пути в социологию

В. Я.: *Теперь хочу попросить тебя поделиться собственно биографической информацией о твоих респондентах – что это за люди? Откуда они взялись?*

Б. Д.: Для меня это главные вопросы, на которые хочется отвечать. Я уже говорил о двух направлениях моих историко-научоведческих поисков: “история в биографии” и “биография в истории”. В первом случае речь идет об анализе влияния макросоциальных, политических обстоятельств (собственно, истории) на деятель-

ность творческой личности. Второе направление как бы встречное – понять, как личный мир ученого, процесс его социализации и профессионализации отражается в его деятельности и, таким образом, становится частью культуры, науки, истории. Наша дискуссия подвела меня еще к одной идее – написать историю “от лица социологов”, в их восприятии. Это почти то же, что более привычное “история глазами социологов”, но мне представляется, что словосочетание “от лица” порождает более высокие личностно-гражданские ассоциации.

В. Я.: Согласен. “От лица” предполагает персональную включенность, “глазами” – созерцательность.

Б. Д.: Отвечая на твой вопрос, я прежде всего буду обращаться к биографиям тех наших коллег, с которыми беседовал сам, – но не только.

Замечу, что семьи, из которых вышли поколения перво-социологов, – разные по социальному статусу, и в истории этих семей читаются все важнейшие исторические события того времени. Люди, пришедшие в социологию, не были представителями особых социальных групп или проводниками каких-то специфических общественных интересов. Среди них есть выходцы из семей, которые жили в крупных городах и в которых, по крайней мере со стороны одного из родителей, несколько поколений имели серьезное образование. Есть и такие, которые представляют первое в семье поколение, получившее высшее образование, многие из них начинали, а иногда и оканчивали школы в небольших городах или в деревнях.

Увлекательные историко-генеалогические раскопки провел Андрей Алексеев [Алексеев], их связующим элементом является судьба его прапрадеда Павла Петровича Аносова (1799–1851) – знаменитого металлурга, изобретателя русского булата, о котором в 1954 году вышла книга в серии “Жизнь замечательных людей”. Дед Анд-

рея – П.М. Пузанов – потомок двух дворянских родов: Пузановых и Аносовых – был кем-то вроде инспектора железных дорог, а его семья жила в Петербурге. Его дочь, мать Алексева, в листках по учету кадров писала о своих родителях: “сословие – дворянство”; она окончила Технологический институт и в относительно молодом возрасте выдвинулась в число ведущих советских

специалистов в области “теории допусков и посадок”. Его отец происходил из крестьян или мещан, окончил Ленинградский политехнический институт, стал инженером-технологом и всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (ныне – завод “Звезда”), уйдя на пенсию с должности главного технолога.

Прадед по материнской линии Якова Гилинского [Гилинский. 2005] принадлежал к старой русской семье Давыдовых и был старшим егерем Его Императорского Величества, а отец матери происходил из знатного украинского рода

Редько. Среди братьев его бабушки были офицеры русской армии, которые после революции жили в Париже, Югославии и других странах. Отец Якова был врачом-невропатологом, кандидатом медицинских наук, а его двоюродный дядя, нарком Абрам Лазаревич Гилинский, расстрелян в 1938 году как “враг народа”.

Юрий Александрович Левада родился в Виннице; его мать была журналисткой, отец, Александр Степанович Косяк-Левада, – известным украинским литератором. Отец участвовал в Великой Отечественной войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов. Бабушка Левады была полькой, принадлежала к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже это дало возможность Леваде читать польские газеты,

Изменения в обществе и науке накапливаются, и эффектом этой кумуляции становится новое поколение ученых. Но, конечно же, жизненный и профессиональный опыт “старших” и “младших” в рамках одного поколения сближает первых с предыдущим поколением, а вторых – с последующим

политическую и социологическую литературу [Докторов. 2007. С. 69].

Подробно описал историю своей семьи Андрей Здравомыслов (в публикацию [Здравомыслов. 2006] вошло далеко не все). Его отец был представителем третьего поколения с высшим образованием в роду, причем и Андрей, и его отец были выпускниками Петербургского университета. Фамилия “Здравомыслов” указывает на происхождение из духовного сословия и на незаурядные способности его прадеда, получившего эту фамилию по окончании Новгородской духовной академии. Среди родственников Андрея есть герои обороны Севастополя, многие погибли в Русско-японскую, Первую мировую и Великую Отечественную войны; среди предков были князья и дворяне, крестьяне (в том числе крепостные), военные, вплоть до генерал-майора, священнослужители и разночинцы – почти вся Россия. Его отец после окончания университета преподавал русскую литературу. Мать происходила из крестьянской семьи, она была учительницей русского языка и литературы в школе.

Нечто подобное – родители из разных социальных страт – было в семье Татьяны Заславской [Заславская. 2007. С. 11–20]. Дедушка по материнской линии (его отец был бельгийцем, мать – русской дворянкой) был известным физиком и получил личное дворянство. Его жена, бабушка Заславской, происходила из семьи высокопоставленных военных, училась в Париже в консерватории, но, выйдя замуж, посвятила свою жизнь мужу и детям. Мать Татьяны Ивановны окончила Киевскую классическую гимназию, Московские женские курсы, а также прошла почти полный курс обучения на филологическом факультете Киевского университета, который ей из-за Гражданской войны и ряда семейных обстоятельств не удалось окончить. Отец Татьяны Ивановны был из крестьянской семьи; он окончил церковно-приходскую школу, затем училище в небольшом городке Боровске, участвовал в войне 1914 года, заслужил “Георгия”, был ранен. После войны он сдал экзамены за курс гимназии и в 1917 году поступил на философско-педагогический факультет Киевского университета;

в 1941 году стал профессором Московского педагогического института иностранных языков. И путь в науку, и предмет многолетних исследований Заславской (экономика села), по ее словам, в значительной степени были predeterminedены семейным воспитанием.

Овсей Шкаратан объясняет выбор темы своих первых исследований в интервью Батыгину так: “Я с первого курса университета поклялся: первое, что в жизни сделаю, – напишу книгу о рабочих Ленинграда. Я вырос среди них, я считал и до сих пор считаю, что на протяжении большей части XX века в России было две силы – настоящий интеллигент и настоящий рабочий” [Шкаратан. 2002]. Его отец был рабочим и, рано оставшись без родителей, заботился о двух сестрах. Перед войной семья жила в Ленинграде, отец работал на строительстве метрополитена, а в годы войны строил Ладожскую трассу. В первый год блокады семья получила на него две “похоронки”. Из рабочей среды была и мать Шкаратана. Ее отец работал на мельнице в Белой Церкви, после революции вошел в рабочий комитет по управлению мельницей, стал влиятельным человеком. Его расстреляли соседи, украинцы-бандиты.

Елена Смирнова родилась в Ленинграде; во время войны она с родителями оказалась в Бугруслане, где черный хлеб с солью и подсолнечным маслом были лакомством, а белые батоны и сливочное масло в магазинах появились лишь с приходом к власти Хрущева. Там она окончила семь классов и вернулась в Ленинград к родственникам, родители приехали позже, т. к. получили свою долю репрессий. Ее прадеды по обеим линиям родства были крестьянами, дед проработал на Путиловском заводе 30 лет мастером, а сама она – петербурженка в третьем колене [Смирнов. 2006].

Александр Гофман, не вдаваясь в подробности, написал, что вырос в семье бессарабских евреев. “Мои родители – простые малограмотные люди. Один мой дед был пастухом, другой – столяром, но в живых я их не застал. Родился я в Волгограде, где мама была в эвакуации, а в 1947 г. родители вернулись в Кишинев, где жили до войны <...>. В Кишиневе я окончил школу рабочей молодежи, работая слесарем-сборщиком на заводе,

производившем стиральные машины. Так что интерес к общественным наукам с семейными традициями никак не мог быть связан” [Гофман. 2007. С. 20].

Борис Максимов сказал про свое происхождение: “самое рабоче-крестьянское”. Родители жили в селе в Ленинградской области, работали в колхозе. Отец окончил церковно-приходскую школу, мать же не умела даже расписаться. Отец, потрудившись в колхозе “за палочки”, затем стал рабочим на лесозаготовках, с индивидуальной ручной пилой, называемой тогда “стахановкой”. Лес, древесину гнали тогда за рубеж, как сейчас нефть и газ. Отец зарабатывал “живые деньги” и, появляясь раз в неделю в семье, приносил гостинцы: конфеты-подушечки, черный хлеб, соленую салаку (банку салаки у них даже как-то украли – это был деликатес). Пришла война, она забрала отца; мать осталась с двумя детьми. Работала от зари до зари, рано умерла. Еще до ее смерти Борис покинул семью, уехал в Питер. В школе он учился всего пять лет, потом поступил в “ремеслуху”. Затем работал на заводе, пытался учиться в вечерней школе; было трудно, но нашлась учительница, которая опекала его, и он окончил 8 классов. Школу он окончил уже после службы в армии [Письмо Максимова Докторову. 2007].

Важное обстоятельство: никто из моих респондентов старших поколений не стал социологом под воздействием школы или родителей. В выборе профессии отсутствовал фактор профессиональной преемственности, первые социологи, как говорят англичане, были self made persons – сами себя делали. Семейная преемственность явилась позже, когда складывалось четвертое поколение. Только наш Питер: сколько знакомых фамилий среди молодых: Лена Здравомыслова, Саша Лисовский, Артемий Магун, Олег Могилевский, дочь Галины Саганенко Лена Степанова, твой сын Коля, но я всех не знаю. Говорят, по всей стране факультеты социологии полны детьми и внуками действующих социологов.

В. Я.: Добавлю из книжки моего друга Миши Иванова “Психологи тоже шутят”. Первый психологический закон: “Сын или дочь психолога есть психолог”.

Вопрос – в какой мере события конца 1930-х затронули семьи будущих социологов первых поколений?

Б.Д.: Ты помнишь у Анны Ахматовой в “Реквиеме”: “...Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был”? Конечно, затронули: старшие – сами испытали, младшие постепенно, малыми дозами узнавали все от родителей.

Отец Владимира Шубкина был преподавателем Барнаульской гимназии с 1907 по 1917 год, а потом обучал школьников Барнаула русской литературе. В 1937 году он, как много позже узнал Владимир, по липовым ма-

териалам был арестован НКВД и вскоре расстрелян. Мать, учительница литературы, была уволена, а Владимир как сын врага народа исключен из школы без права поступления. В 1938 году мать была восстановлена на работе, а он вернулся в школу [Шубкин. 1999. С. 64].

Захар Файнбург родился в Белоруссии в семье большевиков-революционеров. С 16 лет жил в Москве, после ареста родителей воспитывался в детском доме [Файнбург...].

Многое о событиях 1930-х и более поздних времен хранилось в памяти Эдварда Араб-оглы. Его отец был членом партии с 1918 года, мать – с 1920-го.

Одно из его самых сильных впечатлений: родители велели сжечь книги Зиновьева, Каменева, Троцкого. О “завещании” Ленина и многом другом он знал в 9 лет. Во время войны Эдвард работал как вольнонаемный на Урале в карьере, вместе с заключенными. В начале 1943-го был призван в армию, но заболел и в 17 лет стал инвалидом Отечественной войны [Араб-оглы. 1999].

Самуил Кугель родился в Минске, в конце 1920-х его семья переехала в Ленинград. В 1939 году его мать стала работать врачом в системе ГУЛАГа, там он окончил 8-й класс. По его воспоминаниям [Интервью с Кугелем. 2001], он постоянно вращался в среде заключенных и охраны.

Из близких Игоря Кона никто не был репрессирован, но он навсегда запомнил, что в 1937 году у них в комнате карандашом на стенке, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым он должен был позвонить, если бы его маму, беспартийную медсестру, арестовали. В 1948 году, уже будучи аспирантом, он видел и слышал, как в Герценовском институте поносили последними словами и выгоняли с работы уважаемых профессоров – “вейсманистов-морганистов”. В 1949 году пришла очередь “безродных космополитов”, затем было “ленин-

градское дело”, в 1953 году – дело “врачей-убийц”... Потому, пишет он, “почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх” [Кон. 2008].

Отец Татьяны Заславской на волне разгрома педологии как буржуазной науки был уволен с работы, по сути, с “волчьим билетом”; с конца 1936-го до весны 1938 года он не мог найти нормальной работы, семья из четырех человек оказалась без постоянного заработка [Заславская. 2007. С. 52].

В 1938 году арестовали отца Бориса Фирсова, он подозревался в том, что, попав в плен к белым во время Гражданской войны на Северном Кавказе, выдал своих товарищей по

краснодарскому коммунистическому подполью. Вскоре его выпустили из тюрьмы за недоказанностью состава преступления, но после всего перенесенного там он скончался, прожив на свободе немногим более месяца. Фирсов вспоминает, что он не смог спросить отца, какое из двух испытаний, выпавших на его долю, было самым тяжелым: пытки белогвардейских следователей, загонявших иголки под ногти, или допросы товарищей по революционной борьбе. Крайне важным мне представляются следующие слова Бориса: “Моя мать, подобно родителям большинства моих сверстников, тщательно оберегала меня от страха перед массовыми репрессиями и их

Никто из когорты социологов старших поколений не стал социологом под воздействием школы или родителей. В выборе профессии отсутствовал фактор профессиональной преемственности, первые социологи, как говорят англичане, были self made persons – сами себя делали. Семейная преемственность явилась позже, когда складывалось четвертое поколение

неисчислимыми личными и общественными бедствиями. Судьба и смерть отца были окружены тайной, которая была открыта мне только перед поступлением в институт. Мама берегла мою душу, но ценой собственных глубочайших страданий и внутренних переживаний. О них не принято было говорить с ребенком, с другими членами семьи, не говоря уже о более широком окружении. Наверное, и по этой причине я вступил в жизнь, твердо усвоив систему взглядов, которые до определенного исторического момента, казалось, были олицетворением высоких социальных истин” [Интервью с Фирсовым. 1999].

Андрей Алексеев пишет о том, что случайно, лишь на рубеже 1980–1990-х он узнал, что его дед по материнской линии в 1933–1934 годах был арестован. Его дети постарались, чтобы “помирать” его отпустили домой. А вот дальше: *“Моя мать никогда не рассказывала мне об этих обстоятельствах* (выделено Алексеевым. – Б.Д.). Не рассказывал и отец, который наверняка об этом знал. <...> До самого зрелого возраста я полагал, что репрессии миновали мою родительскую семью. Не потому ли я так мало знаю о своих родственниках по отцовской (да, в общем-то, и по материнской) линии, что старшее поколение оберегало младших от “ненужной” информации? А потом молчали уже “по инерции”, а младшие не спрашивали...” [Алексеев]

Вот фрагменты из моего интервью с Владимиром Шляпентохом: “Я родился в 1926 году <...> Мой дедушка, несмотря на ограничения в дореволюционной России для образования евреев, сумел окончить Киевский университет. В нашей семье был культ литературы, в особенности русской, и, конечно, музыки. Моя мама, окончив Киевскую консерваторию, стала преподавателем фортепиано, а дядя – известным пианистом <...> Мой дед по материнской линии до революции был владельцем нескольких аптек, а родители отца были домовладельцами и богатыми людьми. Революция была для них катастрофой, и это я знал <...> Хотя обе мои тетки были в 20-е годы яростными большевичками, покинувшими отчий “буржуазный” дом в 30-е годы, тема репрессий явно присутствовала во внутреннем семейном общении <...> Поэтому репрессии 30-х го-

дов не были для меня секретом” [Шляпентох. 2006. С. 1–2].

Итак, Володя, получается следующее: большинство социологов двух старших поколений не просто с юности, с молодых лет знали о репрессиях 1930-х годов, но принадлежали к семьям, которых они коснулись. И в определенном смысле здесь значимо не столько то, сообщали им родители о происходившем в их доме или нет, сколько то, что родители воспитывали детей так, чтобы уберечь их в жизни от чего-либо подобного.

В. Я.: О репрессиях либо знали по семейному опыту, либо по историям друзей семьи. Но я думаю, что все же к моменту поступления в вузы доминантой нашего видения страны, ее политики и нашего собственного будущего был опыт жизни в годы войны, как она вошла в судьбы наших поколений.

Б. Д.: Война научила вас сопротивляться тяготам жизни, сохранять оптимизм, верить власти (сначала в Победу, потом – в скорое преодоление разрухи, в социализм и хрущевский план построения коммунизма, в перестройку), но она же обнажила различие между тем, что вы слышали по радио и читали в газетах, и тем, что рассказывали участники войны.

Второе: ответы моих респондентов показывают, что ваш коллективный опыт восприятия войны впитал самые разные ее проявления и был по-настоящему глубоким и трагичным: это боевые действия и тяжелые ранения, жизнь в блокадном Ленинграде, смерть родных и близких, голод, болезни, тяготы эвакуации. Среди тех, с кем я беседовал, не было участников войны, поэтому приведу лишь несколько фрагментов из воспоминаний социологов, встретивших войну подростками.

Жану Тощенко было тогда шесть лет, его семья жила в небольшой деревне на Брянщине: “Жизнь моего отца завершилась в сентябре 1941 года, он был расстрелян после нечеловеческих истязаний немецко-фашистскими приспешниками. Все происходило в присутствии матери и нас, троих детей. <...> Когда отец потерял сознание, его расстреляли вблизи деревни...” [Тощенко. 2007. С. 150].

Начало воспоминаний Заславской – это живое описание поездки ее (тогда Тани Карповой, 14–15-летней девочки) из Киева в Узбекистан в первые месяцы войны и жизни в Ташкенте. В 1942-м она, вернувшись в Москву, где война чувствовалась гораздо сильнее, чем в Ташкенте, начала “внимательно следить за ходом войны” [Заславская. 2007. С. 248]. В их московской квартире, сохранившей следы бомбежки 21 июля 1941-го, при которой погибла ее мать, останавливались на пару дней родные и близкие, ехавшие на фронт или с фронта. То, что они рассказывали, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах.

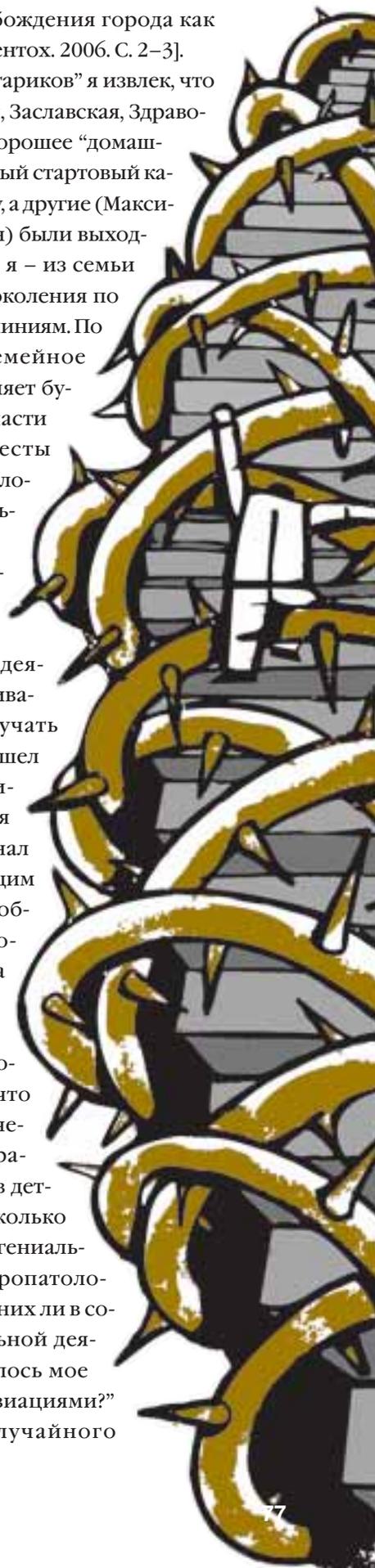
Когда началась война, Андрею Здравомыслову было 13. Его отец и младший брат погибли от голода в блокаду, дом, в котором жила его семья, разрушила бомба, и он чудом остался жив. В феврале 1942 года он был эвакуирован из Ленинграда по Ладоге, но голод не прошел бесследно, с 1944 по 1948 год он пролежал с туберкулезом позвоночника. В больнице окончил школу и затем поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ, ему пришлось заново учиться ходить, вначале на костылях, потом с палочкой и в корсете. В таком виде он и появился на факультете в начале 1949-го [Здравомыслов. 2006].

Серьезный вопрос Андрею Здравомыслову задала Елена Здравомылова: “Очевидно, что все вы – социологи-шестидесятники – дети войны. Мы все говорим о хрущевской либерализации и ее влиянии на становление советской социологии, но можно предположить, что на самом деле война сыграла не меньшую роль в становлении этого поколения, поскольку главная социологическая массовка – это подростки военного времени” [Здравомыслов. 1998]. Ответ Андрея не касался роли войны в вашем поколении, он был сугубо личностным. Но материалы других интервью показывают правоту Елены: отношение к войне – это одна из ядерных ценностей вашего поколения. Точно сказал Шляпентох: “Я войну очень хорошо помню. И тогда и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал ка-

ждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу” [Шляпентох. 2006. С. 2–3].

В. Я.: Из биографий “стариков” я извлек, что одни (Алексеев, Гишинский, Заславская, Здравомыслов и Левада) имели хорошее “домашнее образование” и семейный стартовый капитал для движения в науку, а другие (Максимов, Смирнова и Шкаратан) были выходцами из “простых” семей, я – из семьи первого образованного поколения по отцовской и материнской линиям. По логике эксперимента, семейное происхождение не объясняет будущие успехи в новой области знания. А пережитые аресты близких, война – общее условие, так что его объяснительный потенциал выше.

Б. Д.: Знаешь, связь между обстоятельствами первичной социализации и направленностью деятельности все же обнаруживается. Шкаратан начал изучать рабочий класс, так как вышел из семьи рабочих; Максимов с момента обучения в ремесленном училище знал рабочую среду и стал ведущим в стране специалистом в области заводской социологии; родители Алексеева были технологами – может, потому и Андрей несколько раз уходил в рабочие; Заславская сказала, что при выборе деревни в качестве объекта изучения “сработали гены”. Гишинский в детстве обнаружил дома несколько выпусков журнала “Архив гениальности и одаренности (эвропатологии)”. И сам считает: “Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?” Так что, может, чисто случайного

в наших профессиональных ориентациях меньше, чем мы полагаем...

В. Я.: Ты меня убедил. Я же сам занялся социологией труда во многом потому, что в период исключенности из партии работал токарем-лекальщиком. Но все же я думаю, что именно война заметно повлияла на социологов “первого призыва”. Сужу по себе. После восьмого класса я поступил в летную спецшколу, откуда ушел как непригодный к полетам из-за чего-то там в вестибулярном аппарате. А еще испанская война... Мальчишки росли будущими солдатами в боях за справедливое дело. Думаю, что одним из мотивов к занятию новой наукой было подсознательное чувство ответственности перед павшими: нельзя укрываться в окопе, когда можно что-то сделать, и потому “ребята, пошли в атаку на махровых налетчиков!” Никто такого не произносил, но мотивация этого рода определенно имела место. Ты смотри, какова доля фронтовиков в соотношении с численностью первосоциологов – Галя Андреева, Саша Галкин, Самуил Кугель, Володя Шубкин, Василий Патрушев, очень нам близкий по социологическим ориентациям Владислав Келле, Георгий Давидюк, Эдвард Араб-оглы, Захар Файнбург, Анатолий Харчев, а также Михаил Руткевич.

Но самое главное, я думаю, заключалось не в биографиях, а в устройстве умов. Научная любознательность была первопричиной, остальное – сопутствующие факторы. Ведь решительно все изменили своим базовым профессиям, все.

Остается проблема: каков же вклад лично-индивидуального и социального? Позволь напомнить тебе кросскультурные исследования Мелвина Кона. Он потратил более десятка лет на массовые представительные опросы с использованием тестов, чтобы проверить гипотезу о соотношении персонально-личностных свойств

и социальных факторов в саморегуляции социального действия. Он доказал (в сотрудничестве с В. Паниотто и В. Хмелько, которые проводили исследование на Украине), что социальное доминирует.

Мы, то есть мои коллеги по Институту социологии, закончили проект, в котором хотели уяснить, как являются инноваторы в условиях соци-

ального кризиса. Обследовали “челноков” с контрольной группой их коллег по прежней работе в институтах, школах и т. д. Социальные условия – общие, поведение – разное. Одни выжидали лучшего, не получая зарплаты, другие кинулись в авантюру. Наш вывод противоречит заключению Мелвина (тест на интернальность мы также применили) – решающим фактором были персональные свойства.

Теперь я задаю тебе вопрос, выходящий за рамки нашей темы: как, опираясь на свою методологию исследования развития науки и персональных особенностей ее видных деятелей (у нас или в Америке), ты разрешил бы несоответствие выводов – наших и М. Кона? За-

ранее предупреждаю, что у меня есть догадка, но пока ее не выскажу.

Б. Д.: Этот вопрос не выходит за рамки нашей темы... просто мы еще не дошли до анализа личностных качеств, как ты говоришь, первосоциологов. Может, когда и дойдем, но пока замечу, что в обсуждаемой нами, говоря языком Мелвина Кона, группе “респондентов” чрезвычайно высока доля окончивших школу и институты с медалями и красными дипломами, получавших именные стипендии, успешно работавших в комсомоле и на выборных партийных должностях. Да, все изменили своим базовым профессиям, в высшей степени работоспособны, увлечены делом, устойчивы к давлению среды... Можно продолжить, но вывод напрашива-

Среди первосоциологов решительно все изменили своим базовым профессиям, были в высшей степени работоспособны, увлечены делом, устойчивы к давлению среды... В целом это сообщество достигло многого в первую очередь благодаря персональным свойствам. Не обладавшие креативностью и общей энергетикой, способностью к сопротивлению среде сразу сходили с дистанции

ется. В целом это сообщество социологов достигло многого в первую очередь благодаря персональным свойствам. Не обладавшие креативностью и общей энергетикой (по Спирмэну, высокими показателями по general-фактору), способностью к сопротивлению среде сразу сходили с дистанции.

Я знаю описание всех перипетий этого Проекта [Kohn, 1993] и соображения Мелвина Кона относительно правомерности сопоставления результатов, получаемых в трансформировавшихся польском и украинском обществах и сложившемся – американском, однако не знаком с итогами исследования. Но исходно у меня такое ощущение, что любой сравнительный социокультурный анализ прежде всего выявит влияние макрофакторов в саморегуляции действий людей, ибо на это он и направлен, этим и интересен. Мы же с тобою имеем дело с социологами-инноваторами (социологи 1950–1960-х были, конечно же, “челноками”), и их поведение надо и можно сопоставлять с поведением героев моего американского исследования [Докторов, 2008], о котором мы говорили в первой части нашей беседы [Работа над биографиями... 2008]. Личностное и социальное можно будет разглядеть при сопоставлении стратегии поведения советских первосоциологов и первых американских рекламистов и полстеров. Вот где могут быть обнаружены и инвариантные формы поведения, и те, которые являются “чистыми” производными социального контекста.

В. Я.: Моя догадка совершенно совпадает с твоим объяснением. Одно дело – социальная стабильность, и совершенно иное – социальные обстоятельства, когда вокруг все рушится или изменяется радикально. В последнем случае более энергичные и менее ординарные действуют не так, как большинство.

А теперь о воздействии социального контекста. На сайте нашего института расположен блог Ядова и Олега Яницкого, где мы начали обсуждение принципиально разных моделей поведения “стариков” и сорокалетних социологов в ситуации конфликта студентов соцфака МГУ с деканом Владимиром Добреневым. Группа студентов воспротивилась дурному обучению и “ре-

жимным” порядкам, установленным на факультете. Из моего поколения многие выступили в поддержку бунтарей и вошли в состав двух комиссий (Общественной палаты и ректорской), изучавших ситуацию на факультете, из сорокалетних таковых были единицы. Яницкий по этому поводу говорил: “Наша социологическая элита 40-летних выросла и работает в гораздо более спокойных, комфортных условиях... Мы проходили довольно суровую школу жизни, они – сразу начали учиться в западных университетах или по западным канонам. Мы не могли отделить себя от проблем страны, их взгляд – более отстраненный... Они почти сразу стали учить других, мы же очень долго проходили школу жизни. У нас прошлое болит до сих пор как отрезанная нога, они не испытывают этих фантомных болей” [Блог Ядов – Яницкий...]. Олег продолжил свое объяснение роли социальной среды для 40-летних: “Они вступали в профессиональную среду перед или в самом начале перестройки... У меня есть на этот счет концепция «порождающей среды» (engendering milieu). Многие из 40-летних получали профессиональное образование за рубежом (стажировка, аспирантура, докторантура). Так или иначе, интеллектуальные и материальные ресурсы были прежде всего там (или здесь в виде фондов, что одно и то же)... Поэтому естественно, что их корни были (и сейчас находятся) больше там, чем здесь. Моя точка зрения: чтобы быть «национальным», всякий гуманитарий должен вжиться в контекст, в среду, уметь стать на точку зрения тех, кто «внизу»... В этом, сугубо профессиональном, смысле наши 40-летние «наднациональны». И еще: “Но ахиллесова пята такой “наднациональности” – риск остаться навсегда “догоняющей социологией”. Потому что “понимать” можно, только будучи внутри, в контексте...” Не правда ли, хорошо сказано? Какие поколения в твоей классификации начали выпадать из российского контекста?

Б. Д.: На мой взгляд, выпадение из российского контекста не является значимой характеристикой того или иного из наблюдаемых поколений социологов, энергия не исчезает... но подумать стоит.

В. Я.: Подумать очень стоит. Ты знаешь, что я не симпатизирую постмодернистскому направлению в социологии. Но трудно не согласиться с утверждением тамошних постмодернистов, что маннгеймова концепция поколений перестает работать. Люди живут, как правило, нуклеарными семьями, торчат у телеэкрана и сидят за компьютером, с родителями за общим столом бывают лишь в Рождество. В их мировосприятии реалии собственного опыта вытесняются медийными образами разных времен и пространственной локализации. Первокурсников Миша Черныш называет поколением “Дом-2”, то есть читать не хотят, письменные работы скачивают с Интернета...

Добавлю “институциональное” о наших социологах. Единого сообщества нет. Разобщенность, как мы уже говорили, структурирована по принадлежности к региону, по местам занятости в науке/образовании или в центрах изучения мнений и маркетинга, по идейным расхождениям. Искать “поколения” на базе единого социального опыта бессмысленно. Возрастные когорты не отличаются какой-либо солидарностью, ибо одни разъезжают по миру, другие и в отпуск никуда не могут выехать, третьи бросились или в религию, или, трудно поверить, в космизм – сочиняют теории “от пупа”, игнорируя профессиональную литературу. Самые молодые, еще студенты, “просто живут” в тусовках или по парочкам, многие равнодушны к социальным проблемам. С позиции наших с тобой поколений ситуация радикально иная.

Я надеюсь на то, что нынешняя “стабилизация” глубоко дезинтегрированного, по сути, общества по мере ослабления всемогущества чиновничества, снижения ужасающего разрыва между сверхбогатыми и сверхбедными, укрепления гражданских структур будет меняться. В иной социальной среде определенно будет укрепляться гражданская мотивация новых поколений социологов. А это в нашей профессии наиважнейшее. Мастер обязан знать свое дело, но его гражданский и патриотический долг в том, чтобы ответственно использовать знания на благо общества.

Б. Д.: С последним трудно не согласиться. ■

Литература

- Алексеев А.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. (Из рукописи первого варианта книги). <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>>.
- Араб-оглы Э.А.* “Тогда казалось, что кое-что удавалось”. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 358–359.
- Блог В.А. Ядов – О.Н. Яницкий. Приватные разговоры двух ветеранов для публичного обсуждения в среде коллег-социологов. <http://www.is-ras.ru/blog_Yadov_Yanizkij_full.html>.
- Вергасов Ф.* Григорий Фёдорович Александров. <<http://www.pseudology.org/information/AlexandrovGF.htm>>.
- Гишинский Я.И.* “...Я начинал как чистый уголовник...” // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 6–7.
- Голосенко И.А., Зверев В.М.* Социолог Агнеса Звоницкая: работы и судьба // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 75–81.
- Гофман А.Б.* “Социальная реальность... – это сфера свободы” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2.
- Докторов Б.* Жизнь в поисках “настоящей правды”: заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–81.
- Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008 (в печати).
- Замошкин Юрий Александрович (1927–1993). Сборник воспоминаний. М.: МГИМО МИД России, 2007.
- Заславская Т.И.* Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
- Заславская Т.И.* “Я с раннего детства знала, что наука – это самое интересное и достойное занятие” // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 166.
- Здравомыслов А.Г.* Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 3.

- Здравомыслов А.Г.* “Социология как жизненное credo” // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 153–154.
- Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130.
- Иконникова С.Н.* Философский факультет для меня – родной. <<http://www.spbu-mag.nw.ru/2005/23/3.shtml>>.
- Интервью с А.В.Барановым (проведено М. Алесиной (осень 2007 г.); готовится к печати в журнале “Телескоп”).
- Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 4.
- Интервью с профессором И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 7.
- Интервью с профессором В.Я. Ельмеевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 5–17.
- Интервью с профессором С.А. Кугелем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3.
- Ионин Л.Г.* “Надо соглашаться с собственным выбором” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 4.
- Кон И.С.* Восемьдесят лет одиночества. М.: Время, 2008 (в печати).
- Латин Н.И.* “Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата” // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 143.
- Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
- Письмо Б. Максимова Б. Докторову от 4 июля 2007 г.
- Попова И.М.* “Как становились на ноги и как разучились ходить” // Социологический журнал. 2006. № 1/2.
- “Работа над биографиями – это общение с моими героями”. Интервью Бориса Докторова Владимиру Ядову // Социальная реальность. 2008. №1. С.85–104.
- Руткевич М.Н.* Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: ЦСП, 2003.
- Смирнов Е.Э.* “...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов” // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 1. С. 2–3.
- Тощенко Ж.Т.* “Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина” // Социологический журнал. 2007. № 4.
- Файнбург Захар Ильич. <http://www.fandom.ru/about_fan/fantasto/fainburg_z.htm>.
- Шкаратан О.И.* “Рутинные интеллигентные проблемы...” // Социологический журнал. 2002. № 3.
- Шляпентох В.Э.* “Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2006. № 2.
- Шубкин В.Н.* “Возрождающаяся социология и официальная идеология” // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
- Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 3 марта 2008 г.
- Ядов В.А.* “...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2005. № 3. С. 3–4.
- Himmelstrand U.* Three Faces in Russian Sociology: Surviving Intellectually as Sociologists in a Totalitarian Society // International Review of Sociology. 2000. Vol. 10. № 2.
- Kohn M.L.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project // Social Psychology Quarterly. 1993. Vol. 56. No. 1. P. 4–20.

Представляем проект

За последние 15 лет жизнь россиян обогатилась благодаря множеству новых возможностей. Современное общество характеризуется расслоением не только по критерию благосостояния, но также по критериям социальной компетентности, включенности в новые социальные реалии.

Объект исследования – «Люди-XXI», слой населения, в наибольшей степени освоивший новые для современного российского общества реалии и практики. Этим людей отличает:

- использование новых технологий
- активное финансовое поведение
- стремление к расширению жизненного горизонта
- стремление оптимально распоряжаться своим временем
- забота о здоровье и внешности

Цели проекта:

- выделение социального слоя «Люди-XXI» и получение информации о социокультурных и поведенческих характеристиках этих людей
- исследование механизмов формирования и освоения социальных инноваций в обществе

Основные направления исследований инновационного слоя «Люди-XXI»:

- стиль жизни
- жизненные ценности и планы
- сфера трудовой занятости, карьера
- потребительское поведение
- финансовая активность
- отношение к здоровью и красоте
- социально-психологические особенности поведения и жизненных стратегий: ориентация на успех, достижения, самостоятельность, свободу и проч.

Исследовательские методы:

- общероссийские и региональные опросы населения, опросы представителей группы «Люди-XXI»
- мегаопрос «Георейтинг» в 68 российских регионах с репрезентативной выборкой каждого региона
- дискуссионные фокус-группы
- фокус-группы в Интернете в режиме он-лайн
- социально-антропологические экспедиции
- глубинное интервьюирование

«Люди-XXI»: групповой портрет

Социально-демографические особенности

Среди «Людей-XXI» больше, чем в общероссийской выборке:

- мужчин
- людей с высшим образованием
- людей в возрасте до 40 лет

Отдельные характеристики «Людей-XXI»

Как показывают данные опроса «Георейтинг», проведенного в апреле 2008 года, «Люди-XXI» имеют **более разнообразный и насыщенный досуг** по сравнению с остальным населением.

«Что из перечисленного на карточке Вы делаете более или менее регулярно?»* (Карточка. Любое число ответов)

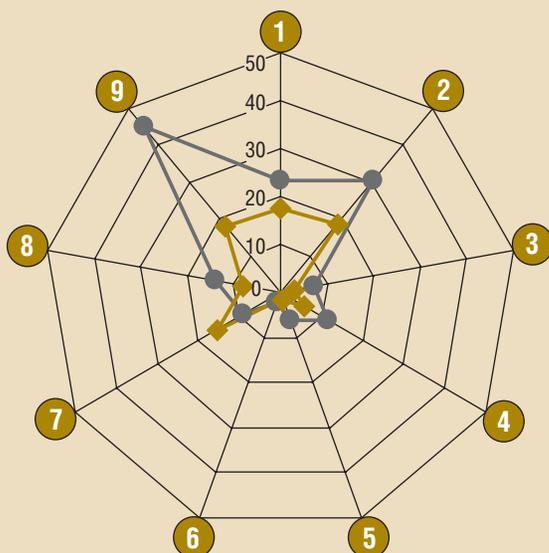
Виды проведения досуга	«Люди-XXI»	Остальное население
Кино, театр, концерты, музеи, выставки, другие культурные мероприятия	40	11
Хожу смотреть спортивные состязания	18	5
Занимаюсь спортом / хожу в спортклуб	30	6
Хожу на дискотеки / в танцевальные клубы	14	5
Рестораны, вечерние клубы, кафе, пивные бары	28	6
Хожу в гости	53	35
Уезжаю за город, отдыхаю на природе, езжу на рыбалку, за грибами и т. п.	58	29
Работаю на даче, в огороде, в саду	36	44
Гуляю с компанией друзей во дворе, по городу	26	15
Занимаюсь в хоровой, театральной студии, занимаюсь рисунком, живописью, литературным творчеством в кружке, клубе и т. п.	3	1
Занимаюсь повышением образования, обучаюсь полезным навыкам, хожу на курсы, в библиотеку и т. п.	31	7
Занимаюсь общественной работой, участвую в деятельности общественных организаций, инициативных групп и т. п.	9	4
Хожу по магазинам в свое удовольствие	30	13
Участвую в делах церкви, религиозной, приходской общины, хожу в церковь (храм, мечеть, молельный дом и т. п.)	8	7

* Варианты ответов «ничего из перечисленного», «другое» и «затрудняюсь ответить» не приводятся ввиду незначительного количества таких ответов.

ФОМа “Люди-XXI”

“Люди-XXI” – потенциальные частные инвесторы. Кроме того, это аудитория максимальной концентрации предпринимательского потенциала.

“Представьте, что у Вас есть крупная сумма денег, которую Вы можете не тратить на повседневные нужды в течение нескольких лет. Какой или какие из перечисленных вариантов Вы бы предпочли?”* (Карточка. Не более трех ответов)

1. положить деньги на вклад до востребования в Сбербанк / коммерческий банк
2. положить деньги на долгосрочный вклад (депозит) в Сбербанк
3. положить деньги на долгосрочный вклад (депозит) в коммерческий банк
4. купить акции какой-либо российской компании
5. вложить деньги в паевой инвестиционный фонд (ПИФ)
6. купить государственные облигации
7. хранить деньги дома
8. вложить деньги в золотые слитки, монеты из драгоценных металлов
9. открыть собственный бизнес

—●— “Люди-XXI”
—◆— остальное население

* Варианты ответов “ничего из перечисленного”, “другое” и “затрудняюсь ответить” не приводятся ввиду незначительного количества таких ответов.

Две трети “Людей-XXI” имеют **пластиковые банковские карточки**, при том что среди населения в целом эта доля составляет четверть.

Более половины “Людей-XXI” **испытывают необходимость в приобретении квартиры или дома** (среди остального населения – 46%). Более четверти группы лучшим способом оплаты недвижимости считают ипотечное кредитование (среди остального населения – только 13%). Кроме того, “Люди-XXI” чаще остальных полагают, что за последний год ипотечные кредиты стали более доступными для населения России (39% против 22% в общей выборке).

Изучение группы “Люди-XXI” дает представление об инновационном слое населения России – о людях, которые активно пользуются современными практиками и распространяют их в обществе.

Директор проекта: Екатерина Шумакова
shumakova@fom.ru; тел.: 745-8765, доб.: 2222;
8 (903) 103-42-03 (моб.)

WAGTIFPROKAR

Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой отрывок из книги Чарльза Райта Миллса “Социологическое воображение”, которая впервые была опубликована в 1959 году.

По итогам проведенного в 1990-е годы опроса экспертов-социологов эта книга, переведенная на многие языки мира, вошла в десятку наиболее влиятельных социологических трудов. И это вопреки (или благодаря?) тому, что автор, умерший в 1962 году в возрасте неполных 46 лет, был “посторонним” и для американского общества, которое страстно познавал, и для широкого профессионального сообщества, и даже для коллег, с которыми непосредственно работал. При этом, в отличие от зиммелевского нейтрально настроенного “постороннего”, Миллс вообще к миру был настроен весьма критически (см.: [Ритцер. 2002. С. 85–87]).

На наш взгляд, взятая из этой книги дополнительная глава (Appendix, как назвал ее автор), в которой подробно описывается интеллектуальная лаборатория исследователя-социолога, как будто специально написана для рубрики “Мастерская” журнала “Социальная реальность”.

Ч. Миллс

Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении)

Для исследователя общества, работающего в классической традиции, общественная наука – это творческая деятельность. Имея дело с конкретными проблемами, он принадлежит к тому типу людей, которым быстро надоедает дискутировать о методе и теории “вообще”, тем более что полемика нередко отрывает его от непосредственных обязанностей. Он убежден, что гораздо лучше иметь один подробный отчет о работе практикующего исследователя, чем дюжину “процедурных кодификаций” от высоких спецов, не сделавших ничего стоящего. Только из разговоров опытных исследователей, обменивающихся информацией о том, как они делают свою работу, новичок может получить наглядное представление о методе и теории. Поэтому, я думаю, будет полезно рассказать о некоторых подробностях своей творческой деятельности. Эти заметки неизбежно субъективны, но я пишу их в надежде, что читатели, осо-

бенно начинающие вести самостоятельные исследования, сделают их менее субъективными, добавив факты из своего собственного опыта.

≈ 1 ≈

Я полагаю, лучше всего начать с напоминания о том, что самые выдающиеся мыслители в той области научного творчества, которой вы, начинающий ученый, решили себя посвятить, не отделяют работу от жизни. Похоже, они слишком серьезно относятся и к работе, и к жизни, чтобы допустить подобное разделение, и предпочитают, чтобы эти области взаимно обогащали друг друга. Конечно, такое разделение сейчас весьма распространено, особенно, как я полагаю, среди тех, кто занимается переливанием из пустого в порожнее. Но вы как ученый обладаете исключительной возможностью построить свою жизнь так, что она будет побуждать к приобретению навыков добросовестного труда. Исследовательская работа – это выбор не только

Перевод с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина.

карьеру, но и жизненного пути. Сознательно или нет, работник интеллектуального труда формирует самого себя по мере совершенствования в мастерстве. Чтобы реализовать свой личностный потенциал и использовать любую представившуюся возможность, он формирует характер, в основе которого лежат качества хорошего работника.

Поэтому молодому ученому в своей интеллектуальной работе следует учиться опираться на собственный жизненный опыт. В этом смысле ремесло составляет стержень личности, частица которой вкладывается в каждый продукт интеллектуального труда. Наличие опыта в данном случае означает, что ваше прошлое вторгается в ваше настоящее, а настоящее определяет вашу способность приобрести опыт в будущем. Как исследователь общества вы должны управлять этим весьма сложным взаимодействием, осмысливать свой опыт и раскладывать его по полочкам. Только так можно надеяться на то, что вы научитесь с помощью жизненного опыта направлять и проверять свои размышления, и в ходе этого процесса формировать себя как мастера интеллектуального труда. Но как это сделать? Ответ простой: заведите папку с файлами или ведите рабочий дневник. Многие продуктивные авторы ведут рабочие записи. Это необходимо для формирования систематического мышления социолога.

В файлах, о которых я собираюсь говорить, будут накапливаться сведения о личном опыте и профессиональной деятельности, о текущих и планируемых исследованиях. В этих файлах вы как творческий человек попытаетесь собрать свои профессиональные размышления и личные переживания. Не бойтесь обращаться к своему опыту и непосредственно применять его в текущей работе. Осмысление и сопоставление накопленных сведений сэкономят ваши силы. Кроме того, файлы помогут сохранить мимолет-

ные мысли, зафиксировать разного рода события повседневной жизни, обрывки случайно услышанных на улице разговоров и даже сны. Хранившиеся в файлах записи могут дать толчок более систематическому осмыслению научных

проблем, а также придать интеллектуальную значимость непосредственному опыту.

Наверное, вам доводилось замечать, как заботливо люди интеллектуального труда обращаются со своим интеллектом, как тщательно они следят за его развитием и как аккуратно они организуют свой опыт. Причина столь бережного отношения к малейшим переживаниям заключается в том, что за свою жизнь современный человек приобретает очень мало непосредственно личного опыта, тогда как именно он является

Уметь доверять собственному опыту и одновременно скептически относиться к нему является отличительной чертой зрелого научного работника. Позиция “доверяй, но проверяй” совершенно необходима для оригинального решения любой интеллектуальной задачи

весьма важным источником настоящего интеллектуального творчества. Я пришел к убеждению, что уметь доверять собственному опыту и одновременно скептически относиться к нему является отличительной чертой зрелого научного работника. Позиция “доверяй, но проверяй” совершенно необходима для оригинального решения любой интеллектуальной задачи, и ведение рабочего дневника является методом, который поможет вам развивать и укреплять эту позицию.

Ведя записи надлежащим образом и тем самым развивая навыки саморефлексии, вы будете учиться поддерживать свой внутренний мир в состоянии бодрствования. Если вас сильно поразит какое-то событие или идея, постарайтесь, чтобы они не остались неосмысленными. Напротив, попытайтесь как можно полнее выразить свои впечатления и их скрытые смыслы; подумайте их до конца, чтобы убедиться в том, что или все это вздор, или в возникших впечатлениях и идеях есть какая-то изюминка. Кроме того, ведение записей будет развивать навык письменной речи. Вы не “набьете руку”, если не будете делать записи хотя бы раз в неделю. Ведение записей позволит также экспериментировать с язы-

ком и, так сказать, работать над выразительностью слога. Регулярное ведение записей позволит лучше осознавать собственный опыт.

Быть может, худшее из того, что происходит с исследователями общества, заключается в том, что они испытывают потребность писать о своих “планах” только в одном случае – когда собираются просить денег на какой-нибудь этап исследования или на “целый проект”. “Планирование” ведется главным образом в форме заявок, которые, по крайней мере, пишутся довольно старательно. Сколь бы распространенной ни была такая практика, я считаю, что она – очень плоха. В значительной степени в ней заложено стремление “продать себя”, а доминирование этого мотива повышает вероятность получить в итоге вымученную претенциозность. Выполняя проект, нужно “отчитываться” в установленные сроки, то есть подводить какие-то итоги задолго до логического завершения проекта. Поэтому ради продолжения финансирования проекта часто приходится ловчить. Конечно, ученый

должен периодически анализировать ход своей работы и строить перспективные планы, и любой начинающий исследователь должен об этом думать. Но от него нельзя ожидать немедленных открытий, и ему самому совсем не обязательно планировать слишком подробно и тем более в деталях придерживаться заранее разработанного плана. Едва ли не максимум, что он может сделать, – это наметить общий план диссертации, которая, к несчастью, является его первой самостоятельной работой.

Только по прошествии половины или трети срока анализ проделанной работы может быть плодотворным для себя и интересным для других.

Любой самостоятельно работающий ученый должен держать в голове массу планов, точнее, идей, чтобы все время определять, что реализовать в начале и что оставить на потом. И обязательно нужно собирать в папку всё новые и но-

вые рабочие планы, обновлять их и переписывать просто для себя или, может быть, для обсуждения с друзьями. Время от времени, даже в отпуске, эти планы следует тщательно просматривать под иными углами зрения. Эта процедура нужна для того, чтобы ваше интеллектуальное предприятие имело ориентиры и находилось под контролем. Полагаю, что именно широкий неформальный обмен результатами подобных “осмотров” собственной творческой лаборатории между практикующими исследователями является единственной основой для адекватного формулирования “основных проблем общественных наук”. По-видимому, в любом свободном интеллектуальном сообществе таких проблем будет несколько, и конечно, их список должен быть открытым. В таком сообществе, даже если оно работает очень напряженно, нужно делать перерывы, чтобы коллеги могли обсудить свои последующие действия. Отрываться от работы стоит только в трех случаях: чтобы обсудить проблему исследования, методы и теорию. Затем на-

до вновь возвращаться к работе. Конкретные темы должны формироваться в ходе самой работы и в какой-то степени направлять ее. Именно в организации перерывов в работе и находит разумное основание для своего существования профессиональная ассоциация. И наши рабочие записи организаторам тоже пригодятся.

Под разными рубриками в своих файлах вы собираете идеи, личные заметки, выписки из книг, библиографические сноски и наброски проектов. Дело это сугубо добровольное,

но я уверен, что вы найдете полезным собирать все наброски к проектам в особый файл “проекты”, в котором может быть множество подрубрик. Конечно, рубрики могут регулярно меняться. Например, будучи аспирантом, вы одновременно готовитесь к аттестации и пишете диссертацию, и поэтому вам придется классифицировать материалы в соответствии с этими видами работ.

Быть может, худшее, что происходит с исследователями общества, заключается в том, что они испытывают потребность писать о своих “планах” только в одном случае – когда собираются просить денег на какой-нибудь этап исследования или на “целый проект”

Примерно через год аспирантуры вы начнете реорганизовывать все свои записи в соответствии с основной темой диссертации. Затем, в процессе работы, вы обнаружите, что ни одна из тем не является главной, и ни одна из них не дает основания для классификации всех собранных у вас материалов. Это заставит вас ввести новые категории в свои размышления. Таким образом, одни категории будут добавляться, а другие – выбываться. Этот процесс будет демонстрировать ваш интеллектуальный рост. Формально записи желательно группировать по нескольким крупным направлениям, внутри которых более мелкие темы будут постоянно меняться.

Для этого нужно постоянно вести записи. Нужно наработать привычку реферировать всякую стоящую книгу, которую вам доводится читать, хотя должен сказать, что гораздо лучше бывает работать над собой во время чтения по-настоящему плохих книг. Чтобы впечатления от чужих текстов и собственные переживания перевести в интеллектуальную сферу, первым делом надо придать им форму. Даже простая фиксация впечатления часто ведет к его объяснению. Выписывание цитат из книги может дать толчок к размышлениям. В то же время выписки оказываются исключительно полезными для понимания того, что вы читаете.

У вас, как и у меня, записи могут разделиться на два вида. Читая некоторые наиболее важные книги, вы пытаетесь уловить логику автора целиком и именно для этого делаете соответствующие выписки. Но гораздо чаще, особенно имея за плечами годы самостоятельной работы, вы не будете прочитывать книги целиком, а будете выбирать из многих текстов только те места, которые относятся к конкретной теме, интересующей вас в данный момент или имеющей отдельную рубрику в ваших записях. Такие выписки не репрезентируют все содержание прочитанного источника. Здесь *полезна* отдельная идея, отдельный факт – для реализации собственных проектов.

Может возникнуть вопрос: как эти записи использовать в интеллектуальном производстве? Ведение таких записей и *есть* интеллектуальное производство, постоянное пополнение хранилища фактов и идей – от самых смутных до тех, которые обретают законченную форму. Например, когда я решил исследовать элиту, то первым делом набросал весьма примерный план, в основе которого был список типов людей, которые я хотел понять.

В том, как и почему я решил исследовать элиту, можно увидеть пример, как жизненный опыт человека питает его интеллектуальные занятия. Сейчас я не помню, когда стал специально интересоваться “стратификацией”, но думаю, что это должно было случиться, когда я первый раз читал Т. Веблена. Он всегда казался мне слишком многословным и расплывчатым в своих рассуждениях о занятости в “бизнесе” и в “производстве”, которые были своего рода переложением Маркса для академической публики в Америке. Как бы там ни было, я написал книгу о профсоюзах и их лидерах под влиянием политических мотивов, затем книгу о средних классах, прежде всего, испытывая острое желание выразить свой жизненный опыт, полученный после моего приезда в Нью-Йорк в 1945 году. Друзья говорили, что я должен завершить трилогию книгой о высших классах. Думаю, что

к этому я был готов. Особенно в сороковые годы я много читал Бальзака и находился под впечатлением от поставленной им самому себе задачи “охватить” все основные классы и социальные типы современного ему общества. Кроме того, я написал работу о “деловой элите”, собирал и приводил в порядок статистические сведения о жизни крупнейших американских политиков, начиная с принятия первой Конституции. Обе работы первоначально были вдохновлены семинарскими занятиями по американской истории.

Любой самостоятельно работающий ученый должен держать в голове массу планов, точнее, идей, чтобы все время определять, что реализовывать в начале и что оставить на потом

При подготовке к публикации статей и книг, а также лекционных курсов по стратификации у меня естественным образом накапливались мысли и факты о высших классах. При изучении социальной стратификации практически невозможно было не выйти за рамки непосредственного объекта исследования, поскольку “реальность” любой страты в значительной степени состоит в ее взаимоотношениях с остальными стратами. И я начал подумывать о том, чтобы написать книгу об элите.

Но “на самом деле” этот проект возник не так. Во-первых, и идеи, и план возникли из моих записей, ибо все мои проекты берут начало и заканчиваются в них. Опубликованные книги представляют собой просто организованные фраг-

менты того, что я писал и складывал в файлы. Во-вторых, через некоторое время весь комплекс смежных проблем буквально захватил меня.

После того как сложился первый набросок, я тщательно пересмотрел все записи. Не только те разделы, которые напрямую касались новой темы, но и те, которые, казалось бы, не имели никакого к ней отношения. Воображение часто начинает активно работать, когда в поле нашего зрения попадают два вроде бы никак не соотносящихся между собой элемента, и между ними обнаруживаются неожиданные связи. Я заново перекроил рубрики в соответствии с новым кругом проблем, что в свою очередь привело к перестройке всех остальных рубрик. После этого я начал накапливать свои наблюдения за повседневной жизнью, потом стал обдумывать все, что я знал об элитах, а затем начал обсуждать это с теми, кто, по моему мнению, был сведущ и мог высказать какие-то полезные суждения. Соответственно, я изменил повседневный распорядок рабочих контактов так, чтобы встречать (1) людей, которые *были* теми, кого я хотел изучать, (2) людей, которые непосредственно общались с ними, (3) людей, которые проявляли к ним устойчивый профессиональный интерес.

Не знаю, каковы должны быть идеальные социальные условия для продуктивной интеллектуальной работы, но несомненно, что формирование круга людей, которые охотно слушают, и говорят, и иногда обладают живым воображением, составляет одно из таких условий. В любом случае я стараюсь создавать для себя макси-

мально благоприятную обстановку в интеллектуальном и социальном плане, которая направляла бы мое мышление в соответствии с предметом моего исследования. В этом заключается один из смыслов высказанного выше замечания о неразрывности личной и интеллектуальной жизни.

Хорошую работу в общественных науках сегодня нельзя выполнить, проведя какое-либо отдельное эмпирическое

“исследование”. Напротив, хорошая работа включает в себя множество исследований, предметом которых служат ключевые моменты в форме и тенденциях развития объекта. Вопрос о том, какие моменты являются ключевыми, нельзя решить раньше, чем будут проработаны уже имеющиеся материалы и построены общие гипотезы. Так, среди “имеющихся материалов” я обнаружил три типа записей, важных для моего исследования элит: теоретические выкладки, относящиеся к теме; материалы, иллюстрирующие теории; набранные из различных источников данные, в разной степени обобщенные, но теоретически не осмысленные. Только после завершения чернового варианта обзора теоретических представлений, который я сделал с помощью собранных материалов, я смог в целом определиться с исходными посылками и интуитивными догадками, а также со способами их проверки. При этом я отдавал себе отчет, что мне и дальше придется постоянно сверять результаты собственных исследований с накопленными в файлах материалами. Всякое окончательное утверждение должно не только “охватывать” все доступные и известные мне данные, но так или иначе позитивно или негативно учитывать известные

Нужно наработать привычку реферировать всякую стоящую книгу, которую вам доводится читать, хотя должен сказать, что гораздо лучше бывает работать над собой во время чтения по-настоящему плохих книг

теории. Иногда чтобы “учесть” какую-то идею, достаточно просто сопоставить ее с противоречащими или согласующимися фактами, а иногда нужен детальный анализ. Порой удается систематически представить имеющиеся теории в виде различных направлений исследования и тем самым организовать сам материал (см.: [Mills, 1951. Ch. 13]). А иногда я ввожу эти теории только в собственной интерпретации и в совершенно необычных контекстах. Так или иначе, в книге об элите мне пришлось опираться на работы таких авторов, как Г. Моска, Й. Шумпетер, Т. Веблен, К. Маркс, Г. Лассуэлл, Р. Михельс, М. Вебер и В. Парето.

Просматривая записи об этих авторах, я обнаружил три типа заметок: во-первых, заметки, отражающие общую точку зрения автора по данной проблеме; во-вторых, цитаты, снабженные собственными рассуждениями и аргументацией “за” и “против”; в-третьих, все остальные заметки, которые можно использовать как источник идей для собственных исследовательских проектов. Последний тип заметок содержал краткое изложение проблемы и ответов на вопросы типа: как сформулировать проблему в доступной для эмпирического исследования форме? как осуществить сбор эмпирических данных? Иногда удачная формулировка открывает такую перспективу, в которой отдельные факты и детали сразу представляются значимыми. Анализ содержащихся в файлах идей позволяет сохранить ощущение преемственности с предварительной работой. Вот две выписки из подготовительных материалов по Г. Моска, которые я привожу для иллюстрации того, о чем пытаюсь рассказать.

В дополнение к историческим анекдотам Моска завершает свое рассуждение утверждением о том, что именно организованность всегда дает возможность меньшинству править. Если есть организованные меньшинства, то они распоряжаются вещами и людьми. Если есть неорганизованное большинство, то им управляют. Но! еще

Воображение часто начинает активно работать, когда в поле нашего зрения попадают два вроде бы никак не соотносящихся между собой элемента и между ними обнаруживаются неожиданные связи

рассмотреть (1) организованное меньшинство, (2) организованное большинство, (3) неорганизованное меньшинство, (4) неорганизованное большинство. Стоит исследовать все варианты. Прежде прояснить: что значит “организованное”. Кажется, у Моска – это способность проводить более или менее постоянную стратегию и координировать свои действия. Если так, его тезис верен. Он мог бы сказать: организованное большинство невозможно, т. к. все сводится к тому, что новые лидеры, новые элиты появляются на вершине организации большинства. И он сразу относит этих лидеров к своему “правлящему классу”. Он назвал бы их “правлящим меньшинством” в соответствии со своей основной идеей.

Пришла мысль (думаю, по самой сути определений Моска): за XIX–XX века мы стали свидетелями того, как общество, организованное по 1-му и 4-му признакам, превратилось в общество, организованное по 3-му и 2-му. Мы перешли от элитного государства к организационному, в котором элита не столь организована и не обладает такой однонаправленной властью, а масса стала более организованной и более могущественной. Некоторая доля власти была завоевана на улицах, и вокруг этой власти крутятся целые социальные институты и их “элиты”. А какой отряд правящего класса более организован, чем фермерский блок? Это не риторический вопрос, ибо сейчас на него нет однозначного ответа – это вопрос степени. Важно пока заострить эту проблему.

Моска сделал один вывод, который кажется мне замечательным и достойным дальнейшей проработки. В соответствии с ним в “правлящем классе” есть верхушечная клика и есть второй, более широкий слой, с которым (а) верхушка находится в постоянном непосредственном контакте, и с которым (б) она имеет общие идеи и настроения, а следовательно, и политические цели (с. 450). Проверить, есть ли в книге другие замечания по этому поводу. Рекрутируется ли верхушка главным образом из второй страты? Несет

ли верхушка какую-то ответственность перед вторым слоем, или, по крайней мере, прислушивается ли к его мнению?

Теперь забыть Моска. В иной терминологии имеем: 1) элиту, под которой понимаем верхушечную клику, 2) тех, кто считает себя элитой, и 3) всех остальных. Принадлежность ко второй и третьей категориям определяет первая, а вторая может варьировать в широких пределах по размеру, составу и отношениям к первой и третьей. (Каков разброс вариаций 2) по отношению к 1) и 3)? См. у Моска намеки и подумать о дальнейшей разработке систематически!

Эта схема позволит точнее различать элиты по разным критериям стратификации. И проводить Паретово различение господствующих и негосподствующих элит менее формально, чем Парето. Да, многие с высшим статусом будут относиться минимум ко второму слою; например, толстосумы. “Клика”, “элита” в каждом конкретном случае определяется отношением к власти или к авторитету. Элита в данном употреблении всегда будет означать властную элиту. Другие слои верхушки будут “высшими классами”, или “высшими кругами”.

Так, может быть, решить две важнейшие задачи: выявить структуру элиты и концептуальные – что, пожалуй, важнее – отношения теории стратификации и теории элит? (Проработать!)

По критерию власти легче отобрать тех, кто относит себя к элите, от тех, кто правит. Выполняя первую задачу, мы отбираем верхние эшелоны по занимаемой позиции как некий неорганизованный агрегат. Но, выполняя вторую задачу, мы должны четко, детально показать, как они распоряжаются властью и каково их отношение к социальным инструментам, посредством которых власть отправляется. Еще, мы имеем дело не с позициями, а с личностями, по крайней мере, мы вынуждены принимать в расчет личности.

Хорошую работу в общественных науках сегодня нельзя выполнить, проведя какое-либо отдельное эмпирическое “исследование”. Хорошая работа включает в себя множество исследований, предметом которых служат ключевые моменты в форме и тенденциях развития объекта

Сейчас власть в США включает более чем одну элиту. Как можно судить о положении, которое каждая элита занимает по отношению к другой? В зависимости от характера решаемых ими задач. Одна элита видит в другой людей, имеющих вес. Внутри элиты взаимно признают друг друга. Так или иначе, люди из элит важны друг для друга. Проект: подобрать 3–4 ключевых решения за последние 10 лет – сброс атомной бомбы, сокращение / увеличение производства стали, забастовка на “Дженерал Моторс” в 45-м, – тщательно выявить участников каждого из событий. “Решения” и процесс их принятия использовать в интервью как зацепки при продвижении вглубь.

В процессе работы наступает время, когда вы обнаруживаете, что прочли много книг. Все, что вы хотели в них найти, выписано в ваших заметках и рефератах. На полях этих заметок и на отдельных листочках сформулированы идеи для эмпирических исследований. Я бы не хотел заниматься сбором эмпирики, если можно обойтись без него. Очень трудно собирать данные, если нет штата сотрудников под рукой. Возможность самому нанимать работников чревата еще большими трудностями.

При современном состоянии общественных наук предстоит еще выполнить столько работ “нулевого цикла” (назову описываемую операцию этим словом), что большинство “эмпирических исследований” неизбежно будут тощими и неинтересными. Многие из них, по сути, являются формальным упражнением для начинающих исследователей, а иногда полезным занятием для тех, кто не способен справиться с более существенными проблемами социальной науки. Просто эмпирическое исследование не имеет никаких преимуществ перед просто книгочейством. Цель эмпирического исследования – устранить разногласия и сомнения относительно фактов

и путем всестороннего изучения сделать дискуссию более плодотворной. Факты дисциплинируют разум, но в любой сфере познания разум идет впереди.

Хотя вы никогда не сможете получить деньги на реализацию большей части замыслов, необходимо постоянно придумывать новые проекты исследований. Потому что некогда продуманное эмпирическое исследование, даже не реализованное, подтолкнет вас к поиску данных, которые неожиданно могут оказаться важными для понимания того, над чем вы сейчас работаете. Глупо планировать полномасштабный сбор эмпирических данных, если ответ можно найти в библиотеке, но не менее глупо стремиться перечитать все книги и только потом переводить прочитанное на язык эмпирических исследований, то есть на язык вопросов о фактах.

Я считаю, что проект эмпирических исследований должен отвечать следующим требованиям. Во-первых, он должен соотноситься с вашими рефератами теоретических работ, о которых я говорил выше: либо проект должен соответствовать теоретической проблеме, либо последнюю следует модифицировать. Или, выражаясь высокопарно, проект должен быть теоретически релевантен. Во-вторых, проект должен иметь высокую отдачу, его следует тщательно продумать и сделать, по возможности, остроумным. Я имею в виду, что по сравнению с затратами сил и времени на выходе должно быть получено громадное количество материала.

Как это сделать? Наиболее экономно – поставить проблему таким образом, чтобы на многие вопросы можно было ответить исключительно путем рассуждения, опираясь на минимум фактов. В рассуждении мы пытаемся: (а) четко поставить отдельные во-

просы о фактах, (б) так задать вопросы о фактах, чтобы на основе полученных ответов дальнейшие проблемы можно было решить одним рассуждением.

При постановке проблем следует пройти четыре этапа. Лучше все четыре этапа пройти несколько раз, чем надолго застревать на одном из них. Вот эти этапы: (1) выделить ключевые элементы, которые, в соответствии с вашим общим представлением об изучаемой теме, социальной проблеме или области, вы собираетесь включить в исследование, и дать им определения; (2) установить логические отношения между этими определениями и элементами; кстати, предварительное построение упрощенных моделей даст наибольший простор для социологического воображения; (3) исключить ложные представления, возникающие из-за пропусков необходимых элементов, неадекватного или неточного определения терминов, неоправданного сужения или расширения объема понятий; (4) дать

максимальное количество различных формулировок для оставшихся без объяснения вопросов о фактах.

Третьим этапом часто пренебрегают, хотя он крайне необходим для адекватной постановки проблемы. Обывательские точки зрения на проблему следует досконально проанализировать, но ни в коем случае на них не останавливаться. Обывательскую точку зрения следует либо тщательно переформулировать в научных терминах, либо отбросить.

Прежде чем принять окончательное решение о необходимости эмпирических исследований для выполнения поставленных задач, я начал набрасывать более широкий проект, внутри которого стал

прорисовываться ряд мелкомасштабных исследований. Снова я обращаюсь к своим файлам. В них сказано следующее.

Хотя вы никогда не сможете получить деньги на реализацию большей части замыслов, необходимо постоянно придумывать новые проекты исследований. Потому что некогда продуманное эмпирическое исследование, даже не реализованное, подтолкнет вас к поиску данных, которые неожиданно могут оказаться важными для понимания того, над чем вы сейчас работаете

Я не достиг того положения, чтобы можно было систематически изучать высшие круги общества эмпирическим методом. Поэтому я принимаюсь за разработку некоторых определений и процедур, которые составили бы своего рода идеальный проект по изучению элит. Можно попытаться (1) собрать уже имеющиеся материалы, относящиеся к данному проекту; (2) обдумать приемлемые способы сбора материалов, задав такие индикаторы, которые относились бы к существенным для моего исследования признакам; и (3) по мере продвижения работы точнее определить задачи полномасштабного эмпирического исследования, необходимого на завершающей стадии.

Разумеется, понятие “высшие круги” нужно систематически определять в терминах специфических переменных. Следуя рассуждениям Парето, в “высшие круги” входят люди, “имеющие” бóльшую часть любого блага или набора благ, которыми располагает общество. Поэтому надо ответить на два вопроса: какие критериальные переменные использовать? что я имею в виду под “большой частью”? Выбрав переменные, я должен сконструировать индексы и по ним построить распределение всего населения. Только тогда я смогу понять, что значит “большая часть”. При этом надо основываться на эмпирических распределениях и отдельных признаков, и их сочетаний.

Независимые переменные должны быть достаточно общими, чтобы был некоторый простор в выборе индексов, и в то же время достаточно специфичными, чтобы их обнаруживать на эмпирическом уровне. Продвигаясь, я должен постоянно переходить от концептов к индексам и обратно, стремясь не потерять искомые значения и в то же время не оторваться от конкретики. Начну с четырех переменных, соответствующих концептам М. Вебера.

I. **Класс** определяется по источникам и величине дохода. Поэтому нужны сведения о распреде-

Глупо планировать полномасштабный сбор эмпирических данных, если ответ можно найти в библиотеке, но не менее глупо стремиться перечитать все книги и только потом переводить прочитанное на язык эмпирических исследований, то есть на язык вопросов о фактах

лении собственности и доходов. Идеальный материал (который представлен весьма отрывочно и, к сожалению, устарел) – двумерная таблица источников и величины годового дохода. Так, мы знаем, что X% населения в 1936 году получило Y и более миллионов и что Z% от всей суммы они получили от владения собственностью, W% – от предпринимательской деятельности, а Q% составили жалование и заработная плата. Пользуясь данным признаком класса, я могу выделить высшие круги – людей, которые имеют больше всех; сюда войдут либо те,

кто получил определенную сумму за данный период времени, либо те, кто составляет верхние два процента в пирамиде доходов. Проанализировать данные о величине состояний или списки крупных налогоплательщиков. Проверить, можно ли получить новейшие статистические данные об источниках и размере доходов.

II. **Статус** определяется степенью оказываемого уважения. Здесь нет простых количественных индексов. Чтобы использовать имеющиеся индексы, нужны личные интервью, но их можно брать только при исследовании местных сообществ и, как правило, не слишком результативно. Есть другая проблема: в отличие от класса статус связан с социальными отношениями, для которых требуются как минимум двое – тот, кого уважают, и тот, кто уважает.

Очень легко спутать известность с уважением, вернее, неясно, следует ли степень известности считать индексом статуса, ведь известности добиться довольно легко. (Например, посмотреть, какие категории людей упоминались в “Нью-Йорк Таймс” в течение 1–2 дней в середине марта 1952 г. и на каких страницах – проработать этот вопрос.)

III. **Власть** определяется способностью реализовывать волю вопреки сопротивлению других. Как и статус, власть трудно операционализировать. Вряд ли можно ограничиться каким-то одним параметром, но придется говорить: (а) об авто-

ритете, который определяется как права и позиционные полномочия в различных институтах, особенно в военных, политических, экономических, и (б) о явной, осуществляемой неофициально, но не институционализированной власти – лидеры групп давления, пропагандисты, имеющие в распоряжении широкую сеть СМИ и т. п.

IV. Род занятий определяется по оплачиваемой деятельности. Здесь тоже надо выбрать такой признак, который можно фиксировать. (а) Если ранжировать средний доход по разным профессиям, то род занятий окажется индексом и основанием деления на классы. Подобным же образом: (б) при определении типичного статуса и власти, которыми располагают представители различных профессиональных групп, профессия окажется у меня индексом и основанием деления по власти, квалификации или таланту. Это отнюдь не самый легкий путь классификации людей. Квалификацию, как и статус, нельзя оценить по единой шкале “больше – меньше”. В попытках трактовать квалификацию как таковую исследователи обычно шли через определение необходимого времени для приобретения того или иного профессионального навыка; наверное, так и придется делать, но надеюсь придумать что-нибудь получше.

Таковы примерно проблемы, которые надо решить, чтобы дать аналитическое и эмпирическое определение высших кругов в пространстве перечисленных четырех ключевых признаков. Теперь надо сформулировать цели проекта. Допустим, я к своему удовольствию решил все эти проблемы и получил распределения населения по каждому из четырех параметров. У меня будет четыре группы людей: те, кто находятся на вершинах классовой статусной, властной и профессиональной пирамид. Предположим далее, что я везде отделил двухпроцентные верхушки в высший круг. Встает вопрос, на который можно дать эмпирический ответ: насколько пересекаются, если вообще пересекаются, эти четыре распределения? Если бы у меня было чем заполнить эту диаграмму, это решило бы многие важные задачи, стоящие перед изучением высших кругов. Она дала бы ключ ко многим дефинициям и разгадке многих сущностных вопросов.

			Класс			
			+ Статус		– Статус	
			+	-	+	-
Власть	+ Навык	+	1	2	3	4
	–	–	5	6	7	8
	– Навык	+	9	10	11	12
		–	13	14	15	16

Если у меня нет данных и я не могу их получить, то возрастает значение чистого рассуждения, ибо, руководствуясь желанием максимально приблизиться к требованиям идеального эмпирического проекта, в своих размышлениях я могу выйти на те индексы, данные о которых будут мне доступны и послужат отправной точкой для дальнейших размышлений.

Для формального завершения общей модели исследования нужно добавить еще два параметра. Для полного понимания высших слоев необходимо обратить внимание на их устойчивость и мобильность. Задача заключается в том, чтобы проследить типичные индивидуальные и групповые перемещения между категориями 1–16 для настоящего и двух-трех последних поколений.

Таким образом, в схему вводится временная биографии (или карьерных продвижений) и исторический фактор. Это не просто дополнительные эмпирические сведения – они имеют принципиальное значение. Ведь (а) вопрос, должны ли мы, классифицируя людей по тому или иному ключевому признаку, определять исторические рамки того, как долго люди или их семьи занимают то или иное положение в обществе, я пока оставляю открытым. Например, классифицируя людей по статусу, или хотя бы по одному из его параметров, к двухпроцентной верхушке я могу причислять только тех, кто принадлежит к ней, как минимум, в течение двух поколений. Кроме того, (б) пока неясно, буду ли я конструировать “слой” только как комбинацию определенных признаков или также учту забытое веберовское определение “социального класса” как людей, занимающих в обществе позиции, между которыми имеет место

“обычное и легкое перемещение”. Тогда низшие “белые воротнички”, средние и высшие наемные рабочие некоторых отраслей промышленности в определенном смысле окажутся в единой страте.

В процессе чтения литературы и анализа имеющихся теорий, планирования идеального исследования, перечитывания своих записей у вас начнет складываться список ваших потенциальных научных трудов. Некоторые из них окажутся слишком грандиозными для реализации, и со временем вы с сожалением от них отступитесь. Другие дадут материал для статьи, параграфа, раздела, главы вашей будущей книги. Третьи составят основу целой книги. Здесь я снова приведу свои первоначальные записи о нескольких проектах.

- (1) Анализ бюджетов времени обычного рабочего дня 10 высших руководителей крупными корпорациями и то же – для 10 высокопоставленных государственных чиновников. Данные наблюдений сочетать с подробными интервью об “истории жизни”. Цель – хотя бы частично зафиксировать временные затраты на основные повседневные дела и принятие решений, попытаться понять, какие факторы влияют на принятие решений. Естественно, процедура будет зависеть от желания человека сотрудничать, но в идеале она должна включать (1) интервью, которое проясняло бы “историю жизни” и его сегодняшнее положение; (2) наблюдение в течение дня, непосредственно в его рабочем кабинете; (3) длительное интервью вечером или на следующий день, в котором подвести итоги всему предыдущему дню и получить отчет о субъективных процессах, сопровождавших наблюдаемое нами внешнее поведение.
- (2) Проанализировать, как люди из высшего класса проводят выходные, непосредственно пронаблюдать обычный их распорядок, а в понедельник проинтервьюировать главу и членов его семьи.

Для выполнения этих двух задач у меня есть довольно хорошие знакомства, а это при умелом использовании укрепит знакомства (добавлено в 1957 году: оказалось иллюзией).

- (3) Исследование затрат и привилегий, которые наряду с жалованьем и прочими поступлениями

формируют стандарт и стиль жизни высших слоев. Идея – получить конкретные данные о “бюрократизации потребления”, о личном потреблении за счет корпораций.

- (4) Собрать новые данные вроде тех, что содержатся в книгах типа “60 семей Америки” Ландберга, написанной по данным о крупнейших налогоплательщиках за 1923 год.

- (5) По данным Федерального казначейства и другим официальным источникам собрать и систематизировать сведения о распределении различных типов собственности среди лиц с различными доходами.

- (6) Изучение карьеры президентов, всех членов кабинета и Верховного суда. Данные с момента принятия Конституции до окончания второго срока президентства Трумэна уже есть на карточках IBM, но хочу расширить количество переменных и заново их проанализировать.

В файлах есть еще около 35 “проектов” подобного типа (например, сравнить затраченные суммы на президентские кампании 1896 и 1952 гг.). Просто нужно соразмерять задачи с возможностями их выполнить.

После составления всех этих проектов я стал читать исторические работы о “верхах”, делая случайные (и неупорядоченные) заметки и интерпретации прочитанного. Не обязательно специально изучать разрабатываемую вами тему, поскольку, как я уже говорил, как только вы “входите” в нее, вы сразу настраиваетесь на ее сюжеты, и они начинают вам видаться и слышаться повсюду, особенно, как мне кажется, в тех сферах, которые вроде бы с темой и не связаны. Даже масс-медиа, особенно плохие фильмы, дешевые романы, иллюстрированные журналы и ночное радиовещание будут раскрывать совершенно новые смыслы. ■

Литература

- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.
- Mills R.W.* White Collar. N.Y.: Oxford University Press, 1951.

Окончание следует

А. Мавлетова

Казино: территория эмоциональности или расчета?*

Фрейм казино

Мы опишем фрейм казино на основе наших наблюдений и проведенных интервью с игроками и персоналом одного из казино, расположенного в Москве, на Новом Арбате. Здесь недалеко друг от друга находятся несколько подобных заведений, что, однако, не говорит о высокой конкуренции между ними в центре Москвы, а напротив, свидетельствует о стремлении извлечь максимальную прибыль из близкого расположения. Прибыль извлекается за счет поддержания вовлеченности игроков в мир казино. Игрока “не выпускают” из этого мира даже на улице: выйдя из одного казино и изначально намереваясь идти домой, человек с весьма большой вероятностью отправится в другое казино, расположенное рядом. Кроме того, часто, когда в одном казино игра “не идет”, игрок перемещается в другое игровое заведение в надежде, что там игра “пойдет”.

Выбранное для наблюдения казино среди игроков слывет массовым, то есть его посещают люди, различающиеся как по уровню доходов, так и по профессиональному уровню игры, хотя в большинстве своем посетители играют на среднем уровне и здесь не так часто можно встретить профессионалов. Это заведение считается довольно демократичным: вход в него стоит по московским меркам недорого – 300 рублей (для сравнения: вход в другое казино стоит 1500 руб-

лей). Посетитель не просто платит за вход – на эту сумму он получает фишки, что повышает шансы на то, что даже новичок, который, может, побоится сам приобрести фишки, начнет играть и именно в процессе игры увеличит свою вовлеченность в этот мир.

Начнем описание с пространственно-временных рамок, маркирующих эмоциональную вовлеченность игроков, а затем перейдем к рассказу о том, какие именно эмоциональные переживания порождает фрейм казино и, в частности, игра в покер.

Пространство

Игру в казино можно отнести к организованной игре, основанной на состязании, в которой имеется арена действия – ограниченное пространство, закрытое для “чужаков”.

Пространство в казино организовано так, чтобы, во-первых, поддерживать вовлеченность на протяжении всего времени, пока игрок находится в игровых залах, и, во-вторых, показать, что территория казино совершенно безопасна. Закрытым это пространство можно считать уже потому, что в казино отсутствуют окна.

А. Слепые окна – закрытость от посторонних

Окно символизирует открытость пространства – принципиальную наблюдаемость всего проис-

* Окончание. Начало см.: Социальная реальность № 3, 2008.

ходящего внутри. Величина окна коррелирует с выражаемой степенью открытости. Большие окна-витрины магазинов вовлекают в мир покупок и превращают проходящих мимо зевак в покупателей.

Отсутствие окон сообщает о закрытости пространства для случайных прохожих: сюда нельзя просто так заглянуть, как в магазин, из любопытства, и с такой же легкостью выйти, нельзя побыть внешним наблюдателем, не вовлеченным в происходящие внутри события. Мир казино закрыт для фланёров и зевак. Попасть туда может только тот, кто заранее обдумал свой поход, в противном случае вовлечение не состоится. Для вовлечения игроки должны полностью “выпадать” из повседневной жизни, а окно – это возможность игрока не терять связь с миром повседневности. Уменьшение степени вовлеченности посетителя в мир игры таит для казино риск не обеспечить полное погружение и растворение посетителя в азартной игре.

Кроме того, казино должно быть местом, где можно *безопасно выигрывать* крупные суммы денег, а это налагает табу и на прозрачные окна, и на наблюдение посторонних. Принципиальная скрытость и безопасность посетителей – базовое условие для функционирования казино.

Итак, полная изоляция казино от других возможных миров и внешних наблюдателей необходима для вовлечения игроков и возникновения у них ощущения безопасности.

Б. Внутренние окна тотального наблюдения

Являясь объектом охраны, внутри казино игрок моментально становится объектом пристального наблюдения. Все пространство казино специально организовано так, чтобы его легко могли обозревать менеджеры и охранники. Наблюдение ведется за игроками и особенно за “чужаками” – новыми для казино посетителями. При этом все происходящее записывается скрытыми видеокамерами, установленными в игровых залах.

Но все эти наблюдатели как бы не в счет, они – рабочие сцены, а не участники.

А как же участники? Все посетители обозреваются, все их действия отслеживаются и фиксируются на видеопленку, однако посетитель

не должен вести наблюдения в игровых залах, ибо это вызывает опасения, даже подозрения у работников казино. Оказывается, основное правило нахождения на территории казино – согласие на то, чтобы быть объектом постоянного наблюдения и отказ от ведения собственных наблюдений. А еще посетитель должен беспрекословно выполнять указания менеджеров и охранников.

Таким образом, казино напоминает институт, в котором одни ведут тотальную слежку за другими. Роли здесь четко разделены: посетитель – это игрок, а не наблюдатель. Это за ним, за его действиями, пространственными перемещениями и игрой ведется наблюдение. И все эти ограничения и неудобства добровольно принимаются игроками, *потому что* тотальное наблюдение ведется ради соблюдения правил игры, обеспечения *fair play* (“чистой игры”). В конечном счете, посетители понимают, что это делается для их собственной безопасности:

“Везде стоит куча камер. Но ты знаешь, что все это ради тебя” (интервью № 1).

В. Игровые залы

В интересах игроков, точнее, ради их вовлеченности, организовано и пространство игровых залов. Рассмотрим подробнее размещение игровых залов и пространство каждого из них.

Наше казино начинается с зала игровых автоматов (*рис. 1*), в который можно войти бесплатно и не проходя пункт охраны. В общем, фактически находясь на территории казино, посетитель в само казино еще не входит. Однако этот зал выполняет две важные функции: на входе он постепенно, но настойчиво погружает посетителя в мир игры, а на выходе дает шанс продлить вовлеченность игрока. Во втором случае, то есть на выходе, посетитель может напоследок проверить удачу и в результате либо “закатать” (в казино это означает “проиграть”) выигранные, например, в покер, деньги, либо попробовать отыграться, если деньги уже “закатаны”.

“Если я в одной игре проиграл, иду отбиваться в другой. Например, если в покере проиграл, пойду против казино или в автоматы отыгрываться” (интервью № 6).

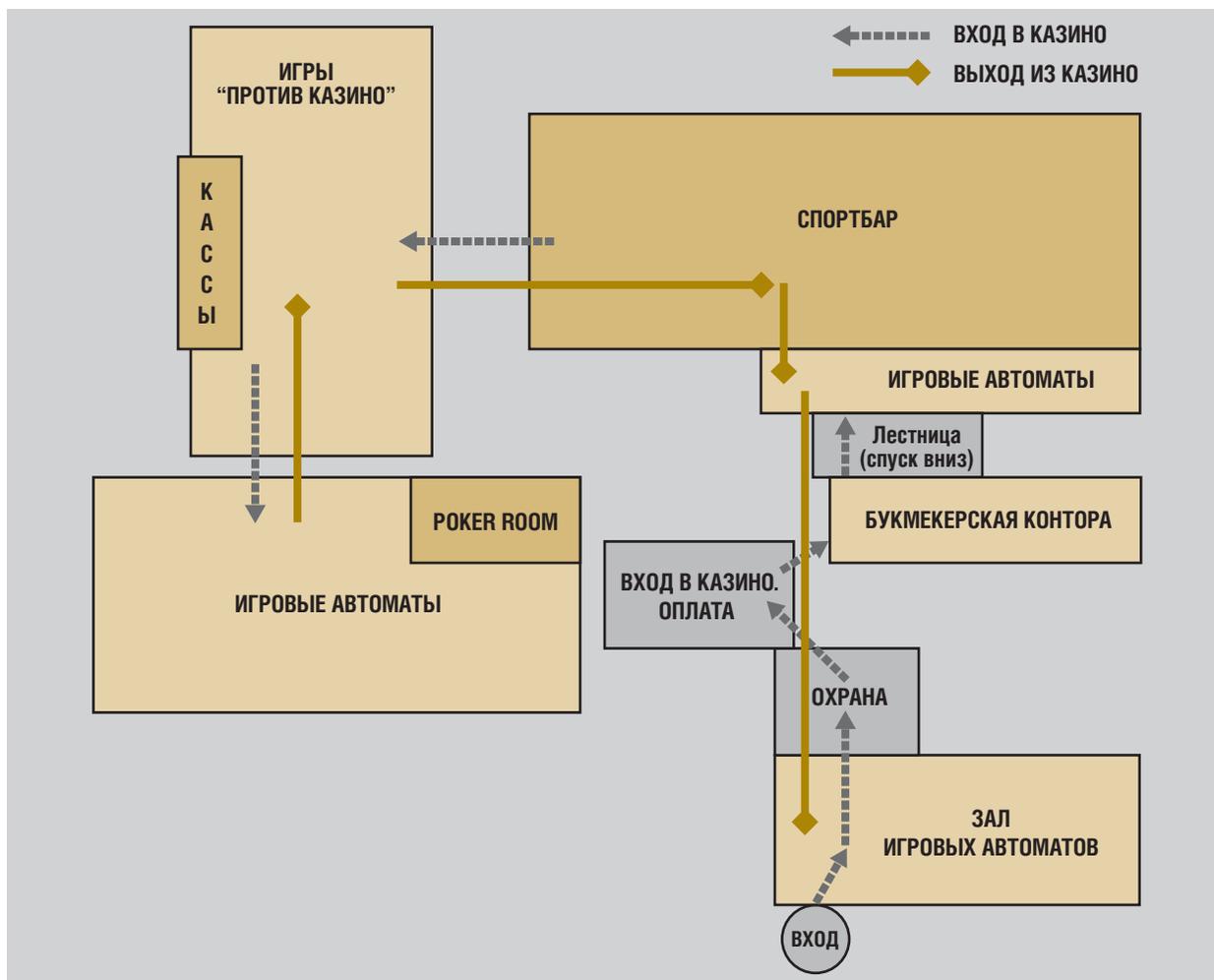

Рис. 1

Так сказал игрок, который было “решил уйти пораньше” и попрощался с автором в одном из игровых залов, а через полчаса был обнаружен как раз в зале игровых автоматов на выходе. Таким образом, пространство организовано так, чтобы поддерживать вовлеченность игроков до самого выхода из казино: все сделано ради того, чтобы как можно дольше удерживать человека в фрейме казино.

Однако собственно казино начинается с пункта охраны. Здесь сразу попадаешь в мир, где копировать жизнь запрещено: все записывающие устройства – фотоаппараты, видеокамеры, диктофоны, ноутбуки, плееры – табуированы. Тайнами этого мира игрок не может поделиться ни с кем, кто сам не посещал казино. С ними можно соприкоснуться, лишь окунувшись вживую, лично пережив вовлеченность.

Расположение игровых залов в казино

Охраняемость пространства порождает чувство, что здесь, в казино, происходит что-то необычное, выпадающее из мира повседневной рутины. Охраняемость и закрытость пространства уже на входе дает ощущение особенности, необычности. Вы являетесь объектом наблюдения, вернее, тем, кого охраняют. Вы – важная персона, и единственное, что должны здесь делать, – играть и по возможности выигрывать.

“Обстановка такая, что чувствуешь: здесь крутятся деньги” (интервью № 1).

Когда посетитель проходит охрану, за стойкой его встречают девушки. Отсюда каждого посетителя начинают классифицировать либо как *своего*, либо как *чужого*. *Свой* – это, прежде всего, постоянный игрок, которому оформили клуб-

ную карту, дающую право посещать казино бесплатно. Клубные карты дают бесплатно, однако важен социальный капитал. Менеджер лично принимает решение о выдаче карты в зависимости от длительности и регулярности посещения игроком казино, находящихся в его распоряжении сумм, знаменитости и др. Например, один из информантов получил клубную карту от знакомого менеджера: тот работал ранее в другом казино, где одним из постоянных игроков был наш информант. Клубные карты усиливают ощущение закрытости этого мира для новичков и одновременно укрепляют ощущение безопасности пространства:

“Ты заходишь в охраняемый мир. Заходишь, показываешь карту, а это означает, что сюда просто так не войти... Казино – это безопасность, здесь высокий уровень обеспечения твоей безопасности” (интервью № 1).

Клубная карта позволяет бесплатно проводить с собой еще одного человека: так в мир казино вовлекаются друзья и знакомые игроков.

Своим можно стать и без клубной карты, если достаточно часто, почти ежедневно посещать заведение. *Свой* виден сразу – по тому, как он по-своему здороваётся с другими игроками, дилерами и менеджерами, и как его зовут – просто по имени либо по прозвищу, закрепившемуся в казино (Студент, Монгол, Мафия (завсегдатай-итальянец) и т. п.).

Заплатив 300 рублей и получив на эту сумму игровые фишки или показав клубную карту, игрок оказывается в казино в полном смысле этого слова. Его взору открывается букмекерская контора, где принимают ставки на спортивные соревнования. Спустившись по лестнице, можно попасть в спортбар. Там стоят большие телевизионные экраны и всегдалюдно и шумно. Прямо у входа в спортбар располагаются игровые автоматы: сидя в спортбаре, люди также должны иметь возможность не только смотреть спортивные телетрансляции, но и играть – на деньги. И здесь игровые автоматы продляют вовлеченность: игроки перед уходом из казино часто останавливаются у игровых автоматов в спортбаре, чтобы напоследок попытаться удачи.

В следующем за спортбаром зале играют *за столами*, то есть против казино. Здесь можно сыграть в рулетку, крэпс, блэкджек и покер. Здесь же расположена касса, в которой деньги обмениваются на фишки. В кассе также можно обменять валюту по льготному курсу, что является еще одним стимулом, чтобы посетить казино и при случае легче расстаться с деньгами. Для предпринимателей, стремящихся получить прибыль на любой операции, льготный обменный курс довольно важен:

“Знаешь, обмен валюты – ведь тоже одна из причин, по которой ходишь в казино. Там льготный курс: поменял, например, 10 000 долларов, и это ощутимо, так как можешь выиграть на обмене 100 долларов” (интервью № 1).

Из зала, где играют против казино, можно перейти в рокег room, где посетители играют в покер друг против друга. Это – пример игры с нулевой суммой: игроки соревнуются друг с другом, и выигрыш одних в точности равен проигрышу других. В зале – 4 игровых стола, место для менеджера и игровые автоматы. В автоматы здесь можно поиграть во время паузы между играми или когда “не идет игра” и “нужно” пропустить кон, развеяться, “покатать” (то есть поиграть) в автоматы. В этом зале можно еще бесплатно взять номера двух российских ежемесячных журналов, посвященных покеру: *Casino Games* и *Poker Europa*. В них можно узнать информацию о турнирах, прошедших за последний месяц в российских казино, об известных игроках, о тактиках игры в покер, а также о предстоящих розыгрышах и сумме возможных выигрышей во всех московских казино. Вот так, например, выглядит стандартный анонс в журнале *Casino Games* (*Casino Games*. 2007. № 5. С. 52), рассчитанный на внимание всех игроков:

АФИША РОЗЫГРЫШЕЙ КАЗИНО ГОРОДА МОСКВЫ

*В этом месяце 56 московских казино
готовы раздать своим посетителям более
5 000 000 долларов*

Все, что доходит до глаз и ушей игроков – цветовая гамма, украшения, мебель, зеркала, освещение и, конечно, музыка, – проектируется так, чтобы завладеть вниманием игрока, увлечь его и окружить комфортом, снизить риск малейшего неудобства.

“Здесь ощущаешь себя очень-очень комфортно: какая-то особая атмосфера, спокойная музыка, вежливый и предусмотрительный персонал, особое отношение к тебе – в общем, здесь чувствуешь себя очень хорошо” (интервью № 2).

В наблюдаемом нами казино стены игровых залов и напольные ковры решены в классическом для казино тоне – успокаивающем зеленом. Чуть приглушенный свет над столами, спокойная фоновая музыка, телевизоры, транслирующие футбольные или хоккейные матчи, – здесь все создано, чтобы поддерживать атмосферу, в которой игрок будет чувствовать себя наиболее удобно, чтобы играть.

“Здесь одно слово – комфорт: приятная музыка, обслуживание, бесплатная выпивка, цвета, музыка, сам процесс игры – все нравится” (интервью № 5).

“Есть большие казино, где вообще трудно сориентироваться, и они просто глушат светом, зеркалами, блеском. Зайдешь в такое заведение и на мгновение вообще теряешь ощущение реальности происходящего. Наоборот, в небольшом казино можно обнаружить приглушенный свет, тихую музыку, освещенные игровые столы: здесь все дает сосредоточиться только на игре” (интервью № 3).

Наблюдаемое нами казино скорее относится ко второму типу. Хотя из спортбара доносятся иногда радостные или огорченные крики болельщиков, в игровых залах поддерживается спокойная атмосфера и все внимание сосредоточено на игре.

На стенах можно увидеть фотографии победителей турниров и различных розыгрышей, что поддерживает ощущение *реальности* выигрыша в казино, стимулирует посетителей не бросать игру и пытаться выиграть. Здесь каждый имеет воз-

можность стать победителем – об этом говорят фотографии удачливых игроков. На стене игрового зала можно также увидеть величину “джек-пота” – огромную сумму, привлекающую внимание игроков и поддерживающую у посетителей иллюзию возможности быстрого выигрыша.

Персонал с посетителями очень вежлив. Между официантками и игроками устанавливаются достаточно фамильярные отношения, и посетители подзывают их по имени или фамилии. Все наши информанты отмечали как важное преимущество бесплатную еду и выпивку. Например:

“В казино нравится отношение персонала, но что самое классное – здесь бесплатная выпивка и еда (смеется)” (интервью № 2).

Жажда и голод не должны мешать вовлеченности в игру. Спрашивая игроков о том, насколько прибыльна для них игра в казино, автор неизменно получал ответ, что они в среднем выходят “на нули”, либо остаются “в плюсе”. Но, принимая во внимание бесплатные напитки и еду, может сложиться впечатление, что в “минусе” ты не остаешься точно:

“Вообще в игре стараюсь контролировать расходы. Ну, в целом получается на нулях. Хотя, если посчитать еще все наеденное в казино, то даже и в плюсе. Причем тут всё хорошего уровня. Еда, напитки – всё хорошего качества. Так что получается – пришел, поел, пообщался, поразвлекался, еще и выиграл” (интервью № 6).

Завсегдатаи могут оправдывать предпочтение казино другим видам развлечения тем, что за все другие развлечения надо платить, а в казино не только еду и напитки получаешь бесплатно, но есть вероятность и денежного выигрыша.

“Надо воспринимать казино как один из видов развлечения, но более прибыльный. Например, ты идешь в бильярд или в боулинг играть, но там ты просто постоянно тратишь, а в казино можешь и выиграть” (интервью № 1).

Итак, пространство казино организовано таким образом, чтобы посетители забыли серый, скучный мир повседневности, где нет места эмоциям и страстям, великим победам и поражениям;

чтобы они перенеслись в прекрасный и яркий мир, где индивид сам управляет своей судьбой, принимает рискованные решения, испытывает огромное удовлетворение от удачной игры и погружается в бездну отчаяния в случае проигрыша. Сильная степень вовлеченности обеспечивается эмоциональной составляющей.

Время

Фрейм казино конституируется не только пространством, но и временем игры. Как пишет Альфред Шютц, «общность времени относится не столько к количеству внешнего (объективного) времени, разделяемого партнерами, сколько к тому, что каждый из них участвует в регулировании внутренней жизни Другого» [Шютц, 2003. С. 211]. В действительности фрейм казино не предполагает существования астрономического времени, регулирующего повседневную деятельность. Более того, казино намеренно пытается исключить из фрейма категорию объективного времени: оно открыто 24 часа в сутки, 12 месяцев в году, и его фрейм не знает внешнего времени. В казино игрок не найдет никакого упоминания о времени: здесь нет ни календарей, ни часов, ни окон. Игрок не может узнать время у дилеров: им запрещено носить часы. Нет здесь смены времени суток, времен года. Есть только игра – и время игры.

“В казино нет часов: там нет времени, там только время игры... Ты вообще не должен знать, сколько времени – сколько времени ты играешь, сколько ты здесь находишься, сколько еще будешь здесь находиться. Время – это то, о чем ты забываешь. Ты просто играешь, играешь и играешь, а за игрой время пролетает незаметно” (интервью № 1).

Итак, время во фрейме казино – это время игры, разделяемое всеми участниками взаимодействия. Игроки, разделяя общее пространство, вступают друг с другом в довольно близкие отношения, лицом к лицу, наблюдают друг за другом в ходе игры и своей игрой оказывают влияние на других участников. В процессе совместной игры у участников одно время на всех. При этом время за игрой, увлечение которой доходит до самозабвения, пролетает незаметно. Игрок никогда не сможет сказать, сколько времени он пробудет в казино. В казино об игре говорят как о целом, которое никак не соотносится ни с астрономическим временем, ни с какими-либо другими посторонними циклами. Разговаривая с информантом, играющим в покер, автор постоянно пытался спросить, как долго по времени он будет находиться в казино, и неизменно получал ответ: “Не знаю. Столько, сколько будет длиться игра”.

У завсегдатаев каждодневное посещение казино становится нормой:

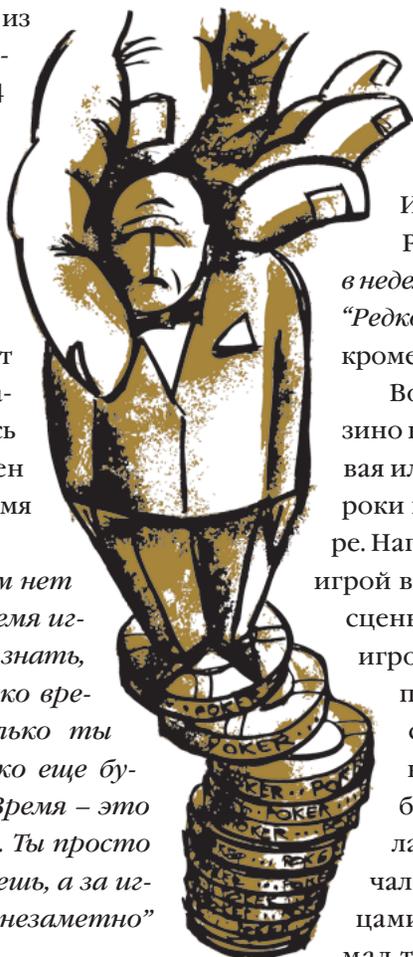
Интервьюер: *Как часто ты посещаешь казино?*

Респондент: *Раньше каждый день здесь зависал.*

Интервьюер: *А сейчас?*

Респондент: *Редко хожу: 2–3 раза в неделю – в покер играю* (интервью № 2). “Редко” здесь едва ли означает что-нибудь кроме “реже обычного”.

Вовлеченность игроков во фрейм казино настолько высока, что, даже выигрывая или проигрывая огромные суммы, игроки не делают больших перерывов в игре. Например, однажды автор, наблюдая за игрой в покер, стал свидетелем следующей сцены. Студент (так его называли другие игроки) на протяжении получаса играл плохо: ему не шла карта, он не просчитывал ситуацию, делал нерациональные ставки, блефовал и поэтому быстро проиграл больше тысячи долларов. Из-за этого он сильно нервничал, крутился на месте, постукивал пальцами по столу, матерился, надевал и снимал темные очки, лихорадочно курил,

и в итоге ушел в другой зал играть в покер против казино. За двадцать минут проиграл там пятьсот долларов, пришел обратно, рассказал о неудаче. Опять начал играть и в отчаянии воскликнул: “Вот выиграл бы я сейчас 4 штуки и неделю бы точно сюда не ходил, вообще уехал бы куда-нибудь. Целую неделю от всего бы этого отдохнул!” Остальные восемь игроков за столом уверенно возразили: “Да ладно, не ври! На следующий день опять бы сюда пришел!” Студент, подумав некоторое время: “Да, точно. Конечно, пришел бы. Даже если бы уехал, там бы тоже пошел играть!”

Игроки сами осознают собственную вовлеченность в мир казино и понимают, что не в состоянии даже при больших проигрышах или выигрышах сделать перерыв. Однако если время “невезения” затягивается, и игрок на протяжении долгого времени проигрывает, влезая при этом в долги, он может сделать некоторый перерыв. Две-три недели непосещения казино классифицируется как довольно долгий период.

“Респондент: Этим летом катастрофически не везло: тысяч 5–7 за неделю проиграли. Подумали и решили, что нужно паузу сделать. И долгое время не играли.

Интервьюер: А как долго не играли?

Респондент: Ну, долго. Недели две-три” (интервью № 1).

Время игры делится участниками на удачливое и неудачливое. Например, есть у посетителей казино понятие “пятиминутка” – довольно короткий отрезок времени, когда игрок выигрывает практически любой картой. Часто можно услышать обоснование выигрыша соперника именно этой временной благосклонностью фортуны. “Пятиминутка!” – кричат игроки и этим обосновывают, почему “везет” на протяжении некоторого времени не им, а сопернику.

“Пятиминутка – это когда любая карта, но ты выигрываешь: выигрываешь-то, может, совсем ни на чем, на плохих картах.

Это очень короткий момент времени, но он существует” (интервью № 5).

Цель игрока в удачливое время – максимизация выигрыша, в неудачливое – минимизация проигрыша. Здесь самый главный навык – умение остановиться. Если игроку сильно не везет и он проигрывает большую сумму, надо вовремя заставить себя прекратить игру, а не продолжать ее в надежде на выигрыш. И наоборот, если игрок выигрывает большую сумму, то нужно также уметь вовремя уйти с выигрышем. Этот навык, однако, очень сложно выработать. Вовлеченность игроков всегда настолько высока и зачастую неконтролируема, что, проигрывая, человек ставит не только все имеющиеся деньги, но и влезает в долги, чтобы иметь возможность продолжать играть. Поэтому можно часто услышать довольно трагичные истории о невероятно больших проигрышах. Умение вовремя прекратить участие в игре является решающим для каждого игрока.

“Понимаешь, умение остановиться – вот самое главное в игре. Есть “игра по замазке” – это означает, что ты просто не можешь остановиться играть. Бывает “минусовая замазка” – это когда ты много проиграл и отыгрываешься, делаешь все, чтобы отыграться. Бывает “плюсовая замазка” – это когда ты выиграл большой банк, у тебя уже много денег, и ты веришь в удачу: начинаешь играть более расслабленно, тебе хочется кэш и выигрывать еще больше и больше, но ты уже хуже оцениваешь ситуацию и начинаешь проигрывать и проигрывать. И здесь самое главное – остановиться. Остановиться играть. Это умение должно приходиться со временем” (интервью № 1).

Основное правило нахождения на территории казино – согласие на то, чтобы быть объектом постоянного наблюдения и отказ от ведения собственных наблюдений

Казино настолько захватывает и удерживает внимание индивида, полностью поглощая его, что даже опытным игрокам сложно вовремя прекратить игру. Поэтому, чтобы вовремя остановиться, игроки ищут различные внешние ограничители. Один из таких ограничителей – брать с собой в казино определенную сумму и при про-

игрыше ни в коем случае не брать в долг у других игроков.

“В основном я стараюсь брать с собой небольшую сумму, около 100 долларов, чтобы не было разбега для проигрыша” (интервью № 5).

“Я раньше вообще не мог остановиться играть. Все играл и играл в рулетку. И в долг занимал постоянно, чтобы отыграться, но и эти занятые деньги спускал тоже. Как только начинаешь играть в рулетку, не можешь остановиться, смотришь на нее как завороченный. Так однажды за одну ночь 30 000 рублей спустил, а за три месяца сумма моих общих кредитов выросла с 200 000 рублей до 500 000. И я понял, что с этим надо что-то делать. Теперь беру с собой не больше 1500 рублей: в долг не беру, а если выигрываю полторы тысячи, то сразу ухожу из казино, или если проигрываю столько, сколько с собой взял, тоже сразу ухожу. Так я себя могу контролировать” (интервью № 2).

Нечто подобное говорил и менеджер казино.

“Один из принципов казино состоит в том, что здесь выигрывать можешь до бесконечности, пока везет, правда, но и проиграть можешь сразу все – все, что у тебя есть. Поэтому остановиться в казино и перестать играть очень сложно. Пока есть в кармане хоть какие-то деньги или пока тебе их кто-то занимает, ты будешь играть, потому что здесь очень велика иллюзия быстрого выигрыша” (интервью № 3).

Вовремя прекратить игру могут помочь другие игроки. Рассказывали, например, как однажды Студенту советовали прекратить игру все сидящие за покерным столом игроки. “Слушай, хватит замаски: ты и так нас сегодня накормил (“кормить” означает “дарить” деньги в игре). Иди лучше отоспись!” – советовал ему ближайший

сосед, у которого в этот день очень удачно складывалась игра. Сам Студент, соглашаясь с доводами, остановиться не мог и все больше проигрывал, влезая в долги.

Самому прекратить игру, то есть *укротить* собственную вовлеченность, зачастую не удается.

Эмоциональная вовлеченность участников поддерживает чувство социального, обостряет ощущение реальности происходящего. Прекратить игру – неподсильная задача для одного, потому что для этого нужно намеренно исключить себя из реальности социальных отношений, которую разделяют все присутствующие. Полностью погружаясь в мир казино, индивид трансформирует

свою индивидуальную *сущность* и входит в *сущность* коллективную, обнаруживает себя в реальности, разделяемой с другими участниками игры, взаимодействующими лицом к лицу. Эту трансформацию поддерживает и разрыв с внешним обыденным миром.

Дресс-код

Далекие от мира казино люди полагают, что игровые заведения накладывают жесткие ограничения на внешний вид посетителей: строгие дресс-код и фейс-контроль – вот основные ограничения на вход в казино, которые приходят в голову большинству людей. Принято думать, что в мире казино царят роскошные наряды и дорогие украшения, вечерние платья и эксклюзивные костюмы, элегантный стиль и утонченный вкус. Однако в последнее десятилетие казино претерпело огромные изменения, и сегодня в большинстве игровых заведений ограничения на одежду игроков вообще отсутствуют: единственное универсальное требование к одежде – ее опрятность. Лишь в некоторых казино устанавливают запрет на спортивную одежду, кроссовки и шорты.

“Платежеспособность человека и его желание играть оказываются важнее того, что на нем

Пространство организовано так, чтобы поддерживать вовлеченность игроков до самого выхода из казино: все сделано ради того, чтобы как можно дольше удерживать человека в фрейме казино

надето» [Лайдинен. 2007. С. 74], – такова формула современного подхода казино к внешнему виду посетителей. Главной задачей казино становится обеспечение максимального комфорта для всех посетителей. Одежда не должна препятствовать посещению игрового заведения, не должна мешать вовлеченности игрока, а наоборот – усиливать ее. Джинсы, футболка или рубашка, на ногах удобные кроссовки или даже кеды – в общем, игроку позволено надевать такую одежду, в которой все его мысли будут сосредоточены на игре. Для казино это означает готовность игрока оставить здесь свои деньги:

“Есть такой фильм “Все на зеро” – один из новых русских фильмов. Так вот, там совершенно мифическое отображение мира казино, что нужно одеться в очень дорогую одежду, чтобы впустили в казино. Это не совсем так. Есть, конечно, казино с очень строгим дресс-кодом, но в большинстве своем главное – не как человек одет, а то, что он готов потратить здесь деньги” (интервью № 1).

Очень важно, чтобы к выходу в казино не нужно было специально заранее готовиться: “В казино можно отправиться прямо после работы, встречи с друзьями или спортивных занятий” [Лайдинен. 2007. С. 76]. То есть игрок должен иметь возможность посещать казино в любое время суток, когда у него появляется время, и дресс-код не должен этому препятствовать. Вот как обосновал посещение казино один из информантов.

“Вот мы ходим в казино, чтобы после работы переждать пробки. Ехать домой на Дмитровку вечером – это просто мрак. Ехать можно несколько часов. Поэтому идем в казино и там пробки пережидаем, а поздно вечером спокойно можно проехать” (интервью № 6).

Выход в казино для игрока не должен быть особым событием. Казино можно посетить, чтобы “убить” время, подобно тому, как, например, “убивают” время прогулкой по магазинам или просмотром развлекательных журналов. Моменты времени “до”, “после” или “между” – между встречами, перед вылетом или посещением фитнес-клуба, после работы – как будто естественным образом выпадают из структуры повседневности.

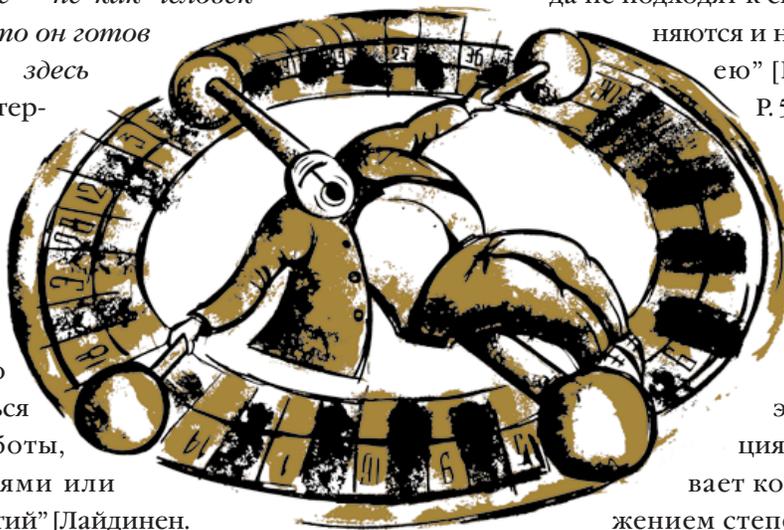
Эмоции во фрейме казино

Легко представить, какие эмоции должно испытывать людям в определенных социальных ситуациях: печаль и грусть – на похоронах, радость и счастье – на свадьбах. Ситуации определяют надлежащие эмоциональные состояния. Как пишет Арли Рассел Хохшильд, в каждой ситуации мы управляем нашими эмоциями, и это управление остро осознается, “когда чувства индивида не подходят к ситуации, не объясняются и не легитимируются ею” [Hochschild. 1979. Р. 563]. Тогда мы намеренно пытаемся изменить качество или степень выражаемой эмоции, вызвать приличные ситуации эмоции. Социализация чувств устанавливает контроль над выражением степени, направления

и длительности аффектов в любом взаимодействии [Shott. 1979. Р. 1319].

Какие эмоции следует испытывать игрокам в казино? Какие именно переживания должны происходить в индивидах, участвующих в коллективных практиках в казино?

Если в религиозных ритуалах, которые описывал Эмиль Дюркгейм, индивиды испытывают невероятное по силе возбуждение и бурление чувств, их интегрирующее, то в казино игроки, находясь “по разные стороны баррикад”, испытывают совершенно разные эмоции. Выигры-

вающий испытывает радость, проигрывающий – огорчение и, возможно, страх не отыграть потерянное. Как рассказывал дилер,

“Люди здесь не переживают какие-то эмоции вместе, а совсем наоборот. В казино эмоции разобщают. Люди испытывают совершенно разные чувства: что одним радость, другим – потеря” (интервью № 4).

В казино преобладают действия, ориентированные на получение индивидуальных эмоций, – действия, распространения которых так боялись классики социологии.

“Понимаете, здесь никто никому ничего не обязан, ты никому не нужен, и каждый заботится только о своем выигрыше” (интервью № 7).

Как сказал бы Норберт Элиас, в казино легитимный выход находят агрессивные эмоции. Общее нервное возбуждение и беспокойство, которые испытывают игроки за столом, несмотря на проигрыш или выигрыш, – вот что их объединяет. Выброс эмоций и адреналина – за этим, по нашему мнению, люди и приходят в казино.

Менеджер казино в интервью не устал повторять, что центральными в казино являются сильные эмоциональные переживания, из-за которых игроки и посещают казино постоянно:

“Посетители казино довольно сильно различаются как по классу, так и по отношению к игре. Что их роднит – так это чувство азарта в момент игры. Т. е., несмотря на, казалось бы, главную цель – выиграть деньги, все равно основная цель прихода в казино – это эмоции, порция адреналина, которая вырабатывается в момент решающей ставки. Кому-то надо поставить сто долларов, кому-то – тысячу для того, чтобы испытать это чувство. Есть игроки, которые не умеют выигрывать. Они получают свою дозу эмоций во время проигрыша. В общем, по моему мнению, эмоции занимают здесь самое главное место” (интервью № 3).

Игроки также отмечали, что в игре привлекает именно переживание эмоций:

“Поначалу было желание денег – поднять на халяву. Потом стала вовлекать сама иг-

ра: решать, на что и какую именно ставку поставить, просто смотреть, как вращается колесо, скачет шарик, твои переживания в этот момент” (интервью № 2).

Самая сильная по степени выражения радость от выигрыша проявляется в рулетке. Считается, что в этой игре сложнее всего просчитать результат, что делает ее незаменимой в проверке фортуны. Если игрок выиграл в рулетку – ему повезло, удача на его стороне, и это вызывает сильные эмоции:

“Много, на мой взгляд, тех, кто приходит за азартом, эмоциями, возможностью разрядиться. Бывают настоящие энергетические вампиры: им нравится наблюдать чужие эмоции. Бывают просто зависимые люди. Эта зависимость, видимо, тоже коренится в эмоциональной сфере. Кстати, показательно в этом смысле то, что электронные рулетки, где шарик крутит не человек, а машина, не пользуются популярностью. Игроку интересно не просто поиграть с законами теории вероятностей, но поиграть с человеком” (интервью № 4).

Играя с людьми, можно сравнить свою удачу с удачей других. А в случае проигрыша всегда можно найти виновного. При сильном огорчении от проигрыша игроки иногда открыто злятся и винят дилера: неправильно раскрутил шарик, раздал невыигрышные карты. Поэтому дилеры бывают любимые и нелюбимые.

Но в большинстве своем эмоции в казино не показывают. Важным навыком игроков становится контроль над эмоциями, умение скрыть их от других. Игроки приходят в казино не просто получить сильные эмоции и легитимным способом выразить агрессивные импульсы. Здесь важно показать (себе и другим), как в условиях неопределенности, во время роковых событий с непредсказуемым результатом ты можешь, несмотря на возможные проигрыши и неудачи, показать свой характер, справиться с эмоциональным состоянием и сконцентрировать усилия на достижении победы. Как пишет И. Гофман, “специфика моральности игры” состоит в том, чтобы показать силу характера, способность

эффективно и правильно вести себя в ситуации, в которой возможны значительные последствия [Goffman. 1967. P. 217, 240]. В казино действия игроков направлены на самоутверждение: здесь демонстрируется характер и самость индивида. Таким образом, казино задает ситуацию, в которой участники, контролируя эмоции, *соревнуются характерами* и переживают большее эмоциональное возбуждение тогда, когда на фоне других удастся показать *силу собственного характера*.

Игроку может повезти, ему могут прийти хорошие карты, но он выигрывает потому, что вовремя оценил ситуацию, принял правильное решение – когда и какую ставку поставить на кон. В итоге игрок испытывает эмоциональное возбуждение от того, что он справился с ситуацией неопределенности, справился с эмоциями и вышел победителем.

Возбуждение и удовлетворение сильнее, когда игрок одерживает победу над *другими* игроками, например в покере.

В журнале Casino Games покер подается как модель жизни: “Искусство игры в покер сродни искусству жить и побеждать” [Гик, Лесной. 2007. С. 10]. У кого выиграть, кого победить – имеет значение.

“Конечно, удовольствие от игры зависит не только от выигрыша и победы, а вообще от состава стола. Бывают столы интересные, и там интересно выигрывать, а бывает, когда игра идет вяло, люди скучные. Естественно, стараешься выбрать стол, состав, игру, где поинтереснее и выиграть можно” (интервью № 6).

Наибольшее эмоциональное удовлетворение игрок получает, когда на протяжении всей игры, несмотря на проигрыши, он не теряет самообладания и контроля над собой, но, наоборот, собирается с новыми силами и побеждает – прежде всего себя, а затем уже и других игроков.

Однажды автор наблюдал, как один из игроков в покер проиграл большую сумму денег. После проигрыша, внешне абсолютно спокойный, он подошел к своему знакомому и попросил у него в долг – всего сто долларов. С этой сотней он присоединился к другому покерному столу, стал действовать агрессивно и очень рискованно, но в то же время очень успешно. Внешним спокойствием и легкостью в принятии решений, когда и какую ставку поставить, видимой отстраненностью от игры и абсолютным самообладанием во время больших проигрышей и выигрывшей он полностью подходил под описание *идеального* игрока, *укрощающего* свои эмоции. Тот вечер для него закончился крупным выигрывшем.

Игра в покер

Этот вид игры является наиболее интересным для социологического анализа, потому что здесь происходит взаимодействие между соревнующимися игроками. Выражение эмоций, если оно происходит спонтанно и нерефлексивно, дает соперникам информацию, по которой возможно догадаться о достоинстве карт. Поэтому игроки пытаются контролировать выражение лица, жесты, скрывают глаза под темными очками, чтобы свести к минимуму риск угадывания их карт по внешним признакам.

Игра в покер друг против друга проходит в отдельной комнате – *roker room*.

Посетители играют за овальными столами, на которых отмечены места для дилера и девяти игроков (*рис. 2*).

В основном автор наблюдал одну из самых популярных разновидностей игры в покер – *техасский холдем* (Texas Holdem). Играют в нее от двух до десяти человек, но чем больше игроков, тем больше банк (сумма выигрыша) и тем интереснее процесс игры.

В казино, где автор вел наблюдение, между игроками установились достаточно фамильярные отношения: они все знали друг друга и встречались за игрой

каждый вечер. Большинство игроков – мужчины, и за столом слышались довольно грубые шутки, колкие замечания и матерные слова. Игроки, по-видимому, ценили это “мужское” общение.

“Раньше шел в казино за азартом: было интересно, волнительно от игры. Проиграешь – не проиграешь. А сейчас азарт несколько убавился. И идешь в основном за общением: с ребятами посидеть, посмеяться, поболтать” (интервью № 6).

Сначала каждому игроку втемную (то есть не показывая другим игрокам) раздают по две карты. В процессе игры дилером открываются и выкладываются в центр стола пять общих карт. Цель игрока – набрать из своих и общих карт наилучшую комбинацию.

Дилеры, меняясь примерно каждые полчаса, раздают карты, спрашивают ставки и выдают выигрыш. Игроки разговаривают, подшучивают и делают ставки. Так может продолжаться несколько часов.

До раздачи карт дилером игрок, перед которым располагается *кнопка* (*button*, точка отсчета, передвигающаяся с каждым новым коном по часовой стрелке от одного игрока к другому), втемную делает ставку, равную половине минимальной ставки. Такую ставку называют *смайл блаинд* (*small blind*). Следующий по часовой стрелке иг-

Покерный стол

Рис. 2

рок тоже делает ставку втемную, но уже равную минимальной ставке (*биг блаинд* – *big blind*).

Дилер раздает карты, и начинается первый круг торговли – префлоп. Дилер, обращаясь к каждому следующему игроку, говорит: “Ваше слово”, и игрок при этом обращении должен сделать ставку. Ставки делают по очереди по кругу. Первая ставка делается довольно быстро. Игрок может сделать *чек* – уравнять ставку (тогда он стучит два раза по столу пальцами и бросает на стол обязательную минимальную ставку), может сделать рейз (*raise*) – увеличить ставку, может сделать пас и выбросить карты, а может поставить на кон *олл-ин* (*all in*), т. е. все имеющиеся у него фишки. Если один из игроков делает рейз,

Королевский флэш (*Royal Flush*) – пять карт от десятки до туза одной масти, наивысшая комбинация в покере.

Стрейт флэш (*Straight Flush*) – пять последовательных карт одной масти (например, крестовые двойка, тройка, четверка, пятерка, шестерка).

Каре – четыре карты одного достоинства (например, четыре дамы).

Фул хаус (*Full House*) – три карты одного достоинства и две – другого (например, три дамы и две пятерки).

Флэш (*Flush*) – любые пять карт одной масти (например, пять бубновых карт).

Стрейт (*Straight*) – пять последовательных карт (например, десятка, валет, дама, король, туз). Каждый возможный стрейт будет содержать или пятерку, или десятку.

Сет или тройка – три карты одного достоинства (например, три дамы).

Две пары – две карты одного достоинства и две – другого (например, две семерки и две дамы).

Пара – две карты одного достоинства (например, две дамы).

Старшая карта – если никто не собрал комбинацию, то выигрывает игрок, у которого старше карта.

другие пересматривают свои ставки и должны сделать такую же либо большую ставку или пасовать. После первого круга торговли дилер открывает из колоды три карты (флоп) и выкладывает их в центре стола. Это общие для всех игроков карты, так называемые *community cards*, которыми пользуется каждый игрок для образования комбинации из 5 карт.

После открытия флопа (первых трех карт) начинается второй круг торговли. Игроки, уже оценивая свои собственные карты, карты на флопе и ставки, сделанные в первом круге торговли, могут делать более рискованные ставки. На этом этапе решения принимать труднее, хотя внешне игроки ведут себя спокойно, стараются скрыть возможные нерешительность и сомнение. Когда ставки сделаны, дилер открывает четвертую карту – *терн* (turn), и начинается следующий круг торговли.

С каждым кругом вовлеченность игроков увеличивается. Решения о том, какую именно сделать ставку, “погнаться” ли за ставкой соперника или сделать пас, даются все тяжелее и тяжелее. Банк с каждой ставкой увеличивается. Атмосфера за столом все более накаляется, и здесь, как сказал один из игроков, все более чувствуется, что игра за столом – это “нервы, нервы и еще раз нервы”. Общая нервозность выражается в грубых мужских насмешках друг над другом, ругательствах, отгадывании карт игроков, делающих высокие ставки. Как комментирует дилер казино:

“Атмосфера здесь очень наэлектризована, насыщена эмоциями. <...> Люди как будто спускают пар под предлогом того, что все это – игра” (интервью № 4).

Во время третьего круга торговли некоторые игроки поднимают ставки достаточно высоко, многие пасуют, и дальше остаются, как правило, два-три человека. После того как ставки сделаны,

дилер открывает последнюю, пятую, карту – *ривер*. Наступает время итоговой торговли. Игроки увеличивают ставки, иногда рискуют, ставя на кон все имеющиеся фишки *олл-ин*. Если один игрок ставит *олл-ин*, остальные должны либо уравнивать ставку, т. е. тоже поставить на кон все имеющиеся у них фишки, либо пасовать. Пас означает проигрыш всех фишек, вложенных во время всех четырех предшествующих раундов торговли. Рискованная ставка *олл-ин* делает возможной ситуацию, когда все игроки, кроме одного, могут

потерять все имеющиеся у них фишки. И здесь, как объясняет один из игроков, “главное – вовремя понять, что пас – это не проигрыш, в покере надо уметь вовремя пасовать и не бежать за большими ставками соперников: вершину профессионализма достигает тот, кто при плохих картах проигрыш сводит к минимуму, а при хороших – выигрывает к максимуму” (интервью № 6).

Вовлеченность игрока на последней стадии торговли очень высока, и принять правильное решение в этот момент бывает очень сложно. Автор наблюдал, как на последней раздаче один из игроков поставил на кон *олл-ин*, второй

игрок после некоторых раздумий спасовал, третий думал о том, пасовать или уравнивать ставку, около получаса, чем вызвал негодование других игроков. Эти полчаса соперник, первым поставивший на кон все свои фишки, не мог усидеть на месте, постоянно уходил и возвращался, чтобы узнать решение другого игрока. Через полчаса второй игрок принял решение пасовать. Оба игрока оставались внешне спокойными, хотя выигранный был большим, а проигранный обидным. Обычно после финальной торговли, когда, например, все, кроме одного игрока, пасуют, участники не показывают карты друг другу, а сбрасывают их дилеру, не открывая.

Выражение эмоций, если оно происходит спонтанно и неререфлексивно, дает соперникам информацию, по которой возможно догадаться о достоинстве карт. Поэтому игроки пытаются контролировать выражение лица, жесты, скрывают глаза под темными очками, чтобы свести к минимуму риск угадывания их карт по внешним признакам

Как правило, игрок, выигравший банк, бросает на стол дилеру чаевые в виде фишек. Так он благодарит дилера за удачную для него раздачу карт. У дилера есть в столе два отверстия для фишек: одно для комиссии, второе – для чаевых. В ответ дилер стучит этими фишками по столу: он не только благодарит игрока, но еще желает, чтобы и впредь удача от него не отворачивалась.

Во время последнего круга, когда сложнее всего принять решение, какую ставку сделать, становится ясно, что ставка в казино является количественной мерой действия.

“Умение правильно ставить ставку – самое важное умение: когда поставить и какую именно. На начальных торгівлях при хороших картах надо сделать рейз, чтобы не позволить зйти людям с мусором, чтобы они скинули, но в то же время и заплатили, поэтому надо не всех спугнуть, а на последних торгівлях рисковать, но не запугать и очень осторожно вытягивать деньги. Почему другие игроки ставят именно такую ставку – надо анализировать, и ты сможешь понять, какие карты у других, и можешь оценить свои шансы на победу” (интервью № 1).

Ставка – основная характеристика действий игрока, его стратегии. Когда о ком-то говорят в казино: “Он действует агрессивно”, – это означает, что игрок часто ставит высокие ставки. Если говорят: “Он действует мягко”, – значит, игрок чаще уравнивает ставку либо пасует, редко рискует и продолжает играть только на хороших картах. Таких игроков легко “прочитывают” по ставкам, которые они делают. В наблюдаемом казино их неласково называли *натсами* или *натсистами*.

И. Гофман предполагает, что именно в казино понятие “действие” обрело свое разговорное значение *рискованной деятельности*, предпринимаемой ради самого действия. В покере под действием понимается либо очень рискованная ставка (высокий *рейз* или *олл-ин*), либо ставка вслепую, которую игрок делает до раздачи, не располагаясь возле *кнопки*. Ставки вслепую игрок делает, когда ему становится скучно, когда хотят получить больше эмоций. Однажды автор наблюдал, как молодой пред-

приниматель проиграл подряд несколько раз; ставя вслепую, он все время повторял: “Мне так скучно играть! Как же скучно! Мне нужен экшн! Хотя какой-нибудь экшн!” Он продолжал делать ставки вслепую, и, несмотря на его проигрыши, остальные игроки один за другим стали тоже совершать *действие* – проверять удачу рискованными ставками. За столом игроки оживились, и игра пошла более динамично.

Правда, описанный игрок мог оказаться так называемым *каталой* – профессионалом наивысшего уровня, который своими нерациональными действиями провоцирует других игроков идти на неоправданные риски. Каталы хорошо определяют вовлеченность людей в игру и стараются ее регулировать: проигрывая большие суммы в начале, они все постепенно вовлекают людей в игру, заставляя их делать высокие ставки. *Катание* заключается в том, что “подарками” сначала имитируется игра “сладких” игроков (т. е. плохо играющих новичков), а когда остальные, увлекаясь игрой, ставят высокие ставки, каталы начинают играть в полную силу и, конечно, выигрывать.

Посетители, играющие на хорошем любительском или на профессиональном уровне, зарабатывают деньги на вовлеченности новичков в процесс игры.

“Очень много таких, кто приходит сюда за азартом, – делился опытом игрок, причисляющий себя к профессионалам и рассматривающий игру в покер как один из основных источников доходов. – У них много денег, их захватывает сам процесс игры. Они желают или надеются выиграть, но они плохо играют. Собственно, это – “сладкие”. Ради них и прихожу. На них деньги зарабатываю” (интервью № 7).

“Сладкие”, по мнению игроков, которые играют в покер уже несколько лет, приходят только за эмоциями:

“Они приходят после работы, замученные, уставшие, хотят отдохнуть. Им деньги уже не нужны. Им нужен азарт, эмоции, встряска. Азарт как раз и приходит во время игры” (интервью № 7).

Как показали наши наблюдения, интервью с дилерами и менеджерами казино, а также признания самих информантов, азарт приходит к большинству игроков независимо от их профессионального уровня. Играя, люди переживают яркую палитру эмоций – от безудержного восторга до глубочайшего отчаяния. Однако за столом игроки пытаются контролировать и не демонстрировать переживаемые эмоции, чтобы не выдать себя. Как пишет Джейми Голд, один из самых известных профессионалов игры в покер, “ваши соперники могут быть голодны, утомлены, пьяны или агрессивны. Кто-то, быть может, только что поссорился с другом или любимой, и – верите или нет – хочет поскорее уйти, наплевав на деньги на кону. Вы должны определить душевное состояние соперников, чтобы понять, как играть против них. Основной пример – как человек реагирует на выигрыш или проигрыш крупной ставки” [Радченко. 2007. С. 6].

Определить эмоциональное состояние других игроков, превратить их промахи в свои преимущества – вот что захватывает мастеров покера. Опытные игроки внимательно наблюдают, как другие реагируют на их ставки, как они бросают фишки, чтобы сделать ставку, как перебирают их – нетерпеливо и нервно или спокойно и уверенно, где именно располагают фишки и дают ли возможность другим игрокам свободно подсчитать, сколько фишек у кого имеется. Все это говорит о чувствах, которые испытывает игрок в данный момент времени, о его стратегии игры. Умение прочесть переживания других и их карты по тому, какие ставки они делают и как принимают решения, приходит с опытом. Именно тесное вплетение в игру различных факторов, казалось бы, не имеющих прямого отношения к покеру, повышают привлекательность игры.

Заключение

Риск при посещении казино происходит, прежде всего, из неопределенности. Говоря словами М. Дуглас, рискованные действия в равной степени чреваты и беспорядком, и обретением новой формы, открывающей новые возможности для контроля над ситуацией. Рискующий человек находится на границе чистого / нечистого, он выходит за рамки социальности и принятых конвенций. Такой человек, как и при нарушении табу, с одной стороны, представляет угрозу для упорядоченной и устойчивой общественной структуры, а с другой стороны, имеет возможность преодолеть ситуацию неопределенности и обрести новую форму [Дуглас. 2000].

Именно обретение новой формы и, что более важно, установление контроля над ситуацией становится явной функцией подобных действий, а латентной функцией оказывается получение сильных эмоций и демонстрация собственной решительности, изобретательности, смелости и расчетливости. ■

Литература

- Гик Е., Лесной Д. Мифы и легенды покера // Casino Games. 2007. № 5.
- Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц. Кучково Поле, 2000.
- Лайдинен Н. Мода и казино // Casino Games. 2007. № 3.
- Радченко О. Corona spring poker festival // Poker Europa. 2007. № 1.
- Шютц А. Возвращающийся домой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М: Фонд “Общественное мнение”, 2003.
- Goffman E. Where The Action Is // Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Pantheon Books, 1967.
- Hochschild A. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3.
- Shott S. Emotion and Social Life: A Symbolic Interactionist Analysis // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 86. № 6.

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и “АРЗИ”, стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Авторы номера...

Елена Васильева
Специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Елена Вовк
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Борис Докторов
Доктор философских
наук, профессор,
независимый аналитик
и консультант

Григорий Кертман
Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Айгуль Мавлетова
Аспирантка
социологического
факультета ГУ–ВШЭ

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Владимир Ядов
Доктор философских наук.
Руководитель Центра
исследования социальных
трансформаций
Института социологии
РАН. Профессор ГУ–ВШЭ.
Декан факультета
социологии ГУТНа